

СМЕНА

2006

ЯНВАРЬ • 1

34 Полицейский в отпуске

106 Внук рождаться не должен

146 Пиво Петра I

Тикаль
стр. 4—9

СМЕНА

Литературно-художественный иллюстрированный журнал

1

Основан в январе 1924 года

2006 • ЯНВАРЬ (1695)

Главный редактор

Михаил Кизилов

Зам. главного редактора

Тамара Чичина

Главный художник

Надежда Веселова

Над номером работали:

Башкеев Максим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Калинина Людмила

Молчанова Надежда

Подоляк Кирилл

Подорванова Светлана

Силакова Марина

Чейшвили Владимир

Учредитель — ООО «Издательский дом журнала «Смена»

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Набор, верстка и оформление ООО «Издательский дом журнала «Смена».

Отпечатано в ФГУП «Смоленский полиграфический комбинат»

по адресу: 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит 12 раз в год.

© «Смена», 2006

Проект осуществляется при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Подписной индекс в почтовых отделениях **70820** (по каталогу Агентства «Роспечать»)

ISSN 0131-6656

Наш журнал вы всегда можете купить в киосках сети

«Аргументы и факты»

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

612-15-07 — для справок.

Факс (495) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения: (495) 257-31-37
sales@smena-id.ru

Сдано в набор 15.11.2005.

Подписано к печати 15.12.2005.

Печать офсетная.

Заказ № 13190

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати
Рег. № 014832

ЧУДЕСА НА ПЛАНЕТЕ	4
Игорь Опарин Тикаль	4
ВСЕМИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ	10
Ирина Опимах Джошуа Рейнольдс	10
ИЗДАЛЕКА	20
Любовь Русева Антихристова печать	20
КРИМИНАЛ	29
Екатерина Постникова Жертва по собственному желанию	29
ДЕТЕКТИВ	34
Джозефина Тей Поющие пески	34
LOVE STORY	106
Виктория Мурашова Зеленоглазая фарфоровая кукла	106

ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА 129

Владимир Кислов
Ангел во плоти 129

СТОП-ТУР 136

Татьяна Полева
Страна деревьев и озер 136

РАНДЕВУ 142

Елена Воробьева
Дарите цветы и аплодируйте 142

НОВОСТИ ЕВРОПЫ 146

Денис Логинов
Пиво в честь Императора! 146

МУЗЫКА 149

Полина Теслер
Из песни слов не выкинешь 149

АРЕНА 152

Елена Феофанова
Икар под куполом 152

ТЕХНОКРАТ 156

Ольга Павлюченко
Робот в футболе и сексе 156

КОМПЬЮТЕР 160

Просто Кир
Посеешь CD — пожнешь DVD 160

ХОББИ 164

Анна Шеркунова
А что собираете вы? 164

МОДА 168

Алла Люден
Украшения — страшная сила 168

КУЛИНАРИЯ 173

Евгения Гордиенко
От дим-сум до равиоли 173

О РАЗНОМ 176

Максим Башкеев
Бриллиантовый дым 176

Екатерина Кочеткова
Девочка-зима 180

Максуд Хундамов
**Зима за морозы,
а мужик — за праздники 183**

Светлана Иль
Новогодний гороскоп 186

КРОССВОРД 188

ЭРУДИТ 190

РЕКЛАМА 192

Олег Суворов. Вольные стрелки

Одно из самых страшных явлений нашего непростого времени — заказные убийства. Кто они, киллеры, способные хладнокровно лишить человека жизни за определенную сумму? Осталось ли в них что-нибудь человеческое, способны ли они испытывать какие-нибудь чувства, кроме безжалостности и жадности обогащения? Именно такого человека вывел героем своего нового романа московский писатель Олег Суворов.

Игорь Опарин

ТИКАЛЬ

Густые, непроходимые джунгли покрывают темно-зеленым ковром весь Петен (Гватемала), и трудно себе представить, что среди этих мощных лесных массивов, среди высоченных кедров и пальм, в которых ныне обитают лишь обезьяны и другие дикие животные, а также огромное количество москитов, в невыносимой жаре, среди вонючих болот, могла зародиться и расцвести высочайшая цивилизация, цивилизация майя, загадки которой ученые не могут разгадать до сих пор.

В девятнадцатом столетии в эти дремучие леса пришли путешественники и исследователи. Один из них — американец Джон Ллойд Стефенс, которому и довелось первому открыть памятники культуры майя.

Стефенс родился в городе Шробсбери, штат Нью-Йорк, 28 ноября 1805 года. Юрист по образованию, он проработал несколько лет в нью-йоркских судах, но страсть к древней истории не давала ему покоя. И действительно, как можно было просиживать часы в залах судебных заседаний, когда все вокруг только и говорили о сенсационных находках археологов в странах Востока. И вот молодой адвокат Стефенс, забросив юриспруденцию, едет в Египет, Аравию, Палестину, а потом — в Грецию и Турцию. Он участвует в археологических раскопках и даже публикует записки о своих путешествии-

ях. Однажды ему совершенно случайно в руки попал отчет некоего полковника Галиндо о жизни индейцев Центральной Америки и Юкатана. Книга была выпущена в 1836 году и для большей части публики осталась незамеченной, зато она перевернула всю жизнь Джона Стефенса. В этом отчете начинающий археолог с волнением прочел о том, что Галиндо встречал в джунглях руины строений, относившиеся к какой-то древней и совершенно неизвестной культуре. Позже Стефенс нашел и другие, весьма скудные, данные о подобных руинах — в «Истории Гватемаль» Хурреса. Для азартного Стефенса исходной информации вполне достаточно, и в 1839 году он решает отправиться в Центральную Америку искать памятники неизвестной цивилизации.

В спутники себе он берет англичанина Фредерика Казервуда, профессионального художника — тот понадобится, когда они найдут что-то, достойное внимания публики. Никто не сомневается, что именно такие находки их ждут впереди!

Стефенсу везет — благодаря знакомствам ему удается выбить на экспедицию правительственные деньги, и, став дипломатом и даже получив статус «поверенного в делах Соединенных Штатов Америки», он отправляется в путь.

В то время в Гватемале было неспокойно. Страна разорена, марionеточные правительства сменяли друг друга, бандитские вожаки занимались разбоем, а несчастное и нищее население голодало. Неудивительно, что, когда Стефенс и его люди просили у селян продать какую-нибудь пищу, они слышали в ответ: «У нас, кроме воды, ничего нет». А однажды они

попали в поистине опасную для жизни ситуацию: в одном из городков их захватил отряд солдат — двадцать пять человек. На подвыпивших храбрых воинов не произвели впечатления ни слова (наивный Казервуд пытался объяснить им основы международного права), ни документы (Стефенс показывал свои мандаты). Американцам пришлось пережить ту ночь под дулами винтовок. Видно, удача не оставляла их и спасла от шальной пули, а на следующее утро в гостинице появился протрезвевший алькальд и принес официальному представителю Соединенных Штатов Америки свои извинения. Ура! Стефенс и Казервуд могли продолжать путь.

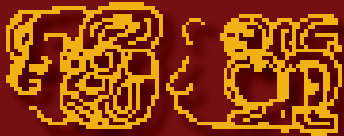
Но путешествие приятным назвать было трудно. Духота, москиты, трясина, лианы — приходилось буквально отвоевывать каждый шаг вперед и то и дело

браться за мачете и с его помощью про- рубать дорогу. Исцарапанные в кровь, с воспаленными глазами, искусанные ко- марами, они, несмотря ни на что, про- двигались дальше. И, наконец, усилия путешественников вознаградились — не- далеко от небольшой деревушки на Рио Копан Стефенс и Казервуд вдруг наткну- лись на каменную стену, а рядом с ней увидели ступени, ведущие к поросшей зеленью террасе. А потом возникла сте- ла — то был их звездный час. Эта стела, высоченный каменный обелиск, не по- ходила ни на что, что им приходилось встречать ранее: ее украшали скульптур- ные украшения, а в глубине рельефа да- же виднелись остатки краски. Среди ор- намента выделялось мужское лицо. («Его лицу было придано торжественное выра- жение, способное внушить страх», — пи- сал позднее Стефенс.) А еще — какие-то

Копан по баснословной цене — 50 дол- ларов! — писал он. — Торговаться не пришлось — для дона Хосе-Мария эта сумма показалась невероятно высокой, и он с радостью согласился».

А в 1848 году мэр города Флорес Ам- брозियो Тут и глава магистрата Модесто Мендес обнаружили прямо у Флореса просто фантастические руины. Отцы го- рода пришли в полное изумление. И действительно, их легко понять — то, что они увидели, не походило ни на что: над ярко-зелеными деревьями, пальма- ми, лианами возвышались пирамиды, од- на из них превышала 200 футов! Какой- то невероятный комплекс многоуровне- вых дворцов и храмов, а еще стелы, и все это каменное великолепие украшала изысканнейшая резьба — фигурки неве- домых людей и зверей, странные иерог- лифы... Это был Тикаль, самый большой

В те времена, когда темное средневековье накрыло страны Европы, в сердце Америки расцветала великая культура майя.

таинственные иероглифы. Расчистив себе путь мачете, путешественники увидели четырнадцать таких стел, одна пора- зительнее другой.

А потом они обнаружили целый го- род — странные пирамиды, лестницы, храмы... Так Стефенс и Казервуд, кото- рый без устали пытался запечатлеть на бумаге памятники неизвестной культу- ры, открыли первый, возвращенный из забвения, город майя — Копан.

Кстати, они стали его собственника- ми! Один из местных жителей, некий дон Хосе-Мария, решив хоть что-то урвать от гринго, так явно интересующихся ни- кому не нужными идолами и дикими джунглями, пришел к путешественникам и заявил, что эта территория — его соб- ственность. Тогда Стефенс сказал, что готов купить участок джунглей с разва- линами. Сделка состоялась. «Я приобрел

город, возведенный майя в гватемаль- ских джунглях примерно в 100 году до н.э. и просуществовавший до конца де- вятого века н.э. Конечно же, Тут и Мен- дес этого не знали и, обнаружив таин- ственные руины, еще не понимали всей ценности своей находки.

В 1881—1894 годах по землям импе- рии майя путешествовал англичанин Альфред Персифаль Моудсли. В Лон- дон он привез из своих походов, кроме записей и зарисовок, тщательно выпол- ненные оттиски и гипсовые слепки с ре- льефов и надписей. С этим материалом уже могли работать ученые. Коллекция Моудсли, став частью сокровищ Брита- нского музея, теперь была доступна исто- рикам, выбравшим для своих исследова- ний культуру майя. Началась работа по расшифровке письменности майя. И тут книга Ланде очень помогла историкам.

Постепенно, благодаря усилиям множества ученых, историков и археологов — среди них особое место принадлежит двум священникам, испанцу Ланде и французю Бубуру — сумевшим расшифровать письменность древнего народа, проникнуть в тайны календаря майя и оценить научные (особенно в астрономии и математике) достижения этого народа, цивилизация майя заняла свое место в истории.

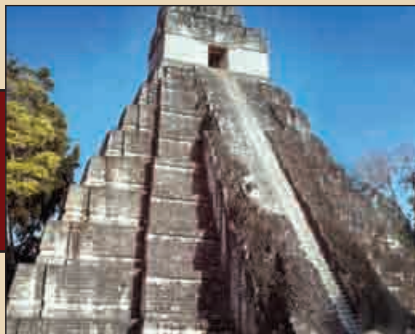
В те времена, когда темное средневековье накрыло страны Европы, в сердце Америки расцвела великая культура майя.

Майя имели развитое сельское хозяйство — выращивали кукурузу, тыкву, помидоры, бобы, перец, табак и какао, держали индюшек и уток, разводили пчел в ульях. У них была и письменность, и писали они свои иероглифы на листах

бумаги, выделанной из растительных волокон и покрытых известью, а также высекали свои нетленные тексты на стенах зданий, надгробиях и стелах. В правила письма посвящались особые жрецы, которым покровительствовал специальный бог письма Ицанму — он, как верили древние майя, создал мир и письменность. Во всей Месоамерике не было народа, достигшего больших успехов в науках, чем майя. Прежде всего, они были великолепными математиками и астрономами. Известно по крайней мере восемнадцать обсерваторий, где жрецы постоянно вели наблюдения за небом. Изучив движение Земли вокруг Солнца, именно они первыми ввели годовой цикл из 365 дней. Создали два календаря — «хааб», солнечный, рассчитанный на 365 дней, и «цолкин», имевший сугубо религиозное значение, применявшийся для

предсказаний — он имел 260-дневный цикл. «Цолкин» могли понимать только жрецы, и когда в жизни майя предстояло что-то важное, простые люди и власти обращались к жрецам за предсказаниями. Майя верили своим жрецам безоговорочно, верили настолько, что если ребенок рождался в неблагоприятный день, все делали вид, что его еще нет на свете, и ритуал наречения откладывали до наступления счастливого дня. Майя создали поразительно совершенную систему счета — двадцатиричную, в которой уже существовал ноль. Именно ноль, стоя по ту или иную сторону от других цифр, увеличивал или уменьшал в двадцать раз число и давал возможность оперировать с бесконечно большими и бес-

конечно малыми величинами. Введение нуля, понятия абсолютной пустоты, свидетельствует о высочайшем уровне абстрактного мышления майя. Считается, что индийцы изобрели свою десятичную систему в VII веке. Спустя несколько столетий она пришла, благодаря арабам, и в Европу. Майя же придумали свою двадцатиричную систему, сходную с индийской и отличающуюся от нее только тем, что в основе ее лежит не число 10, а 20, в IV веке, за три века до индийцев!

Огромную роль в жизни народа играла религия. Высшие жрецы обладали властью не меньшей, чем светские правители, и в центре любого города майя занимали храмы — пирамиды. Пирамиды эти представляли собой поставленные

друг на друга мощные каменные параллелепипеды, которые по ходу к вершине плавно уменьшались. На поверхности последнего параллелепипеда стоял сам храм — сравнительно небольшого размера. К храму вела вырубленная в камне лестница. По ней в храм всходили жрецы и оттуда обращали свои речи к народу. Там же перед входом в храм совершали они ритуальные действия, дабы умиловить суровых богов.

Основным божеством для майя был бог-ягуар. Его почитали как властителя подземного мира, он символизировал мудрость и воинскую доблесть. Существовали и другие культы. Майя полагали, что умиловить грозных богов можно, только пролив человеческую кровь. Они делали надрезы на своих телах и, собрав кровь в сосуды, преподносили ее богам. Кровопускание считалось очис-

Майя построили в джунглях огромные города-государства — Паленке, Копан, Чичен-Ица, Ушмаль. Среди них самый большой, красивый и величественный город — Тикаль, вытянувшийся вдоль извилистой линии горного хребта. Тут жили десятки тысяч людей — историки полагают, что население города достигало 50 тысяч человек! — среди которых были художники и скульпторы, архитекторы и ремесленники, земледельцы, ученые и жрецы. Только центральный район города занимал почти 16 квадратных километров! В центре города располагалась большая площадь, ограниченная с западной и восточной сторон пирамидами, а с севера — акрополем. Здесь когда-то возвышались три тысячи строений — храмы, обсерватории, церемониальные сооружения и жилища. Как были построены эти великолепные сооруже-

Тикаль, как и другие города майя, жил и процветал довольно долго, примерно 1000 лет, до конца IX века, а потом люди ушли из этих мест.

тительным обрядом. Нередко в жертву богам приносили не только драгоценные камни, цветы, животных, птиц, но и людей. Праздничные церемонии устраивались в День Нового года, при этом каждый месяц посвящался особому божеству. У жрецов, правителей, крестьян, строителей были свои праздники — даже в эти радостные моменты жизни каждый знал свое место в социальной иерархии империи майя. Похороны тоже обставлялись определенным образом, и когда хоронили правителя, вместе с ним в загробный мир обязательно отправляли группу сопровождающих лиц — убивали несколько приближенных и оставляли их в склепе, дабы они и на том свете охраняли своего господина. В гробницу клали и дары богам, и обильные съестные запасы — дабы скрасить долгий путь усопшего в царство мертвых.

ния — загадка, ведь древние майя не знали колеса и перемещали тяжеленные грузы на себе, не умели плавить металл, то есть не пользовались металлическими орудиями, все делалось вручную...

Вся жизнь в городе сосредотачивалась у храма Ягуара, на Храмовой площади. У подножия храма был двор для «игры в мяч». Эта игра считалась отнюдь не спортивной забавой, так называлось некое ритуальное действие, во время которого участники локтями и бедрами проталкивали мяч через каменный обруч. Храм украшен скульптурными изображениями человека и змеи. Крутая лестница со множеством ступеней ведет к основному святилищу — это три помещения, перекрытые ступенчатым сводом. Именно там и совершались человеческие жертвоприношения. Тела людей богов не интересовали — им преподно-

силься сердца, вырванные из груди жертвы. И все собравшиеся у храма видели, как протягивал жрец еще бьющееся, живое, красное от крови сердце богам, а кровь несчастной жертвы медленно стекала по ступенькам вниз, на землю.

Богатые майя жили в так называемых дворцах, расположенных вокруг храма Ягуара. Это длинные трехэтажные здания, комнаты в которых украшали росписи и декоративные маски. Майя знали, что такое занавеси, а на пол, каменные сиденья и кровати бросали шкуру ягуара. Бедные селились в жилищах на окраинах города, и их дома тоже строили на платформах из глины — возможно, для защиты от наводнений и паводков.

Тикаль, как и другие города майя, жил и процветал довольно долго, при-

мерно 1000 лет, до конца IX века, а потом что-то случилось — люди ушли из этих мест. Почему, что вызвало столь резкие перемены в жизни целого народа, что заставило людей бросить свои дома и храмы — ученые до сих пор точно не знают ответы на эти вопросы.

Возможно, причиной забвения городов майя стали эпидемии страшных болезней или восстание крестьян, которые уже не в силах были переносить гнет зажавшейся верхушки жрецов и светских правителей? Ведь знать, называвшая себя «те, кто знают своих отцов и матерей», имевшая древние генеалогические древа, потеряла всякий стыд — одну треть урожая крестьянин отдавал жрецам, другую — местному царьку, и лишь

то, что оставалось, шло на прокорм его семье.

Но, скорее всего, с насиженных мест погнался голод — вокруг городов истощились почвы, земля перестала родить. Майя, несмотря на высокий уровень культуры, не знали колеса, у них не было плуга. Облюбовав участок земли в джунглях, они валили деревья, сжигали их, а потом палкой выкапывали лунки и сажали, например, зерна маиса. Удобрений не было, и потому, сняв урожай, крестьяне искали новый участок и возделывали его, пока предыдущий отдыхал, находился под паром. Население росло, требовалось все больше пищи — приходилось искать все новые земли.

И тысячи майя-горожан вынуждены были уйти в леса. А джунгли снова заволакивали места, где человек позволил себе на какое-то время одержать над приро-

Обитатели деревень верят, что духи их предков охраняют древние храмы. На языке майя «Тикаль» означает «место, где звучат голоса духов».

дой верх. Храмы и дворцы поглотила живая зеленая масса.

Путешествуя по Америке, Муудсли вместе с группой попал в Тикаль. Придя в восторг от увиденного, он предложил заночевать среди живописных руин. Но его проводники — местные крестьяне — в испуге отказались. Это опасно, тут живут духи, говорили они. До сих пор обитатели здешних деревень верят, что духи предков охраняют древние храмы. Недаром на языке майя слово «Тикаль» означает «место, где звучат голоса духов». Люди, построившие этот грандиозный город, много веков назад ушли из Тикаля, но их души по-прежнему здесь, в грандиозных храмах-пирамидах и дворцах, в величественных стелах, на которых навечно застыли гордые профили воинов-майя, сумевших сохранить и пронести сквозь века древнее знание мудрых жрецов... □

Три девушки,
украшающие
герму Гименя
(сестры
Монтгомери),
1774.

Джошуа Рейнольдс

Ирина Опимах

Замечательный портретист, общественный деятель, друг самых известных и талантливейших людей своего времени, основатель и первый президент английской Академии художеств, сделавший многое для развития английской живописи, Джошуа Рейнольдс оставил яркий след в истории своей страны. Жизнь его прошла в постоянном труде, в постоянном поиске совершенства. «Просто я каждый день старался писать лучше, чем вчера», — отмечал он в письме одному из своих друзей.

16 июля 1723 году в Плимтоне, что в Девоншире, в семействе пастора Рейнольдса родился мальчик. Назвали его Джошуа. Он рос серьезным, старательным, исправно посещал школу, не бегал по окрестным лесам и очень любил рисовать. В отцовской библиотеке маленький Джошуа однажды нашел эстампы, и его первыми опытами стали их копии. А еще он нашел потрясающую книгу, во многом сформировавшую его восприятие искусства. То был трактат британского художника Джонатана Ричардсона «О теории живописи», где рассказывалось среди прочего и о том, как создать на листе бумаги иллюзию перспективы. Джошуа попробовал сделать все, как советовал автор книги — и у него получилось! Уходящая в глубину комнаты стена с окном выглядела как настоящая! Джошуа понял, что живопись, рисунок —

*Джорджиана, графиня
Спенсер, с леди
Джорджианой Спенсер,
1759—1761.*

наука, в которой существуют строгие законы и правила. И если им следовать, то можно добиться многого...

В двенадцать лет Джошуа написал на парусине корабельными красками портрет преподобного Смарта. Пастор Рейнольдс, увидев портрет, был поражен. Да у его сына недожиданный талант! И хотя супруги Рейнольдсы видели своего мальчика в будущем врачом с обширной клиентурой, когда ему исполнилось семнадцать лет и пришло время думать, куда сыну идти учиться — в аптекарскую лавку или все-таки заняться живописью, они пригласили состоятельного друга семьи мистера Кронча, дабы тот оценил первые опыты юноши и дал мудрый совет. Мистер Кронч, взглянув на картины юного Рейнольдса, сказал следующее: «Давайте покажем работы Джошуа мистеру Томасу Хадсону. Если он скажет, что Джошуа талантлив, я сам буду платить за его обучение в мастерской Хадсона». Томас Хадсон, в те времена весьма успешный и популярный художник, жил в Лондоне, но был уроженцем Девоншира и часто приезжал в родные места. Сам Джошуа страшно обрадовался. Но со свойственным ему достоинс-

твом сказал: «Я предпочел бы скорее стать аптекарем, чем посредственным художником».

Хадсону работы пасторского сына понравились, и он взял его на обучение. Обычно в мастерской учились четыре года, но Рейнольдс всего за два года столь блестяще освоил основные приемы ремесла, что Хадсон, заявив, что больше ничему Джошуа научить не может, даже разрешил ему начать самостоятельную деятельность.

Рейнольдс вернулся в Девоншир, в родной Плимтон, и стал писать портреты, которые очень нравились местным жителям. У него сразу же появилось множество заказчиков. В 1746 году умер его отец, и Рейнольдс решает перебраться в Плимут-Док (ныне Девенпорт), опорный пункт военно-морского флота Британии. Джошуа понимал: чтобы добиться успеха, нужно заручиться покровительством аристократов, публики из высшего общества, и здесь, среди высших офицеров британского флота, он и надеялся их найти.

Он работает изо всех сил, у него масса клиентов, но увы — среди них пока нет ни одного достойного его особого

*Огастес, виконт Кеппел,
1753—1754.*

*Леди Кэролайн Скотт в виде «Зимы»,
1776—1777.*

внимания аристократа. И только спустя три года после переезда в Плимут, в 1749 году, ему наконец повезло, и случилось это, когда в порт прибыла эскадрилья под командованием сэра Огастеса Кеппела. Рейнольдс пишет его портрет и становится его лучшим другом. А когда эскадра должна была отбыть в Средиземное море, дабы усмирить некоего алжирского бая, не дававшего покоя английским кораблям, Кеппел пригласил в поход и своего молодого друга-художника. Плавать на судне Кеппела было интересно, но все-таки на суше художник чувствовал себя увереннее, и на Минорке, одном из Балеарских островов, Рейнольдс сошел на берег. И здесь у него появилось множество заказчиков —

он работает без усталости, зарабатывает деньги — ему очень хочется осуществить свою давнюю мечту, посетить Италию, страну, где жили и творили великие мастера Возрождения. В Риме и Венеции, Флоренции и Падуе, в других городах Рейнольдс изучает вершины мирового искусства, с упоением осваивает творчество великих итальянцев, копирует их.

В 1753 году Рейнольдс, уже многое умеющий, честолюбивый и амбициозный, возвращается в Лондон — завоевывает положение в обществе, осуществляет свои далеко идущие планы. Первой работой, вызвавшей восхищение очень разных людей — и художников, и литераторов, и в аристократических кругах — стал портрет друга и покровителя сэра

Кеппела. Бравый адмирал — он написан во весь рост — вышагивает по берегу бушующего моря и ничего ему не страшно!

Рейнольдс быстро становится модным. К 1755 году спрос на него столь велик, что уже порядка ста его работ украшают гостиние самых известных домов Лондона. Умный и находчивый Рейнольдс особенно не мудрит над композицией своих произведений — частенько он использует уже придуманное до него известными мастерами античности и Возрождения. Конечно же, лондонцы XVIII века, даже и просвещенные, мало знакомы с наследием прошлых веков, и все, что делает их замечательный, любимый и такой любезный мистер Рейнольдс, приводит их в восторг. Разумеется, в Лондоне были и знатоки искусства. Одни, настроенные благожелательно к новому кумиру, замечая, что его картины им что-то напоминают, говорили, что он внедряет на английской почве наследие прошлого; другие, гнусные, злобные завистники, просто утверждали, что он вор и ворует у старых мастеров. Но эти сплетни ничуть не мешали Рейнольдсу. И он пишет, пишет взрослых и детей — дети у него получаются очень хорошо, он прекрасно с ними ладит и замечательно умеет передать и их высокое происхождение, врожденный аристократизм, и детскую непосредственность.

Рейнольдс становится первым живописцем Лондона. По мере роста доходов он все более вхож в самые высшие круги столицы — правительственные и интеллектуальные. Среди его друзей — сам доктор Сэмюэль Джонсон, создатель знаменитого «Словаря английского языка» и автор блестящих, умных, едких, а иногда и злых, афоризмов. Джонсон на четырнадцать лет старше Рейнольдса, но это не мешает им дружить. У Рейнольдса, по сути, нет настоящего образования, и в доме Джонсона, внимая писателю и его друзьям-литераторам, журналистам, он получает то, чего ему так не хватает. Дружит Рейнольдс и с Оливером Голдсмитом, тоже частым гостем Джонсона,

Миссис Сиддонс в виде музы Трагедии, 1789.

замечательным драматургом и поэтом, и Эдмундом Берком, политиком и литератором, и великим актером Дэвидом Гарриком.

А тем временем заказчиков становится все больше, и вот уже Рейнольдс не справляется — приходится нанимать подмастерьев. Ну и, соответственно, денег он зарабатывает немало — Джонсон, который никогда не слыл богачом, пишет о своем друге: «Рейнольдс не имеет соперников и продолжает благодаря

*Герцогиня Девоншир
и леди Джорджиана Кэвэндиш, 1784.*

собственным заслугам приращивать тысячи к тысячам». В 1760 году художник покупает большой особняк в самом фешенебельном районе Лондона, приобретает богатый выезд и нанимает слуг. Ну и там, в этом роскошном доме, он устраивает галерею своих работ — теперь он может показать, на что способен, всем своим гостям! Его дом становится центром культурной жизни города.

Сюда заходят все его приятели и, конечно же, доктор Джонсон, известный любитель хорошо выпить и закусить, и государственные деятели, и писатели, и актеры... Такие разные его гости, но всех их объединяет одно — высокое положение в обществе. Они все, как и сам хозяин дома, большой сноб, на гребне успеха...

В 1764 году Рейнольдс, не без влияния своих приятелей-литераторов, учредил Литературный клуб и начал пописывать статьи об искусстве в журнал «Бездельник». А в 1768 году стал одним из основателей и первым президентом Королевской академии, где самые лучшие художники Британии обучали секретам своего мастерства молодых и талантливых художников со всей страны. Каждые два года перед слушателями Академии выступал ее президент, который награждал лучших и в своих «Речах» формулировал основные принципы искусства — так, как он их понимал. Кроме того, Рейнольдс читал курс лекций студентам — позже эти лекции издали и перевели на разные европейские языки — и на русский тоже. Прежде

*Адмирал виконт Кеппел,
1780.*

всего, начинающие художники должны освоить рисунок. Необходимо также соблюдать требования морали и развивать свой вкус — изучать шедевры мировой литературы и античного искусства. Природа полна несовершенств, и любое человеческое лицо и тело имеют недостатки, а задача художника — служить красоте, то есть уменьшать изъяны и диспропорции натуры. Только так можно создать что-то действительно значительное! Очень важно правильно выбрать тему картины, предмет изображения. Жизнь простонародья и батальные сцены не заслуживают внимания истинного гения, его предназначение — исключительно сюжеты возвышенные, высокодуховные — сцены из античной мифологии или истории, Священного пи-

сания. Художников-бытописателей, например, великих голландских и фламандских мастеров XVI—XVII веков, а также и итальянских эпохи Возрождения, писавших своих современников и современную им жизнь, Рейнольдс называет «орнаменталистами». Правда, он не всегда столь категоричен, и признает, что его излюбленный жанр, портрет, может быть возвышен до самых высоких образцов, если кисть в руки берет настоящий художник. Говорит он в своих речах и об имитации, в которой его часто обвиняли. Для Рейнольдса имитация — не плагиат, но постижение образцов великого искусства прошлого, а потому она вполне допустима и даже необходима. По сути, Рейнольдс выразил в своих «Речах» идеи классицизма, которым он сам всегда

*Четвертый герцог и герцогиня
с семейством, ок. 1778.*

старался следовать, но при этом иногда теоретические его принципы входили в противоречие с его чутьем, душой художника, вот почему он много времени посвятил не совсем возвышенным сюжетам, изображая реальных людей и создавая тонкие психологические портреты, на которых оживали персонажи вполне узнаваемые, с чертами лица, весьма далекими от идеальной красоты.

Многие работы того периода — лучшее, что он создал. Очаровательны «Графиня Спенсер с леди Спенсер». Пусть поза графини, держащей на руках маленькую дочь, — поза ренессансной Мадонны с младенцем, сама графиня с милой малюткой такая живая, такая прелестная! Достопочтенную миссис Бэкфорд Рейнольдс изобразил приносящей жертву греческой богине здоровья Гилее. Опять известная композиция, но на лице миссис Бэкфорд столько боли, столько горя! Наверное, Рейнольдс знал, что у его героини были причины для страданий. Ее история не могла не возбудить общественное мнение. Миссис Бэкфорд, известная в лондонском свете красавица, мало того, что болела туберкулезом, была еще и несчастлива в браке, а утешил ее кузен мужа, Уильям Бэкфорд. Но на этом дело не кончилось — они оба, и несчастная миссис Бэкфорд, и ее сердечный друг, влюбились в одиннадцатилетнего сына виконта Кортни, и вся троица, ко всему прочему, еще и принимала участие в черных мессах и всяких богопротивных ритуалах! И все это, все переживания и злоключения бедной дамы, несмотря на античный сюжет, удивительным образом присутствуют на картине Рейнольдса!

Мужчин, видно, было трудно уговорить облачаться в античные туники, поэтому мужские портреты редко соответствовали принципам Рейнольдса, зато женщины, дамы из высшего лондонского света, обожавшие своего художника, все чаще изображают, по его велению, на портретах то греческих, то римских героинь. В 1774 году он написал трех дочерей шотландского юриста и члена парламента сэра Монгомери — девушки на полотне обвивали цветочной гирляндой бюст Гименея, древнегреческого бога брака. Картина была полна символов, понятных членам семьи Монгомери, и при этом выглядела весьма классично. Полотно имело огромный успех.

Казалось бы, все хорошо в жизни Рейнольдса, да только вот иногда его

мучила зависть — зависть к своим соперникам, талант которых был для него очевиден. И среди этих соперников особое место занимал Томас Гейнсборо. Глядя на картины Гейнсборо, умный Рейнольдс остро осознавал, что его собственной живописи, порой суховатой и рассудочной, часто не хватает чувства, нежности, любви. Любви не хватало ему и в жизни.

В 1766 году в Лондоне появилась молодая художница Ангелика Кауфман. Ей только исполнилось 25 лет. Удивительная девушка — красивая, умная, добрая, да еще прекрасно поет и великолепно рисует. Казалось, Бог был к ней особенно благосклонен и наделил ее всеми возможными талантами. До приезда в Лондон Ангелика уже успела расписать церковь в швейцарском городке Шванценберг, работала при дворе герцога Монфорти, жила в Риме, где увлеклась античностью, подружившись с известным историком и археологом Винкельманом. Она даже написала его портрет. «Мой портрет для одного друга сделан исключительной личностью, одной немецкой художницей. Она очень сильна в портретах...» — писал о ней Винкельман. В 1766 году Ангелику приняли в члены Академии Святого Луки, а через три года она стала и членом французской Академии. Ее талант был официально оценен.

Вот такая девушка появилась в Лондоне. Разумеется, Рейнольдс не мог не обратить на нее внимания — ведь ее успех, ее слава сравнимы с его успехом, с его славой! Хорошенькая, одаренная музыкантша и художница, вполне обеспеченная, ее приняли в самых высших кругах, и отбоя от женихов у девушки, конечно же, не было. Вот и Рейнольдс, почетный президент Академии, самый востребованный портретист Королевства, которого встречали с поклоном в престижнейших гостиных, человек, тщательно просчитывающий все в своей жизни, до сих пор не дававший волю сердцу, вдруг увлекся этой немкой, вскружившей голову всем и вся. Он предложил ей

*Лорд Хитфилд,
губернатор
Гибралтара, 1787.*

стать его супругой и — совершенно неожиданно для себя получил отказ! И оскорбился! Как это так, отказать ему, самому Рейнольдсу! Да что она себе позволяет, эта девчонка! И он решил ей отомстить. Просто так ей это не пройдет!

Однажды Рейнольдс, затаив обиду в глубине души и сохранив с Ангеликой вполне хорошие отношения, представил ей своего друга, некоего Фредерика Брандта. Граф Горн — так назвал его Рейнольдс. Юноша был красив, неглуп и умел вести себя в обществе. У него имелся один недостаток, но Ангелика об этом ничего не знала, зато о нем хорошо оказался осведомлен Рейнольдс. А дело заключалось в том, что документы Брандта были не в порядке, и его графство и право наследования состояния графов Горнов ничем не подтверждались. Молодые люди прониклись друг к другу нежными чувствами и обвенчались. Вот тогда и настал час мщения: Рейнольдс с упоением вскрыл обман. Разразился страшный скандал. Мнимого графа арестовали за

присвоение чужого имени и титула, а Ангелика, не сумевшая простить ложь любимого, подала на развод. Она тяжело переживала всю эту историю, наделавшую много шума в лондонском обществе — болела, стала избегать людей. Но из Лондона не уехала — прожила в столице Англии еще 13 лет, имела много заказов и даже стала членом Академии художеств, президентом которой был отвергнутый ею Рейнольдс. А потом все-таки вышла замуж — этого очень хотел ее отец, понимавший, что жизнь сложна, и лучше пусть у его девочки все-таки будет какая-то опора и защита. Ее супругом стал итальянский художник Антонио Дзукки. С ним Ангелика уехала в Италию. В Риме, где они поселились, Ангелика познакомилась и подружилась с Гёте, который относился к ней с глубоким уважением и очень ценил и ее талант художника, и ее ум. Ангелика Кауфман умерла в 1807 году, и весь Рим скорбел, узнав о смерти этой яркой, талантливой художницы и очаровательной женщины.

А Рейнольдс, пережив историю с Ангеликой, так и остался одиноким. И действительно, найти такую вторую женщину — столь же красивую, умную и талантливую, столь же преданную искусству, просто невозможно. А другая ему была не нужна. И в доме Рейнольдса роль хозяйки исполняла его сестра Фрэнсис.

Популярность Рейнольдса все росла, и вот сбылись его самые сокровенные мечты — его заметил сам король. Георг III Ганновер вступил на престол в 1760 году, сменив своего отца, Георга II, не выказывавшего никакого интереса к британскому искусству. Все хорошо помнили его известную фразу: «Ненавижу шивопись, та и поэзию тоже!» Он, Ганновер, не чувствовал себя англичанином и даже плохо говорил на английском, и все английское было ему глубоко безразлично. Георг III был совсем иным человеком — он прекрасно знал язык своих подданных, очень заботился о приумножении славы Британии, любил и понимал живопись. Одна из его дочерей стала неплохой художницей. Более того, король, поддержав идею создания Королевской академии, участвовал в разработке принципов ее работы. И вот, высоко оценив заслуги Рейнольдса, основателя Литературного клуба и Королевской академии, перед страной и короной, Георг пожаловал ему рыцарское звание — сына простого провинциального пастора стали величать сэром! А в 1784 году его назначили придворным художником короля. И в этом статусе он продолжал много и напряженно работать.

Два замечательных живописца Англии, Рейнольдс и Гейнсборо, никогда не были друзьями, во многом даже соперничали, по-разному понимая задачу художника. Но при этом каждый обладал достаточным мужеством и широтой души, чтобы признать талант другого. И не случайно, чувствуя приближение смерти, Гейнсборо позвал Рейнольдса навестить его — именно ему он хотел по-

казать свои последние работы. И Рейнольдс тут же откликнулся — он приехал в Шомберт-Хаус, где жил Гейнсборо. Эта последняя встреча двух выдающихся британских художников прошла трогательно и грустно — Гейнсборо, уже не встававший с постели, велел принести к кровати свои последние, незаконченные работы, и оба они, понимая, что это сладкая ложь, говорили, что Гейнсборо их непременно завершит... «Я не скрываю, что не был с ним связан узами дружбы, но если между нами и существовало соперничество, все мгновенно было забыто в те минуты откровенности. Он отнесся ко мне как к человеку, охваченному теми же устремлениями и заслужившему его доброе отношение тем, что я осознал его превосходство. Не вдаваясь в подробности нашего последнего свидания, скажу лишь, что у меня создалось впечатление, что при расставании с жизнью ему было жаль прежде всего расставаться с искусством...» — так рассказывал сэр Джошуа о своей последней встрече с гениальным английским художником слушателям Королевской академии (в четырнадцатой «Речи») спустя четыре месяца после его кончины. Подробно анализируя творчество Гейнсборо, он говорил о его значении для Англии. «Имя Гейнсборо олицетворяет славу английского искусства», — признавал он.

Старая, Рейнольдс не переставал интенсивно работать, но годы брали свое, и в 1789 году, спустя год после смерти Гейнсборо, сэра Джошуа постигло несчастье, настоящая беда для художника — слепота. Биографы Рейнольдса писали, что, когда он понял, что слепнет, он положил кисть на мольберт и с большим достоинством и мужеством сказал: «Всему на свете есть конец, вот и для меня он настал». 23 февраля 1792 года он скончался. Президента Королевской академии и придворного художника короля торжественно похоронили в главном соборе Лондона — соборе Святого Павла. □

Любовь Русева

АНТИХРИСТОВА
ПЕЧАТЬ

иллюстрация **Геннадия Новожилова**

— Александр Иванович, как помочь державе избавиться от сего бича?

— Государыня, я снова повторюсь — оспу можно одолеть токмо прививкой всех ваших верноподданных.

— Но это же опасно, большинство попыток закончились трагично для людей.

— Напомню, что опыты барона Димсделя дали отменный результат.

— Александр Иванович, вы изучали медицинские науки в Кембридже и хорошо знакомы с тамошними докторами. Найдите способ уговорить барона приехать в Россию. Мы заплатим ему любые деньги, согласимся на все его требования...

Начавшаяся в Москве в конце 1767 года эпидемия унесла тысячи жизней. Несмотря на то, что двор переехал в Петербург, зараза пробралась и в Зимний дворец. За несколько дней до свадьбы скончалась невеста Панина — графиня Шереметева. Хотя в то время уже имелось средство борьбы с этой страшной болезнью — прививка, но она повсеместно вызвала недоверие. Во Франции, например, по словам Вольтера, дело доходило до того, что оспу прививали по парламентскому приговору. Александр Иванович Черкасов, ратовавший за тотальное оспопрививание, добился своего. Но мало кто ожидал, что Екатерина рискнет начать с себя, чтобы подвигнуть на этот шаг остальных личным примером.

Посредничество Черкасова увенчалось успехом. Димсдель дал согласие и приехал вместе с сыном — студентом-медиком, который уже помогал отцу прививать оспу. Об Александре Ивановиче великобританец напишет в своих «Записках», что тот удостоил его «столькими знаками выразить ему свою признательность, соответственно тому, чему я ему обязан благосклонности», и он «счел бы себя счастливым, если бы мог».

В последующих веках все торжества по случаю успешной прививки Екатерине и Павлу вызовут ироничные отклики, молебны и пир станут свидетельством тщеславия императрицы, ее «саморекламы». Но тогда, в 1768 году, многим было не до смеха. Особенно Димсделю, поскольку все «опыты» проваливались, к тому же он столкнулся с мощной силой предрассудка. Даже спустя столетие в простом народе прививку называли «антихристовой печатью».

В Петербурге приспособили под госпиталь пустовавший дом барона Вольфа. По настоянию Черкасова, прививку сделали сначала двум кадетам. Для этого необходимо было взять «оспенную материю» у больного натуральной оспой. Найти такого не было проблем, но среди обывателей бытовало мнение, что «операция» может принести пользу только человеку, кому ее делают, но «донор» непременно умрет. И первый опыт англичанина это «подтвердил» — ребенок на следующий день скончался. Причина крылась в традиции лечить оспу «жаром»: комната протапливалась, при этом окна не открывались. От духоты и здоровому человеку становилось дурно.

Смерть мальчика оказалась началом. Кадеты во время привития оспы вели себя «с примерной твердостью», но как потом узнал Димсдель, они считали себя обреченными жертвами, и это психологическое состояние сыграло свою роль. На второй же день опасно заболел Басов: как выяснилось, накануне он объелся сухофруктов, что и стало причиной «лихорадки» с рвотой. Но как доказать это мальчику, который уверен в смертельном исходе опыта?! Через шесть дней кадет находился в крайне тяжелом состоянии. Димсдель, как ни поддерживал его Черкасов, окончательно расстроился. Понимание проявила и императрица.

— Ваша печаль мне не нравится. Скажите мне, в чем дело?

— Меня весьма беспокоят неблагоприятные известия о больных в Вольфском доме, ваше императорское величество.

— И мне это досадно, но скажите мне правду, от чего произошла болезнь кадетов: от оспы или от другой причины?

— Без сомнения, не от оспы. Она началась прежде, чем оспа могла расстроить организм, и продолжается с симптомами, которые никогда не сопровождают прививку в этот период.

— Так перестаньте же бояться. Я уверена вполне, что с помощью Божией он преодолеет болезнь, и все кончится благополучно. Я должна сознаться, что это действительно несчастье, если что-нибудь случится, хотя и от другой причины. Нельзя будет убедить народ, что беда произошла не от оспы, это усилит их предрассудки в самом начале дела и затруднит введение оспопрививания в империи. Что бы ни случилось с этим молодым человеком, это не изменит моей решимости. Я согласна подвергнуться операции, сделанной вашими руками, и восстановить репутацию оспопрививания.

К счастью, Басов пошел на поправку.

Решили прививку продолжить. Димсдель с сыном, кадетами и немцем-хирургом, назначенным лечить бедные семьи, отправились в дом на окраине Петербурга, где болел ребенок. Встретили их очень «странно». В крохотной комнате от духоты невозможно было дышать, к тому же здесь собралось все большое семейство. Хозяйка со страхом смотрела на доктора, который подошел к постели ребенка. И тут мать бросилась ему в ноги, «положив руки на голову по восточному обычаю», она запритала, умоляла пощадить ее дитя. Хирург поведал о царившем суеверии среди людей.

«Мысль, что на меня смотрят, как на убийцу, так меня поразила, что я содрогнулся и попросил переводчика объявить этой женщине, что я никогда бы не принял за такое преступное дело и не мог бы решиться отнять жизнь у невинного ребенка, что если взять от него оспенной материи, как я имел в виду, то это не могло быть для ее сына опасно или вредно, но что если она не хочет мне верить, то я уйду и избавлю ее от всякого опасения...»

Мать, естественно, не поверила, но ее уговорил муж, сославшись на приказ императрицы. С трудом Димсделю удалось уговорить проветрить комнату. Слова, что свежий воздух полезен больному, не убедили, хозяйка согласилась только после того, как он дал им рубль. Этого ребенка англичане не позволили погубить — сын Димсделя постоянно находился при нем. Малыш поправился, «но после того жизнь его подверглась большой опасности вследствие безрассудного с ним обращения». Вопреки совету хирурга, еще очень слабого ребенка отнесли в баню. Его едва удалось спасти.

Следующий опыт также провалился — ни у одного привитого не появилась сыпь. Англичанин полагал, что кадеты раньше перенесли натуральную оспу в легкой форме. Больше ждать Екатерина не желала. Операция прошла успешно, но о ней объявили только через пять дней. «В продолжение этого времени императрица участвовала во всех увеселениях с своею обычною приветливостью, не показывая ни малейшего беспокойства по поводу того, что было с ней сделано. Она кушала по-

прежнему с другими, оживляя весь двор особенным изяществом своей беседы, — качество, которым она отличается столь же, сколько своим достоинством и высоким саном», — писал в «Записках» Томас Димсдель.

Воспользовались услугами барона и вельможи. Орлов, несмотря на то, что был болен, настоял на прививке. «Не зная верно, была ли на нем оспа, — писала Екатерина Вольтеру, — он отдался также в руки Димсделя и на другой день после операции поехал на охоту при самой большой выюге. Некоторые придворные последовали его примеру... После этого оспопрививание быстро распространилось в Петербурге и вошло даже в моду, так что те, которые имели природную оспу, жалели, что не могут быть в моде».

Начало положено, но знать — не вся Россия. Черкасов разработал проект, в соответствии с которым привили всех детей домов приюта. Сначала в Москве и Петербурге, а затем во всех губернских городах были основаны специальные пункты для прививки оспы. Обученные медики разъезжали по деревням. Оспопрививание проводилось не только бесплатно, но матерям привитых детей выдавался серебряный «оспенный» рубль.

Один из английских дипломатов, характеризуя ближайшее окружение императрицы Екатерины II, писал о первом президенте Медицинской коллегии бароне Черкасове: «Он прямой и решительный человек. Он привязан к императрице долгом, а к своей стране — принципами и чувством... Императрица однажды сказала ему в моем присутствии: «Я думаю, что в своей жизни вы никогда не солгали». Зная Англию и потому уважая ее, предпочитая ее любой другой иностранной державе, он любит только Россию, и если когда-нибудь ему придется действовать в качестве министра и он сочтет, что ее интересы задеют, он не примет во внимание никаких других соображений...»

Честностью, прямотой, верностью долгу и любовью к Отечеству Александр Иванович походил на своего отца — могущественного Тайного советника императрицы Елизаветы Петровны. Екатерина II в своих «Записках» о нем писала: «Это был человек грубый и упрямый, требовавший порядка и справедливости и соблюдения во всяком деле правил».

Упрямство отличало и сына, но он, в отличие от отца, был приятным собеседником, ловким придворным и образованным человеком, свободно говорившим на французском, немецком и английском языках. Александр Иванович, получив домашнее воспитание, был отправлен отцом вместе с братом Иваном в Англию. В Кембриджском университете он изучал медицину и сельскохозяйственные науки. «Благодаря великому прилежанию он приобрел некоторые познания латинских классиков и истории, а также так овладел английским, что может читать любого автора и с легкостью вести разговор», — писал английский дипломат.

Вернувшись в Россию, он поступил в Преображенский полк и по состоянию здоровья вышел в отставку в 1761 году в чине капитана. Иван Иванович дослужился до вице-адмирала.

На страже здоровья нации

Александр Иванович как друг и сторонник Орловых пользовался особым доверием Екатерины II. Едва взойдя на престол, она поручила ему разработать проект создания Медицинской коллегии, который утвердила в ноябре 1762 года, и первым президентом высшего органа государственного управления медицинским делом в России стал барон Александр Иванович Черкасов.

Известный русский историк Александр Густавович Брикнер писал: «Это может быть названо эпохой в истории медицины в России. Первым председателем этой

коллегии был барон Черкасов, пользовавшийся особенным доверием императрицы. Он может считаться основателем народно-санитарной полиции в России».

Медицинская коллегия состояла из двух департаментов: коллегии докторского и лекарского искусства и канцелярии, ведавшей финансово-хозяйственными вопросами. В обязанности коллегии входили организация медицинской помощи населению, подготовка медицинского персонала, ей присваивалась «власть делать распоряжки, касающиеся до врачевания во всей империи и до распространения науки медицинской, хирургии и всех частей, к тому принадлежащих».

Коллегия состояла из 8 членов с правом голоса: президент, 3 доктора медицины, 1 штаб-лекарь, 1 лекарь, 1 оператор и 1 аптекарь. В Москве учреждалась Контора коллегии, которой заведовал штатд-физик. Главными задачами коллегии были: 1) сохранение врачеванием народа в империи и 2) заведение российских докторов, операторов, лекарей и аптекарей, «а к тому содержание порядочное аптек и добрая их экономия».

Забота о здоровье нации и гигиене была основная для Екатерины II, и все силы ее ближайший сподвижник в этом вопросе направил на правильную организацию врачебной помощи во всей стране.

Были основаны первые больницы для гражданского населения, первые богоугодные заведения для неизлечимо больных и сумасшедших. Тревожило и распространение после Семилетней войны венерических заболеваний. Для их лечения основали специальные лазареты, куда запрещали доступ посторонним, и больные могли сохранять инкогнито при поступлении.

Чтобы прекратить убийства незаконнорожденных младенцев, при каждом приюте были акушерки. Женщины могли приходиться туда под вуалью и не называть себя. «Зазорные» дети оставались здесь, и воспитание их брало на себя государство. Лучшие воспитанники посылались учиться в европейские университеты. Так укреплялось в России третье сословие.

Каждый город обязан был иметь врачей не только для себя, но и для уезда, устраивать госпитали и больницы, заводить приюты, основывать аптеки и фабрики хирургических инструментов, отводить отставным врачам квартиры и давать им денежное содержание.

В то же время, организовывались экспедиции для розыска отечественного лекарственного сырья и лекарственных трав. Для обобщения опыта и распространения медицинских знаний Черкасов намеревался основать профессиональный журнал. По его предложению, Медицинская коллегия стала собирать труды отечественных медиков, которые должны были издаваться под названием «Записки русских врачей». За годы существования коллегии (до 1803 года) таких сочинений набралось около тысячи.

Главная задача Медицинской полиции — систематизировать и регламентировать правила государственного санитарного надзора, выработать совокупность мер предупреждения болезней и вообще всего, что угрожает здоровью и жизни людей.

Александр Иванович имеет самое прямое отношение к повсеместному разведению в России картофеля. В 1765 году в связи с изысканием средств помочь «без большого иждивения» голодавшим крестьянам Финляндии президент Медицинской коллегии «рапортовал» Сенату, что лучший способ к предотвращению этого бедствия «состоит в тех земляных яблоках, кои в Англии называются потетес, а в иных местах земляными грушами, тартуфелями и картуфелями». По повелению императрицы, Сенат разослал по всей империи семена и инструкции по выращиванию картофеля. Ответственность за введение новой культуры легла на губернаторов.

Указов, изданных по проектам Черкасова, — тьма, начиная от требования разборчиво писать рецепты до обучения своих докторов. Эту задачу Александр Иванович

считал главной. Она же оказалась и самой трудной. В 1764 году Екатерина подписала подготовленный им указ «О произвождении кандидатов, обучившихся медицине, в доктора сего факультета, по собственным Медицинской коллегии экзаменам».

Дело в том, что госпитальные школы готовили только лекарей и подлекарей, докторские же дипломы имели право выдавать только университеты. Поэтому лучших выпускников отправлять учиться в европейские вузы. Чтобы решить эту задачу, при Московском университете был открыт медицинский факультет, но высококвалифицированных преподавателей не хватало.

Во втором пункте «Инструкции коллегии», приложенной к указу об ее учреждении, говорилось: «Та же коллегия должна изобрести способы через сношение с московским университетом, чтоб из подданных российских воспитывать и обучать в теории так и в практике докторской... и сие будет со временем сохранением излишних денежных расходов в государстве, которые теперь издерживаются на тех, что посылают на двойном и тройном коште в чужие университеты, а притом и избеганием, чтоб не принимать без разбору чужестранцов достойных и недостойных, к чему теперь нужда приводит».

Вот тут-то и взвоешь от принципа коллегиального принятия решения. Черкасов имел всего один голос, и в решении вопроса присваивать русским звания доктора медицины против него голосовало семь, поскольку остальные члены коллегии были немцы, а упускать из своих рук такой лакомый кусок никому не хотелось.

Вспомним судьбу лекаря Петра Ивановича Погорецкого, арестованного за резкую критику недобросовестного преподавания немцами в госпитальных школах и за то, что посмел перевести на русский язык и издать за свой счет учебник диагностики и лечения болезней Шрейбера.

Вспомним Густава Максимовича Орреуса, первым подавшим заявление о сдаче экзаменов после подписания упомянутого указа. Долго Медицинская коллегия тянула с этим вопросом, наконец, разрешила, но при этом поставила совершенно дикое условие: Орреус должен внести крупную сумму. В случае неудовлетворительной сдачи экзаменов он лишался этих денег, а если сдаст успешно, то их ему вернут. Густав Максимович сдал успешно, деньги вернули, а диплом не выдали. Разные оговорки были пущены в ход. Пришлось императрице официально затребовать ответ. И он пришел. Оказывается, членов не удовлетворили ответы претендента. Волынка тянулась несколько лет, пока выведенная из себя Екатерина не приказала выдать диплом.

Когда работаешь с архивами Медицинской коллегии и полиции, становится понятным та ненависть к врачам-иностранцам, которая бытовала в XVIII столетии. Заключения о смерти изуродованных трупов давали, естественно, медики. В очерке о Салтычихе я приводила цитаты из подобных документов. Там во всех актах освидетельствования трупов четко говорилось о насильственной смерти. Но такая же «Салтычиха» жила, например, в Петербурге, только фамилия у нее была немецкая. В этом случае, несмотря на явные и многочисленные следы от вязальных спиц, которыми и заколола «добрая» барыня свою служанку, вывод следовал однозначный — умерла от своего дурного характера. Протесты русских лекарей в расчет не принимались — где им, неучам, отличить естественную смерть от убийства.

А разве можно забыть, во что Москве обошлась чума из-за преступной деятельности немецких врачей?

Недоверие к отечественным медикам было чрезвычайно сильно, а напрасно. К тому времени обучение в госпитальных школах (особенно петербургских) находилось на достаточно высоком уровне. Во главе адмиралтейского госпиталя, например, стоял образованный врач, искусный хирург и горячий патриот лекарь Мартын Ильич Шейн, много сделавший для развития отечественной медицинской науки.

В отличие от большинства западноевропейских университетов того времени, российские ученики не были ограничены заучиванием наставлений ученых врачей древности и средневековья. В отечественных школах большое внимание уделялось практике. Здесь не только изучали анатомию, хирургию, внутренние болезни и фармакологию, но наблюдали за состоянием больных, вели истории болезни, записывали «наружный вид больного... действие и успех лекарств употребленных, случаемся перемены...» Ученики присутствовали при вскрытии умерших в госпитале, причем изучению патологических изменений на трупах уделялось большое внимание.

Александр Иванович Черкасов стремился поднять уровень образования в госпитальных школах, которые могли бы выпускать высококвалифицированных специалистов и тем освободить Россию от врачей-иностранцев. Императрица его одобрила. Однако Медицинская коллегия всячески противодействовала развитию русской медицинской науки, литературы и выдвижению русских врачей. Первый ее президент бился рыбой об лед, когда дело касалось права русских получать у себя в России дипломы докторов медицины. Он уважительно относился к коллегам, но это был как раз тот случай, когда интересы Отечества задеты.

Врач и историк отечественной медицины Яков Алексеевич Чистович писал: «Барон Черкасов представлял собою строгую законность, уважение к мнению каждого члена и затем мотивированный доклад его императрице с полною уверенностью в ее беспристрастии и, следовательно, справедливом решении. Барон Черкасов не обижался, если большинство членов коллегии не соглашалось с ним. Он искал только правды и справедливости. А потому в случае разногласия с коллегиею составлял самую беспристрастную выписку из дела и представлял императрице, которая и предпочитала то мнение, которое казалось ей наиболее справедливым».

Но черта характера, о которой упоминал в донесении английский дипломат, приводила к серьезным конфликтам со всеми членами коллегии.

В октябре 1764 года Александру Ивановичу показали партикулярное письмо из Киева. Могли ли не возмутить честного Черкасова следующие строки: «Все ли души так попорчены и лакомство в них так застарело и вкоренилось, что весьма трудно истребить: каждый по великости своего чина и должности пользуется, даже и медицинское факультета сочлены того здесь не оставляют. В Васильеве присланный для карантина доктор г. Полетика, получающий 70 р. жалованья, с каждого проезжающего с возом по 3 копейки по сие время собирал. А как ныне его превосходительству Ивану Федоровичу Глебову о том сказано было, то бедный сей медикус, к великому своему неудовольствию, лишился своей акциденции, а больше еще всего к вящему стыду и горести, по ордеру его превосходительства принужден был и собранный свой оброк тем мужикам отдать назад...»

Недовольный безымянным доносом, Черкасов попросил Глебова прислать копию дела и свое заключение по нему. Потребовал он и отчет у виновного.

Иван Андреевич Полетика обладал вспыльчивым, неуживчивым характером и скандальной натурой. Он четыре года изучал медицину в академии Кля. Не закончив ее, предоставил в Петербурге свидетельство, и поскольку он «означенною наукою недоволен и для большего утверждения в той науке просит принять его в санктпетербургский генеральный Сухопутный госпиталь слушать медицинские лекции на своем коште, но на казенной квартире».

Обучение в Петербурге ему еще меньше нравится, и Полетика возвращается в Киль, потом отправляется в Лейдене, где и получает докторский диплом.

В Киле медицинская академия избрала его своим профессором. Таким образом, Иван Андреевич стал первым русским профессором в иностранной академии. Через два года талантливый врач приезжает в Петербург.

Что касается пресловутых взяток, то, как свидетельствуют документы, Полетика их не брал. 4 рубля 44 копейки (и соль в придачу) в его отсутствие взял писарь Михайло Усков.

Если не брал, то почему не заставил деньги и соль вернуть? Заставлял, но поляки отказались брать, заявили, что для них счастье заплатить по три копейки и соль предложить в подарок. Где деньги? Потратил на канцелярские нужды. Таковую сумму? А где сказано, сколько нужно тратить на письменные принадлежности?

Черкасова ответы не удовлетворили, и он (в отличие от других членов коллегии) не поверил объяснению, был уверен, что Полетика взваливает вину на писаря. Его же подчиненные поверили и предложили выписать из Киева ответы доктора, которые он давал Глебову — не разнятся ли они? Черкасов не соглашался.

Иван Андреевич написал на президента жалобу в Коллегию, а копию ее послал императрице. Затем лично явился в Коллегию и предупредил:

— По производящемуся в оной коллегии обо мне делу, имею на его императорского величества действительного камергера и медицинской коллегии президента барона Александра Ивановича Черкасова подозрение. О чинимых его превосходительством, господином президентом мне притеснениях я подал ее императорскому величеству через его превосходительство господина действительного статского советника Ивана Перфильевича Елагина прошение, того б для оному господину президенту барону Черкасову в медицинской коллегии при собрании господ оной коллегии членов по означенному делу не иметь никакого голоса.

Услышав такое заявление, Александр Иванович устранил себя от «суждения по делу» и заявил, что у него нет другого выхода, как предоставить императрице «экстракт из дела на ея благоусмотрение».

Екатерине пришлось читать два «экстракта», поскольку у членов Коллегии было другое мнение. На записке, предоставленной Александром Ивановичем, Екатерина написала: «Когда дело идет о чести человека обвиняемого, тогда ничего пропускать не надобно к изысканию правды и для того быть по мнению коллежскому. Екатерина. Октября 16 дня 1766 года».

Полетика оправдан, но ему этого мало. Иван Андреевич борется за правду и порядок во всем и требует, чтобы ему заплатили за весь год, который он не работал. Заплатили. Потом Полетика заявил, что ему надоело с места на место переезжать, и он желает вернуться в Васильков. Что ж, доктора, который был назначен на его место, уволили, а его восстановили в должности.

Деятельность Александра Ивановича Черкасова, столько сделавшего для отечественной медицины и сохранения здоровья нации, прекратилась после ухода с политической арены братьев Орловых. Должность президента стала второстепенной, а первую скрипку в Коллегии играл ее «директор».

На смену барону Черкасову пришел барон Фитингоф. Сравнивая этих двух руководителей главного медицинского органа страны, Чистович писал: «Второй представлял собою олицетворенный деспотизм, для которого закон не писан, а всякое возражение в Коллегии принималось за непозволительный недостаток уважения к личности главного директора. Барон Фитингоф не совещался с коллегиею, а приказывал ей. Он и назначал и сменял профессоров медицинских училищ, по своему усмотрению увеличивал или уменьшал оклады жалованья и без экзамена раздавал докторские дипломы. Зато никогда не было столько служебных злоупотреблений и никогда не бывало такого бесстыдного расхищения казны, как в это время».

Уйдя в отставку в чине действительного тайного советника, первый президент созданной им коллегии, один из организаторов знаменитого Вольного экономического общества поселился в деревне, где в одиночестве скончался в 1788 году. □

ЖЕРТВА

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

О том, что произошло три года назад в маленьком городке Нечерноземной полосы России, долго судачили все местные газеты. Даже областное телевидение отметилось, сделало расплывчатый репортаж без имен, фамилий и лиц.

Вышла маленькая заметка и в одном из центральных изданий под названием «Маньяк не убил девочку потому, что она не сопротивлялась». Потом шумиха утихла. Как оказалось — только на время...

Александр Игоревичу Коваленко (фамилия изменена) исполнилось в тот год тридцать три — возраст Христа, как он сам любил говорить. Это был мужчина положительный, женатый, с хорошей специальностью и заработком: с самой армии он трудился на стройке, сначала рабочим, потом прорабом. Семья не бедствовала, единственный сын катался на собственном мопеде, по выходным все вместе выезжали на дачный участок, где строилась «фазенда». Даже самые близкие знакомые признавались потом на допросах, что не замечали в Александре ничего необычного, ни одной мало-мальски странной или неприятной черты характера. Человек как человек, обаятельный, с чувством юмора, любящий свою семью.

Семья тоже ничего не замечала. Даже жена Людмила, которой не нравилась некоторая полая холодность мужа, списывала это на усталость и особо не «заморачивалась». Тем более что муж периодически ездил в командировки «пробивать стройматериалы» и, возвращаясь оттуда, буквально набрасывался на жену, с лихвой возмеща ей нехватку ласки.

Всего, как она потом подсчитала в кабинете следователя, таких командировок было семь. Первая состоялась, когда Александр получил должность прораба, то есть за три года до ареста. Тогда же в соседнем районе пропала без вести десятилетняя Оксана Крушинская, но дело быстро зашло в тупик: не оказалось ни свидетелей, ни следов, девочка словно в воду канула. Позже исчезли еще пять девчушек того же возраста. Сопоставляя даты, следователь увидел, что все эти исчезновения точно совпадали с отъездами Коваленко из дома.

Где же он находился — этот симпатичный весельчак, которого друзья называли просто Шурик?

...Александр не любил жену с самого начала, с того почти забытого года, когда женился на ней «по залету». Но тогда, по крайней мере, она нравилась ему как женщина. Потом родился сын, навалились заботы, Людмила сильно поправилась и окончательно перестала привлекать молодого мужа. Он, что называется, «загулял». Конечно, не в своем городке, где его знала каждая собака. Для загулов Коваленко выбрал общежитие текстильного комбината в двадцати километрах от города, в деревне, куда можно доехать за полчаса на стареньком «жигуленке». Быстро съездил, быстро вернулся, никто ничего не знает. С обитательницами общаги никаких серьезных отношений он не заводил, подруг выбирал попроще и подоступнее, расплачивался за услуги деньгами или косметикой, в общем, души туда не вкладывал. Наверное, именно поэтому Людмила ничего не знала.

Так прошло несколько лет. На работе Александр был на хорошем счету, начальство ценило его деловые качества и скоро собиралось сделать прорабом. Все шло хорошо, кроме одного: у Коваленко начались проблемы с женщинами. Скорее всего, это было вызвано постоянной сменой партнерш, но сам он думал иначе. Ему стало казаться, что взрослые женщины его вообще не привлекают — просто потому, что они взрослые. Косвенным подтверждением этой мысли стало знакомство на автостанции с малолеткой, разукрашенной девичей лет четырнадцать от роду. С ней Александр не только несколько раз переспал, но и стал регулярно встречаться, дарить подарки и даже как-то купил девушке цветы. Эта Ирка, местная «шалава», была крайне недалеким существом, любила выпить, покуривала «травку», но именно с ней Александр почувствовал какую-то новизну, снова ощутил себя мужчиной. Тогда же он случайно купил в киоске роман Набокова «Лолита» и тут же, не прочтя и половины, подумал: «Это про меня».

А потом Ирина ему изменила с давним знакомым, кавказцем Ильгаром, и объявила Александру, что уезжает в Махачкалу, жить. Почти не задумываясь, что делает, Коваленко отъездив девочку в лес, на заброшенный аэродром сельхозавиации, и убил. Кавказец устроил поиски, подключил всех торговцев с рынка, но тело так и не нашли: оно лежало на дне старой выгребной ямы, совершенно невидимой в зарослях орешника позади необитаемого ангара.

Оксану Крушинскую Коваленко увидел случайно, когда действительно был в командировке в соседнем районе. Серенькая, ничем не примечательная девочка, похожая на растрепанного воробышка, она уныло сидела на ступеньках магазина и ждала окончания обеденного перерыва. Александр сам не понял, что толкнуло его подойти и присесть перед ней на корточки. Просто потянуло, как магнитом, и все. Оксана совершенно не испугалась: подошедший молодой мужчина выглядел очень респектабельно, в костюме, при галстуке, с «дипломатом» — он ведь находился в деловой командировке и как раз шел в местное строительное управление. Разговорились о том, о сем, и девочка пожаловалась, что мать ударила ее по лицу за случайно разлитое из бидона молоко и снова отправила в магазин, а молоко там кончилось. Вот и ходит она теперь по другим торговым точкам, боясь вернуться домой без молока.

Александр предложил Оксане съездить на колхозную ферму в пяти километрах от райцентра и пообещал потом доставить ее домой, прямо к подъезду. Девочка согласилась. Всю дорогу они болтали, она вздохом рассказывала о себе, делилась какими-то секретами, смеялась. Особенно ее растрогала подаренная добрым незнакомцем шоколадка и его слова, что она очень красивая и, когда вырастет, станет артисткой. Дома ничего подобного Оксане не говорили, мать и бабушка держали ее «в строгости».

Как признался Коваленко на следствии, убивать ребенка он не собирался. Но в лесу, куда он заехал с вполне понятной целью, девочка начала сопротивляться, кричать, расцарапала ему плечо, грозила, что пойдет в милицию. Он изнасиловал ее, связав руки замасленной веревкой, а потом той же веревкой и задушил, а труп закопал в болотистой местности, в паре километров к югу от места преступления.

Остальные его жертвы были похожи на первую. Если набоковскому герою нравились «нимфетки», то есть девочки симпатичные, Коваленко выбирал, наоборот, страшненьких и закомплексованных. От малолетних красоток он шараялся. Красивые обычно уверены в себе, такая может грубо «послать», а если и не пошлет, то обязательно потом изменит, найдет себе другого покровителя — совсем как Лолита. «Когда это — потом? — задал вопрос следователь. — Вы же всех убивали в первый день!»

Коваленко даже обиделся на этот вопрос и ответил, что мечтал найти себе постоянную маленькую подругу, а убийства совершал потому, что девочки сопротивлялись, кричали, и он опасался, что, отпустив свою жертву домой, через пару дней окажется на нарах.

«А Лариса Панкова не сопротивлялась, — объяснил он. — Поэтому я ее и не убил».

Ларисе было одиннадцать лет, и внешне она легко вписывалась в образ обездоленного ребенка, хотя росла в полной и обеспеченной семье, в хорошей квартире и училась в привилегированной спецшколе. Девочка родилась крупной, уже в годовалом возрасте имела лишний вес, а к девяти годам выглядела на все двенадцать. И все бы ничего, но проблема раннего развития дочери очень тревожила ее родителей. Они были люди начитанные и знали, к чему это может привести, поэтому, посоветовавшись, решили взять дело в свои руки.

И началось: девятилетнего ребенка вдруг принялись ограничивать в пище («А то вымахает к концу школы, как слониха!»), насильно записали в две спортивные секции («Чтобы не шаталась просто так»), стали жестко контролировать ее оценки и наказывать за неуспеваемость («Чтобы не о мальчишках думала, а об учебе»), перестали покупать ей красивую одежду («Незачем привлекать внимание!»). Сначала Лариса недоумевала, потом начались обиды, слезы, упрямое сопротивление, за которым следовала кара — вплоть до ремня. Однажды мать увидела, как дочка красит губы — просто так, чтобы посмотреть, что получится — и избивала ее до крови из носа. И это при том, что оба родителя имели высшее образование и считались интеллигентными людьми!

Мифические «мальчики» (внимание которых Лариса еще и не думала привлекать) стали идеей фикс. Ей постоянно твердили: «Вот заведут на стройку...», «Вот завезут в лес...», рассказывали страшилки о маньяках, говорили, что она некрасивая, толстая, поэтому должна хорошо учиться, поскольку замуж все равно никто не возьмет.

Детская психика хрупка. Поэтому к одиннадцати годам Лариса уже ненавидела свое отражение в зеркале, перестала следить за собой, причесываться, ходила в одном и том же мешковатом бесцветном платье, постоянно плакала и часто думала

о смерти. Мать, элегантная, ухоженная, вызывала у нее отвращение, а вместе с этим резкое неприятие всего «женского». Отец, которого она в детстве обожала, превратился в пугало с ремнем, лишенное человеческих черт лица. Ребенок уже нуждался в серьезной помощи психолога (если не психиатра), но никто не обращал на это внимания. Более того, учителя смеялись: «Ты бы хоть голову помыла раз в четверть, Панкова!», одноклассники звали ее «Чушкой», друзей у девочки не было.

Но надо же случиться такому чуду — она понравилась мальчику из параллельного класса! Каким-то образом он разглядел ее истинную природу, что-то такое, что еще не успели вытравить родители. И ребята стали встречаться (конечно, тайно), гулять вместе, разговаривать. Все происходило очень невинно, мальчик позволил себе разве что поцелуй в щечку, это была, скорее, просто детская дружба. Но мать, которая однажды отловила «влюбленных» в палисаднике за домом, устроила жуткий скандал. Она кричала, ударила сначала дочь, потом ее кавалера, схватила Ларису за руку и потащила ее — куда бы вы думали? — к детскому гинекологу!.. Насильно, не обращая внимания на настоящую истерику, которая началась у девочки.

Вот этот поход в поликлинику и стал, наверное, последней каплей. Вечером Лариса вышла из дома и побрела куда-то по обочине шоссе, твердо решив домой больше не возвращаться.

Александр Коваленко увидел ее из машины и затормозил. С этого момента — целую неделю — девочку никто не видел.

Что же происходило в эти семь дней, пока милиция сбивалась с ног, а родители Ларисы тяжело выясняли, кто же из них виноват?

...Коваленко свернул в лесопосадки почти в пятнадцать километрах от городка. Лариса сидела рядом с ним спокойно, что-то рассказывала, высочить из машины не пыталась. Согласно ее словам, занесенным в протокол допроса, она понимала, куда и зачем везет ее этот мужчина. Она нарочно села к нему в машину, хотя могла и не садиться. Более того, она хотела, чтобы все произошло!

— Дядя Саша обращался со мной ласково, — вспоминала она несколько дней спустя, в кабинете следователя. — Он отвез меня в чей-то дом в лесу и закрыл там, а сам поехал в город и привез мне много сладкого, фруктов и большую куклу. Ему нравилось, что я не кричу и не прошусь домой. Мне только страшно было, что он оставит меня в домике на ночь, а сам уедет...

Коваленко никуда не уехал. Странное поведение девочки удивило его и сбило с толку, и он не спешил с решительными действиями, присматривался: что это, ловкий ход, призванный ослабить его бдительность, или реальное желание остаться с ним?.. В итоге, Лариса, единственная из его жертв, дождала до следующего рассвета...

— Нет, мне не было больно, — рассказала Лариса о своем первом сексуальном опыте. — Дядя Саша дал мне выпить вина, целый стакан. Я почти ничего не почувствовала. Но он зачем-то связал мне руки. Мне это не понравилось, и я попросила больше меня не связывать. Он легонько меня ударил, я заплакала, тогда он сильно меня побил.

За первые сутки насильник надругался над ребенком пять раз! В промежутках он бил Ларису, но потом перестал и просто держал ее в доме на привязи, как собаку. Она старалась не плакать, разговаривала с ним, к вечеру попросила тазик воды, чтобы умыться. Коваленко развел костер и согрел воду в ведре, но девочку не отвязал, она так и мылась, сидя на веревке у печки. Как ни странно, она почти не жалела о том, что поехала с «дядей Сашей» в лес.

— ...Мне хотелось там остаться. Дядя Саша хоть и бил меня, но зато говорил, что я красивая, настоящая женщина, только маленькая. Заставлял меня раздеваться и любовался мной. Говорил, что я стану артисткой, когда вырасту. Мне это нравилось.

Он говорил, что ему со мной хорошо, как еще ни с кем не было, что он женится на мне...

В частном разговоре, уже после слушания дела, прокурор области сказал своему заместителю: «Надо ж было своего ребенка до такого довести, чтобы с насильником ему лучше было, чем дома!»

Неделю Александр Коваленко и Лариса Панкова пробыли вместе в том доме в лесу. А на восьмой день, когда преступник отправился за продуктами, его опознал случайный свидетель и позвонил в милицию. К тому времени Лариса находилась уже в областном розыске. Коваленко выследили до домика и взяли с поличным. Несмотря на заступничество девочки, которая утверждала, что находится в лесу добровольно (!!!), его отправили в следственный изолятор. Через полгода состоялся суд, который приговорил педофила к пожизненному заключению.

Лариса попала в психиатрическую больницу санаторного типа и находится там до сих пор из-за необратимых изменений личности. До госпитализации она три месяца пробыла дома под круглосуточным контролем матери и теперь отказывается общаться с родителями вообще.

А недавно районные и областные газеты снова запестрели сообщениями типа: «Психиатр обнаружил письма пациентки». Выяснилось, что все три года Лариса писала насильнику письма и прятала их в тайник на территории больницы, чтобы после выписки узнать адрес тюрьмы и отправить все свои послания сразу. Почти все они начинались словами: «Дорогой, милый дядя Саша! Как ты там проживаешь? Я очень скучаю по тебе...», а заканчивались подписью: «Твоя Лариска».

Мать Ларисы живет теперь одна (супруги развелись). У нее свое мнение о случившемся:

— Я считаю, что все делала правильно. Ребенка, а особенно девочку, надо контролировать, иначе она пойдет по рукам. Если бы все можно было вернуть назад, я поступила бы так же. Только, вдобавок, жестко объяснила бы ей, что садиться в чужие машины нельзя. И я не понимаю, почему все осуждают меня. В чем я виновата? ...А действительно, в чем? □

Джозефина Тей

ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

иллюстрация **Льва Рябина**

Длинный поезд двигался среди россыпи огней вокзала, мягко постукивая на стыках рельсов. Он погрузился в блеск сигнальной будки и опять — в темноту, под одинокий изумруд среди рубинов сигнальных огней, и дальше — к пустому серому пространству платформы, которое ждало под арками.

Лондонский почтовый в конце своего путешествия.

Пятьсот миль пути в темноте отделяли его от вокзала Юстон и вчерашнего вечера. Пятьсот миль полей и спящих деревьев в лунном свете, черных городов и неугасающих доменных печей, дождя, тумана и мороза, тоннелей и виадуков. Сейчас он спокойно и равнодушно заезжал на отдых после долгой быстрой езды.

Среди тех, кто вздохнул, наконец, с облегчением, были два человека: один — Алан Грант, второй — работник железной дороги Мэрдо Гэллагер.

Мэрдо Гэллагер был проводником спального вагона и наиболее ненавистным живым существом на железнодорожных линиях от юга Англии до севера Шотландии. Двадцать лет он наводил ужас на пассажиров, с которых собирал дань. Мэрдо копил денежки. Он уже был владельцем виллы в Даноне, сети магазинов в Глазго и весьма приличного банковского счета, но не спешил уйти на пенсию, продолжал терпеть поездную скуку и не торопился утром подавать пассажирам чай, пока они сами не напоминали ему, а иногда, когда ему особенно хотелось спать, вообще забывал об этом. Он приветствовал конец рейса с облегчением узника, срок заключения которого вот-вот закончится.

Алан Грант был счастлив потому, что конец путешествия означал финал ночных мук. Грант провел ночь в борьбе с самим собой, с желанием открыть дверь в коридор. Он лежал в своем дорогом купе, не в силах сомкнуть глаз, потому что купе было Тесным Закрытым Помещением.

Переутомление, вот как назвал это врач.

— Вам необходимо отвлечься и съездить куда-нибудь на природу, — сказал доктор с Уимпол-стрит, элегантно забрасывая одну ногу на другую и восхищаясь своей красивой позой. — У вас есть какое-нибудь хобби?

— Нет, — коротко ответил Грант.

— А что же вы обычно делаете в отпуске?

— Ловлю рыбу.

— Рыбу? — Рыбспросил психолог, оторванный от нарциссического самосозерцания. — И вы считаете, что это — не хобби?

— Разумеется, нет.

— А что же это, по-вашему?

— Нечто среднее между спортом и религией.

Доктор с Уимпол-стрит улыбнулся и уверил пациента, что его выздоровление — всего-навсего вопрос времени. Времени и отдыха.

Ну, по крайней мере, Гранту удалось удержаться и не открыть дверь этой ночью. Но победа слишком дорого досталась ему. Он чувствовал себя истощенным и пустым, ходячим ничтожеством.

Теперь он открыл дверь. Сомневаясь и не желая встать лицом к лицу с утром и жизнью. Желая упасть обратно на постель и спать, спать, спать.

Грант взял два чемодана, которыми Мэрдо не соизволил заинтересоваться, всунул под мышку пачку непрочитанных газет и вышел в коридор. Конец вагона был завален едва ли не под самый потолок багажом более щедрых на чаевые пассажи-

ров, и Грант перешел в следующий вагон первого класса. Но здесь тоже выход из вагона был загорожен кучей багажа, поэтому он направился по коридору ко второму выходу. В этот момент Мэрдо вышел из своего купе в дальнем конце вагона с целью убедиться, что пассажир купе номер Б-7 осознает, что они уже приближаются к платформе. Пассажир номер Б-7, впрочем, как и все другие пассажиры, обладал несомненным правом покинуть вагон тогда, когда ему захочется, но, разумеется, Мэрдо не намеревался ждать, пока кто-то выспится. Он громко постучал в дверь и вошел в купе Б-7.

Когда Грант оказался рядом с открытой дверью, Мэрдо тряс пассажира Б-7, который лежал одетым, за рукав, и нетерпеливо приговаривал:

— Ну же, сэр, вставайте! Мы уже приехали! — Он взглянул в сторону двери, где как раз показалась фигура проходящего мимо Гранта, и неодобрительно произнес: — Напился, как свинья!

Грант машинально поднял с пола газету и устало проговорил:

— Вы что, не видите, что он мертв?

— Мертв! — заскулил Мэрдо. — Этого не может быть! Ведь у меня кончается смена! Что же делать? Откуда мне было знать, что кто-то в моем вагоне перепьется до смерти! Что же мне делать?

— Разумеется, вызвать полицию, — посоветовал Грант и впервые ощутил, что жизнь может чего-то стоить.

Он еще раз взглянул на молодое лицо под взлохмаченными темными волосами и пошел дальше по коридору.

Колеса больше не стучали, и раздавался протяжный глухой звук, сопровождающий въезд поезда на станцию. Грант опустил окно, глядя на тянущуюся вдоль поезда серую ленту перрона. Холодный порыв ветра ударил ему в лицо и пронял дрожью.

Он поставил свои чемоданы на перрон и стоял там, стуча зубами.

— В отель, сэр? — спросил носильщик. — Да, я отнесу ваши чемоданы, вот только поставлю эту тележку.

Грант ступил на пустую площадь, и внезапная тишина успокоила его. Темнота была холодной, но чистой. Скоро, когда взойдет солнце, Томми приедет за ним в отель, и они вместе поедут через бескрайние, чистые просторы Шотландии; туда — в глубь безбрежного ясного мира, где люди умирают только в собственных постелях и где никто не утруждает себя запираанием дверей, чтобы не доставлять себе лишних хлопот.

Ресторан гостиницы был освещен только в одном конце, и ряды ненакрытых столов, обтянутых сукном, исчезали в темноте зала. Он спросил у официантки, что можно получить на завтрак. Она принесла из-за прилавка солонку и поставила перед ним на стол с таким выражением лица, словно объявила поднятие занавеса.

— Сейчас я пришлю к вам Мэри, — вежливо проговорила девушка и исчезла за перегородкой.

Мэри оказалась полным, спокойным созданием, и окруженный ее заботой Грант почувствовал себя расслабленным.

Он намазал маслом булку и взял одну из непрочитанных вчерашних газет. Ему попалась вечерняя лондонская газета, и он озадаченно смотрел на нее. Ведь он прочел ее, как обычно, в четыре часа дня. Зачем же ему было покупать еще одну такую же в семь вечера?

Это был «Сигнал», вечернее издание утреннего «Клэриона». Грант пробежал глазами заголовки, которые уже читал вчера, и подумал, насколько они однотипны. Газета была вчерашней, но с таким же успехом она могла оказаться прошлогодней или выйти в следующем месяце. Он отложил газету в сторону и уже протянул руку за

следующей, когда заметил какие-то строчки, написанные карандашом на полях. Грант перевернул газету, чтобы посмотреть, что же там кто-то подсчитывал, но оказалось, что это не поспешные записи со скачек, а что-то вроде наброска стихотворения. Небрежный почерк и точки, заполнявшие две недостающие строки, свидетельствовали о том, что это было оригинальное творчество, а не попытка вспомнить знакомые стихи. Сам Грант тоже часто так делал в то время, когда был лучшим сочинителем сонетов на весь шестой класс.

Но на этот раз стихи принадлежали не ему.

И вдруг он понял, откуда у него эта газета: он взял ее под мышку вместе со своими собственными газетами, подняв с пола в купе Б-7.

Значит, молодой человек со взлохмаченными черными волосами и дерзкими бровями был поэтом?

Грант с интересом взглянул на карандашные строчки. Автор, видимо, намеревался написать восемь строчек, но у него ничего не вышло с шестой и седьмой, и стихи получились такими:

*Есть где-то край, где звери говорят,
Потоки неподвижные стоят.
Средь миражей прекрасны и близки
Поющие пески.
Там камни движутся...
.....
.....
Они охраняют дорогу в Рай.*

Это выглядело довольно странно. Неужели начало белой горячки?

Вполне понятно, что человек с таким необычным лицом был способен в алкогольном бреду увидеть нечто более оригинальное, нежели розовые мышки. Что же это за Рай, который охраняют такие невероятные чудеса? Забвение? Почему же ему настолько хотелось забвения, что оно воплощалось для него Рай, и он был готов преодолеть все эти ужасы на пути к нему?

Грант ел мягкую свежую булочку и продолжал размышлять. Стихи, несомненно, были написаны взрослым человеком, чей небрежный почерк свидетельствовал не о плохой координации движений, а о том, что этот человек на самом деле навсегда остался мальчишкой. Странно, что такой необычный молодой человек не испытывал желания выразить свою индивидуальность через почерк. По существу, мало кто из людей не чувствует подсознательного желания приспособить школьную каллиграфию к собственным вкусам.

Во всяком случае, ясно, что автор писал эти стихи трезвым. Может быть, обстановка в купе Б-7 — запах алкоголя, смятая постель, пустая бутылка, катающаяся по полу, перевернутый стакан на полке — была тем Раем, который он искал, но тогда, когда он планировал свою дорогу в Рай, он был трезвым.

Поющие пески.

Опасные, но чем-то привлекательные.

Поющие пески. Где-то, кажется, на самом деле существуют поющие пески. Это звучало смутно знакомым. Поющие пески. Они скрипят под ногами, когда вы идете по ним...

Мужская рука в твидовом рукаве появилась перед Грантом и схватила одну из булочек.

— Похоже, ты здесь неплохо устроился, — сказал Томми, придвигая стул и садясь. Он разрезал булочку и намазал маслом. — Не во что вонзить зубы в этих теперешних булочках. Когда я был мальчишкой, надо было вгрызаться зубами в булку и

тянуть. Шансы были равными — либо булка, либо зубы. Но если побеждали зубы, то было что съесть. Хороший кусок дрожжевого теста, который надо было жевать пару минут. Эти теперешние булочки совершенно не имеют вкуса, их можно согнуть вдвое и целиком отправить в рот, не опасаясь, что подавишься.

Грант молча смотрел на него. «Ничто не может сравниться с отношением к человеку, — думал он, — с которым сидел на одной парте в начальной школе».

В этом был весь Томми. Он не терял время и энергию на дежурные вопросы о здоровье и путешествии. Такой же была и Лора, разумеется. Они оба были очень милы с ним, вели себя так, словно он всегда был здесь, будто вообще не уезжал отсюда. Это действовало необыкновенно успокаивающе.

— Как поживает Лора?

— Лучше всех. Немного поправилась. По крайней мере, ей так кажется. Я этого не заметил. Мне никогда не нравились тощие женщины. А что случилось на станции? Там «Скорая помощь» и всякое такое.

— Человек умер в поезде. Думаю, это из-за него.

— Ага, на этот раз — еще не твои похороны.

— Нет. Еще не мои, слава Богу.

— Твоим коллегам из Скотленд-Ярда будет тебя доставать.

— Сомневаюсь.

— Мэри! — позвал Томми. — Дай мне, пожалуйста, чашку хорошего крепкого чая. — Он пренебрежительно щелкнул пальцами в сторону корзинки с булочками. — И парочку этих — Он обратил в сторону Гранта свой по-детски серьезный взгляд и добавил: — Они будут по тебе скучать. В конце концов, их стало на одного меньше. А кто тебя заменит?

— Наверное, повысят сержанта Уильямса. Он уже давно ждет повышения.

— Подай мне, пожалуйста, мармелад, — попросил Томми.

2

Спокойствие, возникшее в Гранте при встрече с Томми, усилилось во время езды среди холмов. Утро было серым и тихим. Вокруг — пусто и чисто. Чистые серые стены вокруг пустых полей, чистые барьеры вокруг пустых рвов.

Все будет хорошо. Именно это и было ему нужно — этот тихий простор, это пространство, этот покой.

Грант поднял глаза и увидел перед собой фасад белого дома в Клуни. Он был расположен в зеленом углублении на склоне холма, одинокий на фоне окружающей его стены елей, которая казалась темно-зеленым ковром среди пустого пейзажа. Голубой завиток дыма поднимался над трубой в неподвижном воздухе.

Когда они въезжали вверх по песчаной дорожке, Грант заметил кизину Лору, которая вышла им навстречу. Она помахала им рукой, а потом отвела со лба прядь волос. Этот знакомый жест разлил теплую волну в его сердце.

— Вот черт, — спохватился Томми. — Я забыл отправить ее письма. Не говори Лоре ничего, если она не спросит.

Лора поцеловала Гранта в обе щеки, взглянула на него и сказала:

— У меня есть прекрасная птица тебе на завтрак, но, судя по твоему виду, тебе лучше сначала хорошенько выспаться. Так что, поднимайся вверх и забудь о еде, пока не отоспишься. У нас впереди куча времени на сплетни, вовсе не обязательно сразу начинать с этого. На этот раз я разместила тебя в другой комнате, потому что

западная комната недавно отремонтирована, и там еще пахнет свежей краской. Вообще-то, считается, что в спальне по утрам должен быть свет с востока, хотя я думаю, что намного приятнее любоваться красивым пейзажем, а это невозможно, когда солнце светит прямо в глаза. — Лора засунула большие пальцы за тесноватый пояс, пытаясь ослабить его. — Но уже через пару дней можно будет жить в западной комнате, и ты, если захочешь, сможешь туда переселиться. Как поживает мой дорогой сержант Уильямс?

— Розовенький и чистенький.

— Знаешь, каждый раз, когда я чувствую, что происходит что-то нехорошее, я сразу думаю о сержанте Уильямсе и чувствую, что все будет хорошо.

— Должно быть, я не внушаю тебе такого доверия, — заметил Грант, занятый открыванием чемодана.

— Не так сильно. Во всяком случае, несколько на иной манер. Ты был бы опорой, если бы все должно было закончиться плохо. — Выдав этот странный комплимент, Лора направилась к двери. — Не спускайся вниз, пока тебе этого не захочется. Можешь вообще не спускаться. Просто позвони, когда проснешься.

Ее шаги, удаляясь, прозвучали в коридоре, и в комнате воцарилась тишина.

Грант разделся и, даже не задернув шторы, упал на кровать.

Субботнее утро выдалось солнечным и ясным, поэтому поступило предложение, чтобы Грант с Патом в качестве помощника отправились с удочками на озеро. Озеро располагалось в двух милях, возле холмов, это был плоский пруд среди унылой вересковой пустоши.

Грант шел через вересковую пустошь в сопровождении Пата и думал о том, что ему вовсе не хочется этой рыбалки. Откуда это подсознательное нежелание? Почему, вместо того, чтобы взять лодку и целый день плавать по озеру, он предпочел бы вертеться возле фермы?

Они прошли почти милю, пока Грант не нашел в закоулках подсознания причину. Он хотел сегодня остаться в Клуни, чтобы просмотреть свежую газету. Хотел найти что-нибудь о пассажире купе Б-7.

— Когда к вам в Клуни привозят ежедневную почту? — поинтересовался он у Пата, который молча продолжал идти за ним.

— Когда работает Джонни, то в двенадцать, а когда Кенни — то часто и в час дня, Кенни заходит выпить стаканчик в Дэлмор.

Они стащили легкую лодку по деревянному желобу на воду и поплыли. Было слишком солнечно, но в воздухе ощущалось легкое веяние, которое могло развиться в бриз, способный сморщить поверхность озера. Наблюдая, как Пат монтирует удочку и цепляет приманку, Грант подумал, что, хотя ему и не дано счастья иметь сына, все же этот рыжеволосый племянник великолепно его заменяет.

Они забрасывали удочки — каждый со своей стороны лодки — в приятной атмосфере мужского товарищества. Грант — с ленивым равнодушием, Пат — с присущим его возрасту оптимизмом. К полудню они придрейфовали обратно к небольшому шалашу и решили причалить к берегу, чтобы вскипятить на примусе воду для чая. Продолжая грести на последних нескольких ярдах, Грант заметил, что Пат всматривается во что-то на берегу. Он обернулся и увидел приближающуюся фигуру маленького человека, весьма странно одетого.

— Это Малыш Арчи, — радостно проговорил Пат.

Малыш Арчи держал в руке пастуший посох и был принаряжен в килт. Посох был на добрых полметра выше Арчи, а висящий на его тощих бедрах килт выглядел, словно растянутая тряпка. Но все указывало на то, что Арчи не осознавал этих недостатков. Кричащие попугайные цвета его клетчатой юбки чужеродным пятном

выделялись на фоне вереска. Маленькая, как у ящерицы, голова была приукрашена светло-голубым шотландским беретом с клетчатой лентой, так залихватски надетым набок, что он закрывал все правое ухо. Из-за ленты торчал буйный пучок растений. На ножках-палочках красовались ярко-голубые носки, такие косматые, что они производили впечатление какой-то невероятной растительности. Шнурки башмаков были завязаны с фантазией, до которой было бы далеко даже шекспировскому Мальволио.

Арчи приближался к ним по каменистому берегу, радостно и заодно повевая полами несчастного килта, что очень контрастировало с его прихрамывающими на камнях ногами.

— Патрик должен был сказать вам, что сегодня слишком солнечно, чтобы ловить рыбу. Доброе утро.

— Я думаю, он не захотел лишать меня удовольствия, — сухо ответил Грант.

— Вы, должно быть, сошли на берег для того, чтобы позавтракать, — сияя, произнес Малыш Арчи. — Буду счастлив присоединиться к вам, если вы не возражаете.

Итак, они угостили Малыша Арчи чаем, холодно и вежливо. Он вытащил собственные бутерброды и, пока они ели, прочел им лекцию о славном прошлом Шотландии, а также ее ослепительном будущем.

А Грант, чьи мысли по-прежнему вращались вокруг послеобеденной газеты, которую Джонни или Кенни должны были доставить в Клуни, думал о том, каким образом подсказать Пату идею закончить сегодняшнюю экспедицию и отказаться от дальнейших попыток соблазнять рыбу, которая не покушалась на их приманку. Но если бы они двинулись в обратный путь сейчас, им пришлось бы путешествовать в обществе Малыша Арчи, а этого ему хотелось избежать. Поэтому он принялся готовиться к дальнейшему бичеванию вод озера.

Но оказалось, что Арчи желает присоединиться к их обществу.

— Если в лодке найдется местечко для третьего пассажира, — сказал он, — я охотно к вам присоединюсь.

— Пожалуйста, — ответил Грант, — мы вас охотно возьмем. Вы поможете нам вычерпывать воду.

— Вычерпывать воду?

— Да. Лодка слегка рассохлась, и набирается страшно много воды.

После секундного размышления Арчи решил, что, пожалуй, лучше отправится в обратный путь в Моймор. Он ждет почту, и надо будет заняться корреспонденцией. А потом, чтобы они не подумали, будто он боится садиться в рассохшуюся лодку, Арчи рассказал им, какой он великолепный гребец. Только благодаря его исключительному умению он и еще четыре человека прошлым летом доплыли живыми к Гебридским островам. Арчи говорил все более оживленно и, закончив свой рассказ, быстро сменил тему, спросив Гранта, знает ли он острова.

Грант ответил, что нет. Тогда Арчи щедрым хозяйским жестом предложил ему: флотилию с острова Льюис, которая занималась ловлей сельди, скалы Мингалэй, песни Барра, холмы Харриса, полевые цветы Бенбекула и пески, бесконечные, прекрасные белые пески на Бэрнерей.

— Надеюсь, эти пески не поют, — заметил Грант, чтобы положить конец похвальбе, ступил в лодку и оттолкнул ее от берега.

— Нет, — ответил Малыш Арчи. — Поющие пески — на острове Клэдда.

— Что вы сказали? — переспросил пораженный Грант.

— Поющие пески. Ну что ж, желаю вам хорошо порыбачить, хотя сегодня, поверьте мне, неподходящий день для рыбалки, слишком солнечный.

Он взял свой пастуший посох и направился в сторону Моймора и своих писем. Грант неподвижно стоял в лодке и смотрел ему вслед. Вдруг, когда Арчи уже отдался на такое расстояние, что мог не услышать, Грант крикнул ему вслед:

— А есть ли на острове Клэдда движущиеся камни?

— Что? — пропищал Арчи.

— Есть ли на Клэдда движущиеся камни?

— Нет. Они — на острове Льюис.

И его насекомоподобный силуэт вместе с комариным голоском скрылись вдали.

3

Они вернулись домой к чаю с пятью неказистыми форелями и огромным аппетитом, и пока очищали обувь от грязи перед воротами Клуни, Грант осознал, что думает о газете с неуместным нетерпением. А поскольку он никому не прощал неразумного поведения, особенно самому себе, то еще раз старательно очистил обувь.

— Ну, ты и жуткий педант, — заметил Пат, кое-как вытирая подошвы своих башмаков.

— Только неотесанные типы входят в дом в грязной обуви.

— Неотесанные? — переспросил Пат.

— Да. Это свидетельствует о неряшливости и запоздалом развитии.

— Хм, — буркнул Пат и украдкой вытер свои ботинки еще раз.

В гостиной Томми поливал медом горячую лепешку из ячменной или пшеничной муки, Лора разливала чай, Бриджет перекладывала свои игрушки, а терьер кружил вокруг стола. За исключением солнца, которое сейчас освещало комнату, картина была точно такой же, как и прошлым вечером. С одной разницей: где-то в этой комнате была газета, которая интересовала Гранта.

Лора поняла: он что-то ищет, и спросила, что именно.

— Свежую газету.

— Ох, ее взяла Белла, кухарка. Если хочешь прочесть газету, я возьму ее после чая.

— Кто такой Малыш Арчи? — спросил Грант, садясь за стол.

— Ага, значит, ты встретил Арчи Брауна? — сказал Томми и проглотил половину лепешки, обливав капающий с нее мед.

— Его фамилия — Браун?

— Раньше он был Браун. А с тех пор, как объявил себя борцом за свободу Шотландии, он называет себя Гиллеасбьюг Мак-а-Брютэйнн. Его ужасно не любят хозяева гостиниц.

— Почему?

— А тебе понравилось бы вписывать в книгу записи посетителей такое имечко, как Гиллеасбьюг Мак-а-Брютэйнн?

— Я бы предпочел вообще не принимать его под своей крышей. Что он здесь делает?

— Он говорит, что пишет эпическую поэму на гэльском языке. «Брал уроки» у какого-то банковского клерка в Глазго, парня из Уиста, и слегка нахвтался гэльских слов. Время от времени он приходит к нам с черного хода, чтобы поговорить с Беллой, но она не понимает ни слова и считает, что у него не все в порядке с головой.

— У Арчи Брауна с головой все в порядке, — резко заметила Лора. — Если бы он не выдумал для себя такой роли, то учил бы детей в какой-нибудь Богом забытой дыре, и даже школьный инспектор не помнил бы его фамилии.

— Во всяком случае, на фоне вересковой пустоши он очень бросается в глаза, — проронил Грант. — Когда он воспевал красоты островов, то упомянул о каких-то песках, которые «поют». Вам известно что-нибудь о них?

— Кажется, да, — без особого интереса ответил Томми. — На Барра, Бэрнерей, или где-то там еще.

— Он сказал, что на острове Клэдда.

— Ну да, возможно, на Клэдда. Как ты считаешь, выдержит ли наша лодка на озере еще сезон или два?

— Можно мне пойти к Белле за «Клэрионом»? — спросил Пат, который проглотил четыре лепешки и кусок пирога так же быстро, как овчарка, которой удалось украдкой стащить лакомый кусочек.

— Если она уже закончила читать газету, — ответила Лора.

— Ой, да она уже давно прочла все, что ей надо. Она читает только статьи о звездах.

— О кинозвездах? — переспросил Грант, когда дверь за Патом закрылась.

— Нет, — ответила Лора. — Рубрику «Большая Медведица и компания».

— Ага, понятно. Что-то вроде «этот день пройдет под влиянием Сириуса и со-звездия Веги...»

— Да. Она говорит, что у них на острове Льюис газеты приходят с запозданием, а здесь — очень удобно каждый день иметь предсказанное будущее.

— А что ищет в «Клэрионе» Пат?

— Разумеется, комиксы. О приключениях двух зверюшек — Толли и ШИБА. Я все время забываю, утки они или кролики.

Итак, Гранту пришлось ждать, пока Пат закончит читать про Толли и ШИБА. Лора вышла на кухню, а Томми — во двор, и гость остался с молчаливым ребенком, бесконечно перекладывающим на ковре свои сокровища.

Он церемонно принял от Пата старательно сложенную газету, и как только мальчик вышел, раскрыл ее, с трудом сдерживая нетерпение. Это было местное издание, заполненное, в основном, очень провинциальными новостями, среди которых он никак не мог найти заметку о случае в поезде. Грант продирался сквозь заметок, словно терьер, и, наконец, под колонкой между заметкой о столкновении велосипедистов и празднованием столетнего юбилея, нашел маленькую заметку под незатейливым заголовком «Смерть в поезде»:

«Вчера утром после прибытия экспресса «Летучий шотландец» в одном из спальных вагонов было обнаружено, что один из пассажиров, молодой мужчина, гражданин Франции Шарль Мартин, умер ночью. Вызванный врач констатировал смерть по естественной причине, но поскольку смерть произошла на территории Англии, тело покойника было перевезено в Лондон с целью проведения расследования».

— Француз! — воскликнул Грант, и Бриджет оторвалась от своих игрушек и взглянула на него.

Француз! Быть такого не может! Или все же может?

Лицо, пожалуй, да. Возможно. Лицо — может быть. Но не почерк. Почерк у него английский, типичный почерк английского школьника.

Может быть, газета вовсе не принадлежала пассажиру купе Б-7?

Возможно, он просто прихватил ее где-нибудь? Например, в ресторане вокзала, перед отъездом. На стульях вокзальных ресторанов часто остаются оставленные путешественниками газеты. Или он мог забрать ее из дому, либо из гостиницы, где

останавливался, — откуда угодно. Она могла попасть в его руки при самых разных обстоятельствах.

Или, конечно, он мог быть французом, который ходил в школу в Англии, и поэтому у него этот округлый, нерегулярный почерк, вместо элегантной и аккуратной каллиграфии, типичной для французов. Ничто не исключало возможности, что именно рюка пассажира купе Б-7 писала эти карандашные строчки.

Тем не менее, это было странно.

Вечером, перед тем, как уснуть, Грант решил, что завтра утром напишет Брайсу. Это будет письмо, информирующее о его прибытии в эту оздоравливающую местность и выражающее надежду, что пребывание здесь приведет его в форму раньше, чем предполагал врач, а заодно он сообщит о найденной на месте происшествия газете, на случай, если это кого-нибудь заинтересует.

Он спал глубоким сном после дня, проведенного на свежем воздухе, и проснулся среди необычайной тишины. Тишина царила не только за окном, весь дом был погружен в сон. И Грант вдруг вспомнил, что сегодня воскресенье. Значит, сегодня никто не заберет почту из Клуни. Чтобы отправить письмо, ему придется проделать дальний путь в Скун.

За завтраком он спросил у Томми, можно ли взять машину, чтобы отвезти в Скун на почту важное письмо, и Лора предложила отвезти его. Поэтому сразу после завтрака он вернулся в свою комнату, чтобы написать письмо, и остался очень доволен им. Дело пассажира купе Б-7 он вплеп в содержание письма ловко и незаметно, как искусная штопальщица вставляет незаметную заплатку, подобрannую к ткани. Он написал, что не мог так вот сразу отрешиться от профессиональных дел, потому что в самом начале отпуска, в конце поездки, наткнулся на мертвое тело. Разозленный проводник грубо тряс покойника, думая, что тот просто спит. Слава Богу, это не было его, Гранта, дело. Его роль в этом инциденте свелась к тому, что он совершенно машинально прихватил газету с места происшествия. Он заметил это только во время завтрака и даже принял бы ее за собственную, если бы на полях не заметил какие-то поспешно записанные рифмованные строчки. Стихи были написаны по-английски, и почерк был английский, следовательно, не исключено, что их автором вообще был не умерший человек. Как оказалось, расследование будет проводиться в Лондоне. Если Брайс считает, что это имеет какое-либо значение, он может прислать небольшое вещественное доказательство.

Когда Грант спустился в гостиную, Лора уже ждала его в машине.

Они проехали несколько миль, и вдруг волна паники медленно и неумолимо накалилась на Гранта. Ужасная, черная, вспененная и отвратительная волна. Она уже достигла его груди, сжимала ее, спирала дыхание так, что ему было тяжело дышать.

— Лалла, останови!

— Остановить машину? — удивленно переспросила она.

— Да.

Грант вышел на дрожащих ногах, облокотился на каменный барьер на краю дороги и стоял, большими глотками хватая чистый воздух.

— Ты что, плохо себя чувствуешь, Алан? — обеспокоенно спросила Лора.

— Нет, просто я хотел выйти из машины.

— Ах, — с облегчением вздохнула она. — Всего-навсего!

— Всего-навсего?

— Ну да, клаустрофобия. А я уж было подумала, что ты заболел.

— Так клаустрофобию ты не считаешь болезнью? — с горечью спросил он.

— Разумеется, нет. Однажды я чуть не умерла от страха, когда меня повели осматривать пещеры в Чеддере. Раньше мне никогда не доводилось быть в пещере. —

Она выключила мотор и присела на камень у дороги, повернувшись боком к Гранту. — Я спускалась в эти пещеры охотно, и мне было интересно. И только через какие-то полмили от входа вдруг осознала, что нахожусь под землей. Я была вся мокрая от ужаса. И часто с тобой такое случается?

— Да.

— А ты знаешь, что ты — единственный человек, который все еще иногда называет меня Лаллой? Как же быстро мы стареем!

Грант отвернулся от барьера и сел рядом с ней.

— Смотри, — сказал он и показал ей сигарету в дрожащей руке.

— Бедный Алан.

— В самом деле, бедный Алан, — согласился он. — Но это случилось не из-за того, что я прошел полмили в темноте под землей, а по той причине, что ехал в машине с полностью открытыми окнами, на открытом пространстве, прекрасным воскресным утром, в свободной стране.

— Вовсе нет, не по этой причине.

— Нет?

— Причина — это четыре года тяжелой работы и преувеличенное чувство ответственности. Ты всегда имел склонность браться за невыполнимые задания и не щадить себя. Иногда ты просто невыносим. Что тебя больше устраивает — немного клаустрофобии или паралич в результате инсульта?

— Паралич?

— Если человек работой загоняет себя до полусмерти, ему так или иначе придется за это платить. Неужели ты бы предпочел заполучить более традиционное высокое давление или порок сердца? Лучше бояться закрытого автомобиля, чем передвигаться в инвалидной коляске. Надо дать тебе возможность отдохнуть от своих страхов. Кстати говоря, если ты ненавидишь саму мысль о том, чтобы ехать в машине, я могу сама отвезти твое письмо, а тебя подобрать на обратном пути.

— Ох, нет, я поеду.

— Хорошо. Когда будешь готов — скажешь.

— Я уже готов.

— Уже? Ты уверен?

— Совершенно уверен.

Грант не знал, что на него подействовало больше: то, что она знала, почему он задыхался, или то, как естественно она восприняла его состояние.

4

Глядя на хорошо знакомый тонкий листок официального письма, Грант ощутил, что его не столько поставили на место, сколько «попросили за дверь». Собственно говоря, это письмо означало: «Я не в силах представить себе, почему ты, Алан Грант, беспокоишь нас докладами о состоянии своего здоровья, и почему ты интересуешься нашими делами. Первое нас не интересует, а во второе тебе нечего лезть».

Разрывая письмо на мелкие клочки и выбрасывая его в корзину, Грант подумал о том, что уж ему-то следовало бы получше знать Брайса. Во всяком случае, оставался еще, слава Богу, сержант Уильямс, верный Уильямс. Может быть, он и удивится, почему кто-то из работников такого ранга и с таким опытом интересуется неизвестным покойником, но, возможно, объяснит этот интерес отпускной скукой. В любом случае, Уильямс не проигнорирует его. Поэтому он написал письмо Уильямсу. Не будет ли

сержант Уильямс так любезен найти результаты расследования по делу о смерти некоего молодого человека, Шарля Мартина, который в прошлый четверг внезапно умер в ночном поезде в Шотландию, и разузнать обо всем, что выяснилось в процессе расследования? С наилучшими пожеланиями миссис Уильямс, Анджеле и Леонарду.

И следующие два дня Грант пребывал в некоем радостном нетерпении, ожидая ответа Уильямса, и, наконец, дождался.

Уильямс выражал надежду, что Грант не стеснялся по работе. Он должен хорошо отдохнуть, и все в Отделе надеются, что он уже чувствует себя лучше. Им очень не хватает Гранта. Что касается Шарля Мартина, то в его деле нет ничего загадочного. Или в его смерти, если Грант это имел в виду. Падая, он ударился затылком о край фарфоровой раковины умывальника, и, хотя был еще в состоянии на четвереньках доползти до постели, через несколько минут умер от внутреннего кровотечения. Причиной падения было большое количество выпитого неразбавленного виски, из-за чего нарушилась координация движений. И в нем самом не было никаких загадок: обычный набор французских документов и сведения о семье, по-прежнему жившей возле Марсея. Они с ним несколько лет не виделись: он ушел из дома после скандала — в приступе ревности бросился с ножом на свою девушку, но родители прислали деньги на похороны, чтобы его не похоронили в общей могиле для бедняков.

Вся эта информация лишь возбудила аппетит Гранта, вместо того, чтобы его удовлетворить.

Он подождал, пока, по его расчетам, Уильямс удобно усядется в кресле с трубкой и газетой, миссис Уильямс примется за починку одежды, а Анджела и Леонард — за свои уроки, и заказал телефонный разговор. Всегда существовала возможность, что Уильямса не будет дома, потому что он расследует какое-нибудь запутанное преступление, но был и шанс застать сержанта в кругу семьи.

Сержант оказался дома.

Поблагодарив его за письмо, Грант принялся за расспросы.

— Вы написали, что родные прислали денег на похороны. Разве никто не приехал, чтобы опознать его?

— Нет, его опознали по фотографии.

— Фотография была сделана при жизни?

— Нет-нет. Уже после смерти.

— Из Лондона никто не приезжал на опознание?

— Ни одной живой души.

— Это странно.

— Не так уж и странно, если он был темной личностью. Темные личности не любят связываться с полицией.

— Есть что-то, свидетельствующее, что он был темной личностью?

— Нет, я так не думаю.

— А какая у него профессия?

— Механик.

— Паспорт у него был?

— Нет. Просто обыкновенные документы. И письма.

— О, у него были письма?

— Да, два или три письма, какие обычно люди носят с собой. Одно — от девушки, она пишет, что будет ждать его. Долго же ей придется ждать...

— Письма на французском языке?

— Да.

— Сколько у него было при себе денег?

— Минуточку, я поищу свои записи. Ага, двадцать два фунта и десять шиллингов в разных банкнотах, а еще двадцать пенсов — серебром и медью.

— Все деньги — английские?

— Да.

— Паспорта нет, но деньги — английские. Похоже, он довольно долго находился в Англии. Меня удивляет, почему его никто не разыскивает. В его бумагах нет никакого английского адреса?

— Нет. Письма были без конвертов — просто в бумажнике. Я думаю, кто-нибудь из его друзей еще появится.

— Известно ли, куда и зачем он ехал?

— Нет, кажется, нет.

— А какой у него был багаж?

— Небольшой несесер. Рубашка, носки, пижама и комнатные тапочки. Никаких меток из прачечной или химчистки.

— Что? Почему? Вещи были новые?

— Да нет, — в голосе Уильямса прозвучало удивление такой подозрительностью Гранта. — Довольно поношенные.

— На тапочках был какой-нибудь фирменный знак?

— Нет, это обувь ручной работы, из толстой кожи, которая продается на базарах в Северной Африке и средиземноморских портах.

— Что еще?

— В несесере? Новый Завет на французском языке и роман в бумажной обложке, тоже на французском. Обе книги — изрядно потрепанные.

— Ваши три минуты истекают, — раздался голос оператора.

Грант заказал еще три минуты разговора, но ни на шаг не приблизился к разгадке тайны пассажира купе Б-7. Он всего лишь узнал, что Шарль Мартин не был зарегистрирован в полицейских картотеках ни во Франции (там, видимо, его попытку броситься с ножом на девушку сочли домашним скандалом), ни в Великобритании, и о нем ничего не известно.

— Кстати, — сказал Уильямс, — когда я писал ответ, то совершенно забыл о вашем постскриптуме.

— Каком постскриптуме? — удивился Грант, и тут же припомнил, что дописал: «Если вам будет больше нечего делать, не могли бы вы узнать в Особом отделе — может быть, их интересует человек по имени Арчибальд Браун. Шотландский патриот. Обратитесь к Теду Ханна, скажите, что это спрашиваю я». — Ах да, конечно. О патриоте. У вас было время заняться им? Впрочем, это не так уж и важно.

— Ну, так получилось, что я позавчера наткнулся на вашего приятеля Теда в автобусе, по дороге в Уайтхолл. Он сказал, что ничего не имеет против вашей птички, но им бы хотелось узнать, кто такие вороны. Вам это что-нибудь говорит?

— Пожалуй, да, — усмехнулся Грант. — Я постараюсь ответить на его вопрос. Скажите ему, что это будет для меня маленьким домашним заданием на каникулы.

— Я вас очень прошу — держитесь подальше от работы, поскорее выздоравливайте и возвращайтесь до того, как наша фирма без вас развалится на мелкие кусочки.

— А обувь, его обувь — где она была сделана?

— Чья обувь? Ах да — покойника. В Карачи.

— Где?

— В Карачи.

— Я подумал было, что ослышался. Похоже, парень объездил весь мир. Может быть, на книгах были какие-нибудь дарственные надписи?

— Не думаю. Не знаю, есть ли что-нибудь об этом в моих записях. Минуточку. Ага, вот оно. Нет, на книгах ничего не написано.

— А в списке пропавших нет никого, похожего на него?

— Нет. Никого, кто даже слегка напоминал бы его.

— Ну что ж, очень любезно с вашей стороны — отвечать на мои вопросы, вместо того, чтобы посоветовать лучше заняться рыбной ловлей. Я постараюсь когда-нибудь отблагодарить вас за услугу.

— А как там рыба? Клюет?

— Уровень воды снизился, а рыба сидит в глубоких местах, если еще такие остались. Так что, клюет не очень. Вот почему я и занимаюсь делами, которые не стоят внимания таких занятых людей, как вы.

— Я забыл вам сказать: проводник считает, что на вокзале Юстон кто-то проводил Мартина, — добавил Уильямс.

— Почему вы только сейчас об этом вспомнили?

— Ну, должно быть, потому, что от проводника, вообще-то, было мало толку. Сержант, который его допрашивал, сказал, что этот тип вел себя так, словно все это было проделано ему назло.

— Но что он сказал?

— Что, когда проходил по коридору, еще на вокзале Юстон, с Мартином в купе кто-то был. Какой-то мужчина. Проводник не видел его, потому что дверь купе была полуприкрыта, он знает только, что Мартин разговаривал с каким-то мужчиной. Они казались очень счастливыми и по-дружески шутили. Говорили об ограблении какой-то гостиницы.

— Что-что?

— Вот то-то и оно. Коронер точно так же воскликнул: «Что-что?» Проводник сказал, что они говорили «...ограбил Кале», а поскольку невозможно ограбить футбольную команду, речь, должно быть, шла о гостинице. В Шотландии, похоже, все гостиницы, которые не называются «Вэверли», носят имя «Каледония». Их сокращенно называют просто «Кале». Проводник сказал, что они говорили об этом несерьезно.

— Больше ничего о провожающем?

— Ничего.

— Это мог быть вовсе не провожающий, а просто знакомый, который случайно ехал этим же поездом. К примеру, он заметил его фамилию в списке пассажиров или увидел его, проходя по коридору.

— Да, но в таком случае следовало бы ожидать, что этот знакомый утром появится.

— Все не обязательно, особенно если его место в поезде было далеко от Мартина. Носилки с телом вынесли так быстро, что многие из пассажиров просто не узнали, что в поезде кто-то умер. Когда приехала машина «Скорой помощи», пассажиров на перроне уже не было. Я знаю об этом, потому что доедал свой завтрак в ресторане, когда она появилась.

— Да. Проводник объяснил, почему был убежден, что тот мужчина — провожающий: он стоял в шляпе и пальто. А большинство пассажиров снимают шляпу, как только войдут в купе.

— Кстати, о списке пассажиров, как был заказан билет?

— По телефону, но пассажир сам забрал билет. Во всяком случае, это сделал какой-то худощавый брюнет. Билет был заказан за неделю до отъезда.

— Ладно. Какие результаты вскрытия?

— Обычные. Легкий ужин примерно за час перед смертью, большое количество виски в желудке и солидный процент — в крови. Достаточно, чтобы он почувствовал себя навеселе.

— Никаких признаков того, что он злоупотреблял алкоголем?

— О, нет. Никаких изменений в организме. В прошлом он перенес повреждение головы и плеча, но кроме этого — был здоров.

— То есть нашли какие-то повреждения, полученные в прошлом?

— Да, очень давно. Одновременно трещина черепа и перелом ключицы. Будет ли это большим нарушением правил приличного поведения, если я спрошу, почему вы интересуетесь таким простым делом?

— Ох, если бы я сам знал это, сержант! Думаю, я потихоньку впадаю в детство.

— Наверное, это потому, что вы скучаете, — добродушно проговорил Уильямс. — Вот увидите — как только пройдут дожди, вы и думать забудете о мистере Мартине. У нас здесь льет как из ведра, так что скоро и у вас начнутся дожди.

Счастливым и беззаботным, Грант целые дни проводил на Терли, над ее темными бурными водами. Вода была цвета пива и с такой же пеной, она наполняла его уши музыкой, а его дни — наслаждением. Мягкий влажный воздух мелкой росой оседал на его одежде, а с веток орешника капало за воротник.

Примерно неделю он думал о рыбе, говорил о рыбе и ел рыбу.

И вдруг однажды вечером над его любимым водоворотом под висячим мостом произошло нечто, что вырвало его из столь блаженного состояния.

Он увидел в воде человеческое лицо.

И не успело его сердце забиться быстрее, он понял, что лицо появилось не на поверхности воды, а на дне его собственных глаз. Это было бледное лицо покойника с дерзкими бровями. Он выругался и забросил удочку в дальний конец водоворота. Хватит, с пассажиром Б-7 покончено! Он заинтересовался им, ошибочно посчитав, что этого парня тоже преследовали демоны. Он нарисовал себе совершенно фальшивый образ пассажира Б-7. Пьяный Рай в купе Б-7 был всего лишь перевернутой бутылкой виски. Его больше не интересует погибший пассажир. Он оказался всего лишь обычным здоровым молодым человеком, который слишком много выпил во время ночного путешествия и бездарно закончил жизнь, ударившись затылком о край умывальника.

— Но он написал строчки о Рае, — возразил ему внутренний голос.

— Не обязательно, — ответил он голосу. — Нет ни малейшего доказательства, что это сделал именно он.

— А его лицо? Его необычное лицо. Это его лицо сначала заинтересовало тебя. Задолго до того, как ты вообще прочел о Рае.

— Ничто меня не заинтересовало, — возразил себе Грант. — Это моя работа — я заинтересовался им чисто машинально.

— Да? Ты хочешь сказать, что если бы пассажир этого пропитанного испарениями виски купе был толстым коммивояжером с усами, похожими на щетку, и с лицом вроде пудинга, ты так же заинтересовался бы?

— Может быть.

— Ах ты, бессовестный лжец! Ты встал на сторону этого парня из купе Б-7 в ту же секунду, как увидел, что Мэрдо трясет его. Ты вырвал его из лап проводника и расправил на нем пиджак, словно мамочка, заботливо поправляющая на сыночке шарф.

— Заткнись!

— Он вызвал твой интерес не потому, что в его смерти тебе что-то показалось странным, а потому, что тебе захотелось о нем что-нибудь узнать. Он был молод и мертв, а когда-то полон энергии и жизни. Ты хотел что-нибудь узнать о его легкомысленной жизни.

— Ладно, я хотел узнать.

— Может быть, его Рай — это Тир нан Ог — знаешь, эта гэльская страна вечной молодости. Тогда все сходится.

— Что именно?

— Считается, что Тир нан Ог располагается далеко на западе за самыми далекими островами. Страна Молодости. Земля вечной юности, такой гэльский Рай. А что же «охраняет дорогу в Рай?» Наверное, острова с поющими песками. Острова с камнями, которые выглядят, словно идущие люди.

— А говорящие звери? Ты тоже нашел их на далеких островах?

— Найду.

— Найдешь? И каких же это?

— Тюленей.

— Ах, оставь меня в покое. Я занят. Я ловлю рыбу.

— Может быть, ты и ловишь рыбу, но все равно ни черта не поймал. Можешь заткнуть свою наживку себе за ленту шляпы. А сейчас послушай меня.

— Я не стану тебя слушать. Ну ладно, на островах есть поющие пески! Ладно, есть камни, которые движутся! Ладно, есть говорящие тюлени! Но все это меня уже не касается. И я не вижу никакой связи с Б-7.

— Нет? А зачем же он ехал на север?

— На похороны родственника, чтобы переспать с женщиной, чтобы полазить по горам. Откуда мне знать? И почему это должно меня волновать?

— Он собирался остановиться где-то в отеле «Каледония». Почему бы не позвонить в гостиницу сегодня вечером и не узнать, не заказывал ли там номер Шарль Мартин?

— Ничего такого делать я не буду...

Грант вернулся домой к ужину в очень плохом настроении. Он ничего не поймал и утратил спокойствие.

А в сонной тишине, которая охватила гостиную, когда закончился день и дети пошли спать, он вдруг понял, что все время смотрит на телефон в другом конце комнаты. Телефон стоял на письменном столе Томми и соблазнял скрытыми возможностями, тайным обещанием, которое крылось за его немим присутствием. Достаточно было поднять трубку, чтобы поговорить с кем-то на тихоокеанском побережье Америки, или с человеком, который находится посередине Атлантического океана. Он мог бы поговорить и с кем-то, кто находится на высоте двух миль над землей.

Он мог бы поговорить и с человеком из отеля «Каледония» в Скуне.

Грант боролся с этой мыслью, с возрастающим раздражением, на протяжении часа. Когда Лора вышла, чтобы приготовить что-нибудь выпить перед сном, а Томми пошел выпустить собак на улицу, он очутился у телефона одним прыжком, который больше подходил для площадки, где играют в регби, нежели для комнаты, и поднял трубку прежде, чем осознал, что не знает номера. Положил трубку и взял телефонную книгу. Он знал, что не успокоится, пока не поговорит с гостиницей «Каледония» в Скуне.

— Скун, 14-60... Отель «Каледония»? Скажите, пожалуйста, не заказывал ли у вас на днях номер мистер Шарль Мартин?.. Да, благодарю вас, я подожду... Нет? Никого с такой фамилией... Ох... Большое спасибо. Извините за беспокойство.

«Ну, вот и все, — подумал Грант, закончив разговор. — Вот и конец дела Б-7, по крайней мере, что касается меня». Он выпил свой прекрасный успокоительный напиток, пошел спать и тут же провалился в сон.

5

Следующий день прошел спокойно, в кругу семьи, а после ужина Грант отложил в сторону книгу, посвященную европейской политике, читать которую ему вчера по-

мешал интерес к телефонной книге, и принялся искать на книжных полках что-нибудь об Островах.

— Ты ищешь что-то конкретное, Алан? — спросила Лора, глядя на него поверх «Таймс».

— Я ищу что-нибудь об Островах.

— О Гебридах?

— Да. Я подумал, что, может быть, у вас найдется какая-нибудь книга на эту тему.

— Ха! — радостно воскликнула Лора. — Есть ли у нас какая-нибудь книга! Вся литература на эту тему, дорогой мой! В Шотландии тот, кто не написал книги об Островах, является исключением.

— У вас есть такие книги?

— Практически все. Все, кто приезжал к нам, привозили какую-нибудь книгу на эту тему.

— Почему же они не забирали эти книги с собой?

— Ты поймешь, когда их полистаешь. Вон там на нижней полке — целый ряд.

Он начал просматривать книги быстрыми, натренированными глазами.

— Откуда этот внезапный интерес к Гебридам? — поинтересовалась Лора.

— У меня в памяти застряли слова Малыша Арчи о поющих песках.

— Должно быть, это первый случай, когда слова Малыша Арчи остались у кого-то в памяти.

— Считается, что Тир нан Ог — гэльский Рай — расположен на западе сразу за поющими песками.

— Ага, еще и Америка, — подхватила Лора, — которая в глазах жителей Островов гораздо ближе к их представлениям о Рае, нежели Тир нан Ог.

Гэлы — единственный из известных народов, в языке которого отсутствует слово «нет», и эта черта еще лучше характеризует их, чем представление о вечности.

Грант вернулся к камину с целой стопкой книг и принялся лениво их просматривать.

— Трудно представить себе ум, который не способен изобрести слово «нет», не так ли? — задумчиво произнесла Лора и вернулась к чтению «Таймс».

Грант развлекался просмотром книг весь вечер. И, попивая напиток на сон грядущий, проронил:

— Я бы хотел осмотреть Острова.

— Запланируй это на следующий год, — посоветовал Томми. — Сейчас на Льюисе очень неплохо ловится рыба.

— Нет, мне хочется поехать сейчас.

— Сейчас! — воскликнула Лора. — Я в жизни не слыхала ничего более глупого. Ну, хорошо, я думаю, в таком случае, тебе нужно расписание рейсов. У нас оно есть, но мы употребляем его, чтобы подпереть дверь или встать на него, когда надо дотянуться до верхней полки, к тому же оно, наверное, слегка устарело.

— Что касается рейсов на Острова, можешь не беспокоиться, — заметил Томми. — Расписание Мак-Брэйна столь же незаблемо, как и древние законы медов и персов. Как сказал кто-то, они — не то, чтобы принадлежали вечности, скорее — они вне времени.

Итак, Грант разыскал расписание и пошел спать. А утром позаимствовал у Томми небольшой несесер и запаковал в него все, что могло понадобиться ему в недельной поездке. Он всегда любил путешествовать с минимумом вещей и всегда предпочитал ехать один, нежели в обществе даже самых приятных ему людей.

Лора обещала отвезти его в Скун, чтобы он успел на поезд в Обэн, но Грэхэм, который брал машину для поездки в Моймор, так запоздал с ее возвращением, что

попасть к отправлению поезда было невиданной удачей. Они ворвались на вокзал за 30 секунд до отправления поезда, задыхаясь, Лора швырнула Гранту в окно отправляющегося поезда пачку газет и журналов и пробормотала:

— Желаю тебе хорошенько развлечься, дорогой. Морская болезнь очень полезна для желудка.

Грант сидел в пустом купе в приятном одиночестве, даже не замечая пачки прессы, которая лежала на сиденье рядом. Он смотрел на скучный, однообразный пейзаж за окном и думал о том, что едет на острова, чтобы увидеть пейзаж, так напоминающий те стихи. Охваченный полусонным блаженством, он размышлял, рассказал ли Б-7 кому-нибудь о своем Рае. Грант припомнил его почерк и подумал, что, скорее всего, — нет. Но как узнать об этом точно? Не может же он дать в газету объявление типа: «Прочтите эти стихи, и если вам они о чем-то говорят, свяжитесь со мной».

А почему, собственно говоря, не может? Сонливость бесследно испарилась, как только ему в голову пришла эта мысль. Он думал об этом всю дорогу до Обэна.

В Обэне Грант пошел в гостиницу, где, попивая за собственное здоровье, написал во все лондонские газеты одинаковые объявления, к каждому письму прикладывая чек. Текст объявления был таким: «Есть где-то край, где звери говорят, потоки неподвижные стоят. Среди миражей прекрасны и близки поющие пески...» Если вам знакомы эти строки, напишите, пожалуйста: А.Гранту, до востребования, Моймор, Комришир».

Он не послал это объявление только в «Клэрион» и «Таймс»: не хотел, чтобы в Клуни подумали, будто он окончательно сошел с ума.

6

Весь остров был в распоряжении Гранта, и на протяжении пяти дней в обществе завывающего ветра он ходил по своему угрюмому королевству. А вечера проводил, грея вытянутые ноги у камина и слушая рассказы хозяина гостиницы мистера Тодда о том, как он содержал кабачок на равнине. Аппетит у Гранта был отменный. Он явно прибавлял в весе. Засыпал, как только его голова прикасалась к подушке, и не просыпался до самого утра. Под конец пятого дня он скорее был готов смотреть в лица ста воздушным путешествиям, нежели провести на острове еще двенадцать часов.

И на шестое утро Грант стоял посреди обширного участка белого песка, ожидая маленький самолет, который должен был забрать его на обратном пути из Сторноуэй. Легкое беспокойство где-то в глубине сердца, вместо отчаянного страха, которого он опасался, не портило ему настроение. С ним стоял мистер Тодд, и рядом с ними на песке лежал маленький чемоданчик Гранта. Чуть выше, на траве, возле которой кончалась дорога, замер автомобиль отеля «Клэдда», единственный автомобиль на острове и единственный подобный автомобиль в мире. Все это, вместе взятое, сверху выглядело, как четыре черных пункта на сияющем песке.

Грант подумал, что его полет на большой птице, которая сядет на этот пляж на краю света, наиболее точно соответствует представлениям людей из прошлого о полетах.

Огромная птица приземлилась среди песков, и на какой-то момент Грант запаниковал. Что ни говори, это все же — ящик. Тесный, закрытый, ящик-ловушка. Но необычность всего, что его окружало, позволила ему почти мгновенно расслабить напрягшиеся было мускулы. Здесь, среди песков, рядом с пилотом, который, стоя на верхней ступеньке трапа, обменивался слетнями с мистером Тоддом, крики чаек и запах моря создавали атмосферу абсолютной свободы, лишенной какого-либо насилия. Бояться было вовсе не обязательно.

Поэтому когда он встал на последнюю ступеньку трапа, его пульс лишь слегка участился. И не успел он проанализировать свою реакцию на закрывание двери, как его внимание привлекло нечто более интересное. Впереди него, через проход, сидел Малыш Арчи.

Малыш Арчи выглядел так, словно его только что выволокли из кровати, причем весьма поспешно. Беспорядок в его одежде еще больше подчеркивал ощущение маскарада. Он поприветствовал Гранта, как старого друга, любезно побеседовал с ним на тему его незнания Островов, рекомендовал непременно изучить гэльский язык и, наконец, откинувшись на спинку кресла, уснул. Грант сидел и смотрел на него.

«Что за ублюдок, — думал Грант. — Тщеславный, ничтожный ублюдок».

Арчи спал с полуоткрытым ртом. Пряди черных волос не прикрывали лысину. Колени над толстыми яркими носками напоминали анатомические препараты. Это были не колени, а именно «коленные суставы».

Тщеславный, злобный маленький ублюдок. У него была профессия, которая давала ему хлеб и масло, профессия, которая гарантировала ему положение в обществе, профессия, которая могла бы дать ему духовное удовлетворение. Но этого было слишком мало для его эгоистичной душонки. Он жаждал света юпитеров. И когда он стоял в свете прожекторов, ему было все равно, кто платит за иллюминацию.

Грант все еще размышлял над основополагающей ролью тщеславия как причины многих преступлений, когда внизу под самолетом показался геометрический узор, раскрывающийся, словно японский цветок в воде. Он оторвался от психологических размышлений, чтобы осознать этот феномен Евклидовой геометрии среди мира живой природы, и понял, что самолет кружит над аэродромом перед приземлением. Он вернулся с острова Клэдда, даже не заметив, как прошел полет.

Грант сошел на поле аэродрома, представляя, что бы случилось, если бы он сейчас от радости исполнил военный танец. Ему хотелось вопить и прыгать вокруг летного поля, как ребенку, который получил в подарок игрушечную лошадь на колесах. Вместо этого он пошел в телефонную будку и позвонил Томми, чтобы тот приехал за ним, если сможет, в гостиницу «Каледония» в Скун, часа через два. Томми ответил, что может и приедет.

Когда он вошел в холл гостиницы «Каледония», его добродушное круглое лицо выглядело еще добродушней и круглей, чем обычно.

Не было ветра.

Абсолютно никакого ветра.

Мир был прекрасен.

«Будет ужасно, — подумал Грант, — если в машине вернутся все старые страхи. А вдруг они ждут, жадно облизывая губы, чтобы на меня наброситься?»

Но в машине ничего такого не случилось. Они с Томми просто ехали в обычной приятной, дружеской атмосфере. Дом в Клуни мирно лежал в своем зеленом гнезде, и Грант возвращался в него, словно победитель после битвы. В прошлый раз его увозили по этой песчаной дороге, словно невольника, а сейчас он был свободным человеком. Он уезжал на поиски пассажира купе Б-7, а нашел себя.

Лора вышла на крыльцо, чтобы приветствовать его, и сразу спросила:

— Алан, ты что, подрабатываешь букмекером на стороне?

— Нет. А почему ты так подумала?

— И ты не ведешь в журнале колонку с советами для одиноких и влюбленных?

— Нет.

— Потому что миссис Мэйр сказала, что на почте тебя ждет целый мешок писем.

— Ох! А откуда миссис Мэйр знает, что эти письма адресованы именно мне?

— Она сказала, что ты — единственный А. Грант в этой местности. Я надеюсь, это не в связи с брачным объявлением?

— Нет, дело в кое-какой нужной мне информации, — объяснил он, входя за ней в гостиную.

В свете ранних сумерек комната была полна блеска огня и трепещущих теней. Он думал, что в гостиной никого нет, и только через какое-то время заметил, что кто-то сидит в большом кресле у камина. Это была женщина, такая стройная и гибкая, что казалась одной из мерцающих теней, и ему пришлось взглянуть на нее еще раз, чтобы убедиться, что она — действительно не тень.

— Зоэ, позволь представить тебе Алана Гранта, — раздался голос Лоры за ним. — Леди Кентоллен приехала в Клуни на несколько дней половить рыбу.

Женщина наклонилась вперед, чтобы пожать его руку, и он увидел, что она выглядит очень юной.

— Здравствуйте, мистер Грант, — приветствовала она его. — Лора сказала, что вы предпочитаете, чтобы вас называли так.

— Да. Да, предпочитаю. Обращение «инспектор» в повседневной жизни звучит слишком мрачно.

— И немного нереально, — проговорила она своим нежным голосом. — Будто в детективном романе.

— Да, люди сразу ожидают от тебя вопроса типа: «Где вы находились вечером такого-то числа?»

Ее безукоризненные классические черты позволяли носить гладкую прическу с пробором посредине. Маленькая темноволосая голова на длинной красивой шее.

Вдруг он вспомнил об отремонтированной спальне. Значит, ее ремонтировали для Зоэ Кентоллен, а не для очередной кандидатки в его жены. Какое счастье! Он уже был сыт по горло избранницами Лоры, которых она упорно подсовывала ему под нос, а уж оказаться с одной из них под одной крышей — это было бы слишком.

— Поезд из Обэна, должно быть, раз в жизни пришел вовремя, — прокомментировала Лора ранний приезд Гранта.

— Да нет, просто Алан вернулся самолетом, — заметил Томми, подкладывая в огонь полено.

Грант взглянул на Лору и увидел, что она засияла от радости. Лора повернула голову, встретилась с ним взглядом и улыбнулась. Значит, она так близко к сердцу принимала его болезненное состояние? Дорогая Лора. Славная, добрая, все понимающая Лора.

Они начали разговаривать об Островах. Томми рассказал забавную историю о человеке, с которого ветром сорвало шляпу, когда тот садился на корабль в Барра. Он нашел его на пирсе в Мэллэйге. Лора шутила о невозможности общаться на языке, в котором нет ни одного слова моложе двухсот лет. Зоэ провела детские годы у родственников на Островах и была хорошо знакома с браконьерскими методами ловли лососей, этому искусству ее обучил местный виртуоз-браконьер под самым носом у хозяина дома, который был инспектором рыбной охраны.

Грант с удовольствием осознал, что присутствие гостыи совершенно не нарушает семейную атмосферу Клуни. Казалось, что Зоэ не осознает своей красоты и не ожидает никаких знаков внимания.

И только когда дверь его комнаты закрылась за ним, Грант вспомнил о мешке с письмами, который поджидал его на почте. Целый мешок! Ну что ж, в этом нет ничего странного. Благодаря своей работе в следственном отделе он узнал тип людей, весь смысл жизни которых состоял в сочинении писем. В газеты, писателям, незнакомым людям, в городской совет, в полицию. Им все равно, куда строчить эти пись-

ма, достаточно было удовлетворения от самого процесса. Семь восьмых из этой кучи окажется результатом деятельности любителей эпистолярного жанра.

Но остается еще одна восьмая часть.

Что за информация содержится в ней?

На следующее утро он увидел, что гостя Лоры готовит свои рыболовные снасти перед тем, как пойти на реку. Она ушла незаметно, спокойная, самостоятельная, не требующая к себе внимания, и Грант, глядя вслед ее удаляющейся фигуре, подумал, что она гораздо больше напоминает мальчика-подростка, нежели зрелую светскую даму. На ней были очень элегантные брюки и весьма потертая куртка, и Грант поделился с Томми мыслью, что Зоэ — одна из тех немногих женщин, кто хорошо выглядит в брюках.

— Она — единственная женщина в мире, — добавил Томми, — которая прекрасно смотрится в болотных сапогах.

Итак, Грант направился к миссис Мэйр, на почту. Миссис Мэйр выразила надежду, что у него есть секретарь, и подарила ему нож для разрезания бумаги. Это был тонкий серебряный предмет, очень вытертый от времени, украшенный аметистовым цветком чертополоха. Когда он попытался отказаться от подарка, объясняя это тем, что вещь старинная, из серебра высокой пробы, и сейчас дорого стоит, а он не может принимать дорогие подарки от незнакомых дам, она улыбнулась:

— Мистер Грант, эта вещь лежит у меня уже двадцать пять лет. Она была сделана в те времена, когда люди еще умели читать. Сейчас они умеют только смотреть и слушать. Вы — первый человек среди встреченных мной за четверть века, кому действительно нужен такой нож. Думаю, когда вы распечатаете все письма из этого мешка, вам понадобится что-то еще, кроме ножа для бумаги. Во всяком случае, в первый и в последний раз я получила целый мешок корреспонденции, адресованной одному человеку, и мне хочется как-то отметить это! Так что забирайте несчастный нож!

Он с благодарностью принял подарок, занес мешок в машину и поехал обратно в Клунги.

— Мешок — собственность почты, — крикнула ему вслед миссис Мэйр, — так что не забудьте вернуть его!

Грант отнес мешок в свою комнату, до блеска отполировал ножик, который засиял, словно от радости, что его заметили впервые за все эти годы, высыпал содержимое мешка и разрезал первый попавшийся конверт. Автор первого письма возмутилась, что Грант осмелился опубликовать вырванные с болью из глубины ее сердца стихи, которые она весной 1911 года написала, вдохновленная своим духом-наставником Азулом. Увидев свои бесценные стихи, выставленные на всеобщее обозрение, она почувствовала себя так, словно с нее сорвали одежду на глазах у толпы.

Тринадцать других корреспондентов приписывали авторство себе и спрашивали, сколько им заплатят за эти стихи. Пять человек прислали пять различных окончаний стихов, которые многое говорили об их характерах, и тоже утверждали, что являются авторами напечатанных в газете строк. Три письма обвиняли Гранта в святотатстве, а семь утверждали, что эти стихи — плагиат из Книги Апокалипсиса. Кто-то написал: «Старик, большое спасибо за то, что развлек меня сегодня вечером, как там в этом году клюет на Терли?» Один из корреспондентов отослал его к апокрифам, другой — к «Арабским ночам», один — к Райдеру Хаггарду, один — в Большой Каньон, а пять — в различные части Центральной и Южной Америки. Девять человек порекомендовали ему лечиться от алкоголизма, а двадцать два прислали брошюры, посвященные эзотерическим культам. Два человека предлагали подписаться на литературно-поэтические журналы, а один предложил обучить его написанию различных поздравительных стихов на все случаи жизни за деньги. Кто-то написал: «Если Вы — тот А. Грант, с которым

мы вместе коротали сезон муссонов в Бишен-пусс — вот мой теперешний адрес». Некая дама написала: «Если Вы — тот А.Грант, с которым я провела ночь в гостинице в Эмелфи, то я просто хочу сказать Вам «Привет!» Хотела бы я, чтобы мой муж был таким же классным». Было еще одно письмо с информацией об Обществе клана Грантов, девять неприличных писем и три абсолютно неудобочитаемых.

Всего было сто семнадцать писем.

Больше всего удовольствия ему доставило письмо такого содержания: «Я расшифровал тебя, подлый предатель, и немедленно пишу донесение в Особый отдел».

Ни одно из этих писем ни в чем ему не помогло.

Ну, что ж. Собственно говоря, он ни на что особенно и не надеялся. Это был выстрел вслепую. По крайней мере, он немного развлекся. Теперь можно успокоиться и до конца отпуска заниматься ловлей рыбы. Интересно, как долго пробудет в Клуни Зоз Кентоллен?

Зоз взяла с собой сэндвичи и не появилась на ланче, но после ланча Грант взял свою удочку и пошел вниз по берегу реки. Зоз, возможно, прошла уже всю рыболовную трассу, но, должно быть, не знала ее так хорошо, как он. Ей может пригодиться ненавязчивый совет. Разумеется, он пошел вниз по реке не только для того, чтобы встретиться с ней, а чтобы немного побродить с удочкой, но сначала надо было узнать, в каких местах она уже рыбачила. А если уж он встретит ее, невежливо будет просто пройти мимо.

Ну и, разумеется, Грант не прошел мимо нее. Он сидел на берегу и наблюдал, как она цепляет на крючок очередную приманку для большой рыбы, которую уже час пыталась соблазнить.

— Рыба просто издевается надо мной, — сказала она. — Это уже личное дело между нами. — Зоз пользовалась своей удочкой со свободой человека, который с детства занимается ловлей рыбы, почти рассеянно, как Лора. Наблюдать за ней было очень приятно.

Через час он помог ей вытащить рыбу на берег, они уселись рядом на траве и принялись уничтожать остатки сэндвичей. Зоз расспрашивала о его работе, вовсе не воспринимая ее как нечто сенсационное, точно так же она разговаривала бы с архитектором или железнодорожным машинистом, она рассказала о своих троих сыновьях и их планах на будущее. Ее простота была абсолютно искренней, а свобода — полной.

— Энди заболел от зависти, когда услышит, что я ловила рыбу в Терли. — Слова прозвучали так, словно она была девочкой и говорила о своем старшем брате-школьнике, и Грант понял, что это прекрасно выражает суть взаимоотношений между ней и ее сыновьями.

В их распоряжении было еще много солнечных часов, но никто из них и не двинулся в сторону реки. Они сидели, смотрели на коричневую воду и разговаривали. Грант пытался припомнить, знал ли он раньше кого-нибудь, похожего на Зоз, но безрезультатно. Ни в одной из красивых женщин, с которыми он когда-то был знаком, не было ничего от заколдованной принцессы, ее вечной молодости. «Словно она пришла сюда из Тир нан Ог», — подумалось Гранту. Трудно поверить, что ей, должно быть, столько же лет, сколько и Лоре.

— Вы хорошо знали Лору в школе?

— Нельзя сказать, чтобы мы были задушевными подружками. Я испытывала перед ней огромное благоговение.

— Благоговение? Перед Лорой?

— Да, знаете ли, она была очень умная и успевала по всем предметам, а я никогда не могла к двум прибавить два.

Поскольку контраст между внешностью героини сказки Андерсена и ее практичностью в глазах Гранта составлял часть очарования Зоэ, он пришел к выводу, что Зоэ преувеличивает.

— Нам всем очень повезло — вам, Лоре и мне, — что мы провели детство в Шотландии, — заметила она, когда речь зашла о первых опытах рыбной ловли. — Вот что больше всего нужно детям — прекрасная страна детства. Когда Дэвид — мой муж — погиб, меня уговаривали продать Кентоллен. У нас никогда не было особенно много денег, а налог на наследство поглотил их остатки, которые могли бы пригодиться для того, чтобы как-то содержать поместье. Но я хотела сохранить его хотя бы на то время, пока мои сыновья Энди, Томми и Чарльз вырастут. Им будет очень тяжело расставаться с поместьем, но пусть у них останутся прекрасные воспоминания о детстве.

Он взглянул на нее. Она тщательно складывала в коробочки снасть со старательностью ребенка, который любит порядок. Грант подумал, что хорошим выходом для нее было бы повторное замужество. Насколько ему было известно, в Вест-Энде полно элегантных мужчин в блестящих автомобилях, для которых содержать Кентоллен не составило бы больше усилий, чем японский садик в одной из комнат, которые они называют гостиными. «Но трудность состоит в том, — подумал он, — что в мире Зоэ Кентоллен деньги никогда не были ни рекомендацией, ни отпущением грехов».

— Пожалуй, нам пора возвращаться, — сказала Зоэ.

Собирая свои и ее рыболовные снасти, Грант размышлял о том, что в этом дне над рекой Терли было больше магии, чем на всех разрекламированных островах, расположенных на западе.

— Вы любите свою работу, да? — спросила она, когда они поднимались к Клуни. — Лора сказала мне, что если бы вы захотели, то уже несколько лет назад могли бы уйти на пенсию.

— Да, — слегка удивившись, ответил он. — Пожалуй, мог бы. Сестра моей матери оставила мне наследство. Она вышла замуж за человека, который неплохо заработал в Австралии, и у них не было детей.

— Чем бы вы занялись, если бы ушли на пенсию?

— Не знаю. Как-то никогда об этом не задумывался.

7

На следующий день Грант опять ушел с утра на рыбалку и ловил рыбу на своем любимом месте, чуть ниже подвесного мостика, наслаждаясь мысленным разговором с Брайсом. Потому что, разумеется, такой разговор состоится. После беседы с Зоэ он окончательно решил уйти в отставку и не откажет себе в удовольствии собственноручно положить заявление об отставке на стол перед самым носом Брайса, он сам лично сделает это. Потом возникнет разговор, который доставит ему много удовольствия, и, наконец, он выйдет на улицу свободным человеком.

Свободным для чего?

Быть самим собой, не ожидая ничьих команд и указаний.

Делать то, чего ему всегда хотелось и на что никогда не хватало времени. Например, поплыть куда-нибудь на маленькой лодке.

А, может быть, жениться?

Да, жениться. У него будет достаточно времени, чтобы разделить с кем-то жизнь. Достаточно времени, чтобы любить и быть любимым.

Эти мысли сделали его очень счастливым на целый час.

Примерно к полудню у него возникло ощущение, что он — не один. Грант поднял взгляд и увидел, что на мосту стоит мужчина и наблюдает за ним. Незнакомец стоял всего в нескольких ярдах от берега, и поскольку мост не раскачивался, ясно было, что он стоит там уже довольно долго.

Грант одобрительно кивнул незнакомцу.

— Ваша фамилия — Грант? — негромко спросил мужчина.

После пребывания в окружении людей, ум которых был настолько извилист, что в их языке не было слова «нет», приятно было услышать прямой вопрос на простом английском языке.

— Да, — ответил он и слегка призадумался. Ему показалось, что в произношении незнакомца был какой-то американский отзвук.

— Это вы — тот парень, который дал объявление в газету?

Теперь уже не оставалось никаких сомнений насчет его национальности.

— Да.

Незнакомец сдвинул шляпу на затылок и с ноткой отчаяния в голосе произнес:

— Ну что ж, видно, и я малость свихнулся — иначе бы меня здесь не было.

Грант начал сматывать удочки.

— Не хотите ли спуститься сюда, мистер...

Мужчина сошел с моста и направился по берегу в его сторону.

Он был молод, хорошо одет и приятно выглядел.

— Моя фамилия Куллен, — представился мужчина. — Тед Куллен. Я — летчик. Работаю в компании ВКА. Знаете — компания «Восточные Коммерческие Авиалинии»? Чтобы летать для ВКА, надо быть очень хорошим пилотом. На больших авиалиниях, если летчик ошибается, его увольняют. Если ошибку допускает пилот ВКА — ему обеспечен «волчий билет». ВКА обладает неограниченными источниками пополнения кадров. ВКА не волнуют ваша грамотность, цвет вашей кожи, ваше происхождение, ваши манеры, ваша национальность или ваши взгляды — лишь бы вы умели летать. Вы должны уметь летать. — Грант взглянул на мистера Куллена с удвоенным интересом. — Послушайте, мистер Грант. Я знаю, что эти слова в газете — просто какая-то цитата, которую вы хотели определить, или что-то вроде того. И, конечно, этого я не могу сделать. Я никогда особенно не разбирался в книгах. И приехал сюда не для того, чтобы помочь вам. Думаю, совсем наоборот. Но я очень волнуюсь. Видите ли, эти слова произнес однажды ночью Билл, когда немного выпил. Билл — это мой приятель, и я подумал, что это, может быть, какое-то место. Я имею в виду, что это — описание какого-то места. Даже если это цитата. Боюсь, что выражаюсь не слишком ясно.

Грант улыбнулся и сказал, что, действительно, пока что не очень ясно, но, может быть, им лучше присесть и выяснить все как следует.

— Я так понимаю, вы специально приехали сюда, чтобы встретиться со мной?

— Да, я приехал вчера вечером. Но почта уже была закрыта, и я переночевал в гостинице. А сегодня утром пошел на почту и спросил, где могу найти мистера А. Гранта, который получил много писем. Я был уверен, что вы получили много писем после публикации этого объявления. И они ответили: «О да, если вам нужен мистер Грант, вы найдете его где-нибудь на реке». Ну, я и пошел поискать, и догадался, что сейчас вижу именно вас. Не имело смысла отвечать вам письменно, потому что на самом деле у меня нет никакой информации, которую можно было изложить в письме. Я хочу сказать, что мной овладело что-то вроде дурацкой надежды. И вам, по крайней мере, не надо будет беспокоиться и отвечать на письмо, даже если бы оно вас не касалось — вот что я имел в виду. — Он умолк, а затем добавил тоном, в котором поровну было надежды и отчаяния: — Это же не ночной клуб, правда?

— Что — не ночной клуб? — переспросил удивленный Грант.

— То место с говорящими зверями у дверей. И странным пейзажем. Это немного похоже на луна-парк. Знаете — все эти места, где вы плывете в лодке по туннелям в темноте и неожиданно видите всякие смешные и ужасные вещи. Но Билла не заинтересовало бы такое место. Вот я и подумал о ночном клубе. Знаете, таком, где стараются всякими странными штуками произвести впечатление на клиентов. Это должно подошло бы Биллу. Особенно в Париже. Потому что именно в Париже мы должны были с ним встретиться.

Впервые появился хоть какой-то лучик света.

— Вы имеете в виду, что у вас с Биллом была назначена встреча? И он на нее не явился?

— Он вообще не появился. И это очень не похоже на Билла. Когда он не вернулся, и, похоже, никто ничего о нем не знает, и даже не слышал, и в Англии у него не было людей, которым я мог бы послать письмо, я подумал о других способах связи. Других — не телефонах, письмах, телеграммах или о чем-то таком. Я подумал об объявлениях в газетах. Поэтому разыскал парижское издание «Клэриона» и просмотрел, но ничего там не нашел. Потом искал в «Таймс» — и там тоже ничего не было. Это произошло уже спустя какое-то время, конечно, и я просмотрел старые номера газет, но там тоже ничего не нашел. Я уже было собирался сдать, но кто-то подсказал мне попробовать поискать в «Морнинг-Ньюз». Там тоже ничего не было от Билла. Зато я прочел ваше объявление — и как будто звоночек прозвучал. Если бы Билл не исчез, не думаю, что я во второй раз подумал бы об этом, но поскольку я однажды слышал, как Билл произнес нечто похожее на эти стихи, я заметил их и заинтересовался.

— Когда Билл говорил об этом странном пейзаже?

— Он вообще о нем не говорил. Просто однажды ночью болтал что-то такое, когда был слегка пьян. Билл не пьет, мистер Грант, не хочу, чтобы у вас создалось о нем неправильное впечатление. Я имею в виду, у него нет привычки напиваться. Некоторые парни, надо признать, напиваются, но они не долго задерживаются в ВКА. Они вообще долго не протянут. Вот почему ВКА избавляются от них. Дело не в том, что такие пилоты разбиваются, а в том, что возрастают расходы. Но время от времени у нас случаются свободные вечера, как у всех других людей. И в один из таких вечеров Билл разошелся. Все мы были нетрезвыми, и я не помню подробностей. Помню, что все принялись по очереди выдумывать разные тосты. Знаете, вроде: «За третью дочь бургомистра Багдада», «За мизинец левой ноги Джун Кей»... А Билл сказал: «За Рай!» — и потом пробормотал этот отрывок о говорящих зверях, поющих песках и чем-то таком...

— И никто не спросил у него об этом Рае?

— Нет. Следующий парень уже рвался провозглашать свой тост. Никто вообще не обращал внимания ни на что. Они считали, что тост Билла — ужасно скучный. Я бы не вспомнил его, если бы не увидел эти стихи в газете как раз в то время, когда голова лопалась от мыслей о Билле.

— И он потом об этом вспоминал? Ни о чем таком не говорил на трезвую голову?

— Нет. Он никогда не был особенно разговорчивым.

— Вы думаете, что если бы его что-то очень заинтересовало, он бы об этом не очень распространялся?

— О да, именно так он обычно ведет себя. Знаете ли, он не из тех людей, кого называют замкнутыми, просто немного скрытный. Вообще-то, он — самый открытый парень, какого только можно себе представить. Щедрый, не трясется над своими вещами и для других сделает все. Но в некоторых делах... В личных делах,

если вы понимаете, что я подразумеваю, он просто захлопывает перед другими дверь.

— У него была девушка?

— Не больше, чем у любого из ребят. Но когда у нас выходные, мы сразу думаем, с кем бы провести вечер. Только Билл сам отправляется в другой район города и находит красотку себе по вкусу.

— Какого города?

— Любого, где только нам доводилось быть. Кувейта, Маската, Куатифа, Мукалы. Где угодно — от Адена до Карачи. Большинство из нас летает на постоянных линиях, и только некоторые выполняют разовые заказы.

— Где летал... летает Билл?

— Он летает везде. Но в последнее время — между Заливом и Южным побережьем.

— Вы имеете в виду Аравию?

— Да. Это чертовски занудливая трасса, но, похоже, Биллу она нравится. Лично я думаю, что он слишком долго был на этой трассе. Если кто-то слишком долго летает по какой-то трассе, то устает.

— Почему вы считаете, что он был на этой трассе слишком долго? Он как-то изменился?

— Не совсем. Он был все тем же стариной Биллом, с легким характером, приятным человеком. Но он не мог от этого оторваться.

— Вы имеете в виду, что он не мог оторваться от своей работы?

— Да. Большинство из нас... Фактически, все мы... забываем о работе, когда отдаем самолет в руки наземной службе. Мы не вспоминаем о ней до тех пор, пока на следующее утро не скажем «привет!» старшему механику. Но с Биллом случилось что-то такое, что он разглядывал карты трассы, будто никогда раньше там не летал.

— Как вы думаете, отчего возник такой интерес к трассе?

— Я думал, что, может быть, он хочет вычислить, как лучше избежать районов с плохой погодой. Этот интерес к картам возник после одного случая... Он тогда вернулся с большим опозданием, потому что его снесло с трассы одним из этих жутких ураганов, которые возникают в этой стране непонятно откуда. Мы тогда чуть было не подумали, что он погиб.

— Разве вы не летаете над бурями?

— На длинных трассах, разумеется, да. Но когда самолет зафрахтован, то приходится приземляться в самых странных местах. Так что вы в большей или меньшей степени зависите от милости погоды.

— Понимаю. И вы думаете, что Билл изменился после этого случая?

— Ну, я считаю, что этот случай оставил какой-то след. Я был там, когда он прилетел. То есть приземлился. Ждал его на летном поле. И он показался мне потрясенным, улавливаете?

— Он был в состоянии шока?

— Да. Он все время возвращался мыслями туда и не слушал, что ему говорят.

— И после этого он начал изучать карты. Вы думаете, для того, чтобы планировать трассу?

— Да. С этого момента он носил это в своем мозгу, вместо того, чтобы забыть эту историю, как только снял комбинезон. У него даже вошло в привычку опаздывать. Словно он отклонялся от трассы, чтобы найти путь полегче. — Тед замолчал, а потом добавил тревожной скороговоркой: — Поймите меня, пожалуйста, мистер Грант, я не хочу сказать, что Билл утратил контроль над своими нервами.

— Нет, конечно же, нет.

— Поэтому я обрадовался, когда Билл взял отпуск раньше, чем собирался, — продолжал мистер Куллен. — Мы планировали поехать вместе и провести месяц в Париже. Но он раздумал и сказал, что сначала хочет на неделю или две заехать в Лондон. Потому что он — англичанин, знаете ли. И мы договорились встретиться в отеле «Сент-Жак» в Париже четвертого марта.

— Когда? — переспросил Грант.

— Четвертого марта. А в чем дело?

Поющими песками мог интересоваться кто угодно. Таких, кто летает для ВКА — по паре за пенни. Но затяжная, неопределенная история Билла Кенрика, который страстно интересовался Южной Аравией и не вернулся на встречу, назначенную в Париже, внезапно снизилась до одного главного пункта. До даты. Именно четвертого марта, когда Билл должен был появиться в Париже, лондонский почтовый прибыл в Скун, везя мертвое тело молодого мужчины, который интересовался поющими песками. Молодого мужчины с дерзкими бровями. Молодого мужчины, который, судя по внешности, мог быть летчиком. Грант вспомнил, что пытался представить его на мостике корабля, где-то в бескрайнем море. Он был похож на моряка. Но так же естественно выглядел бы и за штурвалом самолета.

— Почему Билл выбрал Париж?

— А почему люди обычно выбирают Париж?

— Не потому ли, что Билл — француз?

— Билл? Нет, Билл — англичанин. Стопроцентный англичанин.

— Вы когда-нибудь видели его паспорт?

— Может быть, не могу припомнить. А в чем дело?

— Вам не кажется, что он мог быть французом по происхождению?

Все равно что-то не сходится. Фамилия того французца — Мартин. Разве что он так попал под влияние английского воспитания, что захотел взять и английскую фамилию?

— У вас, случайно, нет фотографии вашего друга?

Но внимание мистера Куллена было отвлечено на что-то другое. Грант оглянулся и увидел, что по берегу реки к ним идет Зоэ. Он взглянул на часы:

— Вот черт! А я обещал, что разожгу огоны!

— Ваша жена? — поинтересовался мистер Куллен.

— Нет. Это леди Кентоллен.

— Леди? Это такой титул?

— Да, — ответил Грант, зная, что примусом. — Она — виконтесса Кентоллен.

Куллен некоторое время размышлял над чем-то.

— Наверное, какая-то виконтесса из бывших?

— Нет. Берите выше. Практически маркиза. Послушайте, мистер Куллен, давайте пока отложим в сторону дело вашего друга. Эта тема интересует меня больше, чем я могу выразить, но...

— Да, конечно. Я пойду. Когда я смогу поговорить с вами об этом?

— Никуда вы не пойдете! Вы останетесь с нами, и мы перекусим вместе.

— Вы хотите сказать, что я должен познакомиться с этой маркизой, с этой — как там ее — виконтессой?

— Почему бы и нет! Она — очень приятная особа. Одна из самых милых женщин, которых я знаю.

— Да? — Мистер Куллен с интересом взглянул на приближающуюся Зоэ. — Во всяком случае, на нее очень приятно смотреть. Я не знал, что они такие. Почему-то считал, что у всех аристократов — крючковатые носы.

— Специально приспособленные, чтобы презрительно поглядывать свысока, я так понимаю?

— Что-то в этом роде.

— Не знаю, насколько далеко в историю Англии надо было бы вернуться, чтобы найти крючковатый аристократический нос. Я вообще сомневаюсь, найдется ли такой. Может, где-нибудь в предместьях, в кругах, известных как мешанские.

Мистер Куллен выглядел озадаченным.

— Но аристократы общаются только с себе подобными и на остальных поглядывают свысока, разве не так?

— В Англии никогда никакой класс не был в состоянии общаться только с себе подобными, как вы это называете. Они перемешивались между собой в результате межклассовых браков на всех уровнях на протяжении двух тысяч лет. Пожалуй, никогда не было класса аристократов в том смысле, как вы подразумеваете.

— Я так думаю, что сейчас разница между классами стирается, — предположил мистер Куллен с легким недоверием.

— О нет. Она всегда была нечеткой. Даже наша королевская семья. Елизавета Первая была внучкой бургомистра. И вы могли бы убедиться, что у близких друзей королевской семьи вообще нет титулов: я имею в виду людей, которые бывают в Букингемском дворце. Зато может оказаться, что угрюмый лысый барон, который сядет за соседний столик в изысканном ресторане, начинал как укладчик путей на железной дороге. В Англии никто не общается только с себе подобными, если уж речь зашла о классах. Это возможно только для миссис Джонс, которая задирает нос перед своей соседкой миссис Смит, потому что мистер Джонс в неделю зарабатывает на два фунта больше, чем мистер Смит. — Грант отвернулся от озадаченного американца, чтобы приветствовать Зоэ. — Прошу прощения за примус. Боюсь, я слишком поздно разжег его, и вода закипит нескоро. У нас была очень интересная беседа. Это — мистер Куллен, пилот компании «Восточные Коммерческие Авиалинии».

Зоэ подала ему руку и спросила, на самолетах какого типа он летает. По тону, которым он ответил ей, Грант пришел к выводу, что мистер Куллен подумал, будто Зоэ интересуется этим исключительно, чтобы проявить снисходительность. Снисходительность — вот чего он мог ожидать от «аристократки».

— Ими очень тяжело управлять, не так ли? — со знанием дела посочувствовала Зоэ. — Мой брат летал на таких самолетах, когда работал на австралийских линиях. И всегда ругал их. — Она принялась распаковывать еду. — Но сейчас, когда он работает в офисе в Сиднее, у него есть собственный маленький самолет — «Бимиш-8». Великолепный самолет. Я летала на нем, как только брат купил его — до того, как он забрал его в Австралию. Дэвид — мой муж — и я мечтали о таком, но мы никогда не могли себе это позволить.

— Но ведь цена «Бимиш-8» — всего четыре сотни! — вырвалось у мистера Куллена.

Зоэ облизала пальцы, липкие от раздавленного яблочного пирога.

— Да, я знаю, но у нас никогда не было лишних четырех сотен.

Мистер Куллен, который чувствовал себя так, словно его швырнули за борт лодки, пытался найти какое-то дно под ногами.

— Я не хотел бы объедать вас, — пробормотал он. — Меня накормят в отеле, когда я вернусь. Мне уже пора возвращаться.

— Ах, не уходите, — попросила Зоэ так естественно и просто, что даже мистер Куллен сдался. — Здесь хватит еды на целый полк.

Итак, к радости Гранта, мистер Куллен остался. А Зоэ, не отдавая себе отчета в том, что способствует возникновению у Соединенных Штатов совершенно нового

взгляда на английскую аристократию, ела, как голодный школьник, и своим нежным голосом разговаривала с незнакомцем так, словно они были знакомы всю жизнь. На этапе поедания яблочного пирога мистер Куллен утратил бдительность и расслабился. А когда они разделили шоколад Лоры, он полностью сдался на милость победителя.

Они сидели под лучами солнца, сытые и довольные. Зоэ опиралась спиной о поросший травой склон, заложив руки за голову и подставив лицо солнцу. Ее глаза были закрыты. Грант думал о пассажире купе Б-7 и анализировал информацию, полученную от Теда Куллена. Мистер Куллен уселся на скале и смотрел вниз, на реку, в сторону населенной долины, где кончались вересковые пустоши и начинались поля.

— Какая красивая маленькая страна, — сказал он. — Мне здесь нравится. Если вы когда-нибудь решитесь бороться за освобождение, можете на меня рассчитывать.

— Освобождение? — переспросила Зоэ, открыв глаза. — Освобождение от кого или от чего?

— От Англии, разумеется.

Зоэ выглядела беспомощной, а Грант расхохотался:

— Должно быть, вы разговаривали с маленьким черным человеком в килте.

— Да, он был в килте, но он — не цветной.

— Я не имел в виду, что он чернокожий, я хотел сказать, что у него черные волосы. Вы разговаривали с Арчи Брауном.

— Кто такой Арчи Браун? — спросила Зоэ.

— Это самозванный спаситель кельтов и наш будущий монарх, комиссар, президент, или как там еще он будет называться, когда Шотландия освободится из рабских цепей английской неволи.

— Ах, этот, — улыбнулась Зоэ. — Он, должно быть, слегка не в своем уме, да? Он где-то здесь живет?

— Я думаю, он остановился в гостинице в Мойморе. И, насколько понимаю, попытался обратить мистера Куллена в истинную веру.

— Ну, — мистер Куллен, немного сбитый с толку, застенчиво улыбнулся, — я и сам подумал, что он, должно быть, слегка преувеличивает. Я встречал в своей жизни парочку шотландцев, и уж они-то не показались мне ребятами, способными терпеть такое отношение, какое описывал мистер Браун. На самом деле, извините меня, мистер Грант, они всегда казались мне такими людьми, которые, что бы ни происходило, всегда получают самое лучшее.

— Вы когда-нибудь слышали более удачное определение Союза? — обратился Грант к Зоэ.

— Я никогда и ничего не знала о Союзе, — весело призналась Зоэ, — кроме того, что его заключили в 1707 году.

— Тогда была битва? — спросил мистер Куллен.

— Нет, — ответил Грант. — Шотландия с благодарностью присоединилась к Англии, и на ее долю пришлось все вытекающие из этого блага: колонии, Шекспир, мыло, финансовая стабильность и так далее.

— Я надеюсь, мистер Браун не ездит с лекциями по Штатам, — проговорила полусонная Зоэ.

— Он поедет, — заметил Грант, — непременно поедет. Представители всех угнетенных меньшинств просто обожают ездить с лекциями по Штатам.

Он взглянул на Зоэ, дремлющую на солнце, и подумал, как она прекрасна. Взглянул на мистера Куллена и увидел, что тот тоже смотрит на Зоэ Кентоллен и думает о том, как она прекрасна. Мужчины встретились взглядами и поспешно отвели глаза.

— Ну что же, — как-то по-детски вздохнула Зоэ, стряхнув с себя дремоту. — Где-то в реке есть семифунтовая рыба, которой жизнь без меня кажется очень скучной. — А потом, без суеты и лишних разговоров, собрала свои вещи и скрылась в сиянии дня.

Куллен одобритительно смотрел ей вслед, и Грант с интересом ожидал комментариев. Но Куллен сразу перешел на интересующую его тему.

— Мистер Грант, а почему вы спросили, есть ли у меня фотография Билла? Это означает, что вы думаете, будто можете его знать?

— Нет. Нет. Но это поможет нам исключить людей, которые не могут им быть.

— Ага. Да. Хорошо. У меня сейчас нет с собой его фотографии, но одна есть — в чемодане, в гостинице. Снимок, правда, не очень хороший, но он даст вам какое-то общее представление. Вам принести его потом?

— Нет. Я сейчас пойду с вами в гостиницу.

— Правда? Это очень любезно с вашей стороны, мистер Грант. Вы думаете, что напали на какой-то след? Вы так и не сказали мне, что это были за слова. Те стихи. Эта цитата, или как там оно называется. Я приехал, на самом деле, чтобы расспросить вас. Что за место с говорящими зверями? Если это — место, которым он интересовался, то знаете, что? Он мог туда поехать. Так что, я тоже мог бы поехать туда и, таким образом, найти его следы.

— Вы с Биллом — очень хорошие друзья, да?

— Ну... Мы дружим уже довольно долго, и, хотя очень отличаемся друг от друга, все же великолепно ладим. Прекрасно ладим. Я бы не хотел, чтобы с Биллом что-то случилось. В самом деле, очень за него волнуюсь.

— Да, вся эта история действительно странная.

— Это было очень любезно с вашей стороны, — неожиданно произнес мистер Куллен.

— Что именно?

— То, что вы не сказали: «Не беспокойся, он найдется живым и здоровым!» У меня прямо руки чешутся, когда кто-то говорит: «Не беспокойся, он вернется». Я за такое прямо придушил бы.

В маленьком, выложенном камнями холле гостиницы Куллен приостановился.

— Я заметил, что в Британии люди не приглашают гостей в свои номера. Может быть, вы предпочитаете подождать меня в гостиной?

— Ах, нет. Я пойду с вами. Не думаю, что есть что-то особенное в отношении англичан к гостиничным номерам. Наверное, это происходит оттого, что гостиницы в наших отелях расположены так же близко, как и номера, поэтому незачем подниматься вверх.

Мысли Гранта были заняты Тедом Кулленом, который прервал свой отпуск и приехал в дикие места Каледонии, чтобы найти друга, так много значившего для него. Плохое предчувствие, от которого Грант не мог избавиться, усиливалось с каждым его шагом, и сейчас он был переполнен им до тошноты.

Молодой человек вытащил из своего чемодана шкатулку для писем, поставил ее на туалетный столик и открыл. Она содержала практически все, за исключением того, что нужно для написания писем. Среди стопки бумаг, карт и буклетов туристических фирм находились два кожаных предмета: записная книжка и бумажник. Из этого бумажника он вынул фотографии и принялся перекладывать снимки улыбающихся девушек, пока не нашел то, что искал.

— Вот она. Боюсь, что фотография не очень хорошая, обыкновенный любительский снимок. Он сделан, когда мы целой толпой были на пляже.

Грант взял фотографию почти с неохотой.

— Вот... — начал Тед Куллен, подняв руку, чтобы показать.

— Нет, подождите! — прервал его Грант. — Позвольте, я сам узнаю.

На фотографии было примерно с полдюжины молодых людей, они находились на веранде какого-то пляжного павильона. Парни столпились вокруг ступенек с ободранными деревянными перилами. Грант охватил быстрым взглядом их смеющиеся лица и почувствовал большое облегчение. Никого из них он никогда...

И тут Грант увидел мужчину на нижней ступеньке.

Он сидел, вытянув ноги на песке, запрокинув лицо с закрытыми глазами навстречу солнцу, его подбородок был повернут немного в сторону и вверх, словно он собирался сказать что-то парню, который стоял сзади. Точно так же его голова была запрокинута на подушке в купе Б-7 утром четвертого марта.

— Ну?

— Это ваш друг? — спросил Грант, указывая на мужчину на нижней ступеньке.

— Да, это Билл. Откуда вы знаете? Вы что, раньше его встречали?

— Я... Мне кажется, что да. Но, конечно, учитывая качество фотографии, я не могу ручаться.

— Мне не нужно никакое ручательство. Просто расскажите мне в общих чертах, где и когда вы его видели, а уж я его выслежу, не сомневайтесь. Вы знаете, где вы с ним встречались? То есть я хотел сказать, вы помните?

— О, да, помню. Я видел его в купе спального вагона лондонского почтового поезда, который въезжал на станцию Скун ранним утром четвертого марта. Это был поезд, которым я приехал на север.

— Вы хотите сказать, что Билл приехал сюда? В Шотландию? Зачем?

— Не знаю.

— Он не сказал вам? Вы с ним разговаривали?

— Нет. Я не мог.

— Почему?

Грант вытянул руку вперед и слегка подтолкнул Теда назад, так, что тот опустился на стул, который стоял за ним.

— Я не мог потому, что он был мертв.

В комнате наступила тишина.

— Мне очень жаль, мистер Куллен. Я хотел бы перед вами сделать вид, что это, может быть, был не ваш друг, но, исключая показания под присягой в суде, могу сказать, что это он.

После некоторого молчания Куллен спросил:

— Почему он умер? Что с ним случилось?

— Он выпил довольно много виски и упал затылком на массивный фарфоровый умывальник, повредив себе череп. Таким было заключение коронера. В Лондоне.

— В Лондоне? Почему в Лондоне?

— Потому что, по заключению судебной экспертизы, он умер довольно скоро после того, как поезд отошел от вокзала Юстон. И по английским законам, смертельные несчастные случаи расследуются коронером и судом.

— Но ведь все это — просто... просто предположения, — выпалил Куллен со злостью, постепенно приходя в себя. — Если он был один, как кто-то может знать, что с ним случилось?

— Потому что английские полицейские — настолько же занудливые, старательные, насколько и подозрительные типы.

— Полицейские? В это была замешана полиция?

— Ох, разумеется. Полиция проводит расследование и публично представляет его результаты коронеру в суде. В этом случае расследование было особенно тща-

тельным. В конце концов, они с точностью до одного глотка знали, сколько он выпил виски и за сколько часов перед...перед смертью.

Куллен выглядел совершенно сбитым с толку.

— Откуда вам все это известно? — спросил он неуверенно, а потом, с усиливающейся подозрительностью, добавил: — А вы почему там оказались?

— Когда я выходил из вагона, то наткнулся на проводника, который пытался его разбудить. Проводник думал, что пассажир просто проспал, потому что выпил — бутылка из-под виски валялась на полу, а в купе пахло так, словно там пьянствовали всю ночь.

Этот ответ не удовлетворил Куллена.

— Значит, что вы видели его один-единственный раз, причем недолго? Вы видели его лежащим... мертвым... И вы смогли узнать его на любительском, не очень хорошем снимке через несколько недель?

— Да. Я находился под впечатлением его лица. Лица — это моя профессия, и в некотором смысле — мое хобби. Меня заинтересовало его лицо, потому что излом бровей придавал его лицу дерзкое выражение даже... даже после смерти, когда обычно с лица людей исчезает всякое выражение. А потом этот интерес усилился чисто случайно.

— Что это был за случай? — Куллен не отступал.

— Когда я завтракал в вокзальном ресторане в Скуне, то обнаружил, что нечаянно прихватил с собой из купе газету, когда проводник пытался разбудить пассажира. И на ее полях я прочел несколько стихотворных строчек: «Есть где-то край, где звери говорят, потоки неподвижные стоят. Средь миражей прекрасны и близки поющие пески. Там камни движутся...» — потом две пустых строчки и: — «Они охраняют дорогу в Рай».

— Те, что были в вашем объявлении. — Лицо Куллена внезапно потемнело. — Что же заставило вас дать объявление?

— Я хотел знать, откуда эти строчки, если это была цитата. А если это было начало какого-то стихотворения, то я хотел знать, о чем оно.

— Почему? Почему это вас интересовало?

— Это было сильнее меня. Слова постоянно звучали в моем сознании. Вы знаете человека по имени Шарль Мартин?

— Нет, не знаю. Пожалуйста, не меняйте тему разговора.

— Представьте себе, я вовсе ее не меняю. Окажите мне любезность, подумайте об этом серьезно. Вы когда-нибудь слышали о Шарле Мартине, или, может быть, знали этого человека?

— Я уже говорил вам, что нет! Мне не надо думать об этом. А вы в самом деле пытаетесь изменить тему разговора! Какое отношение к этому имеет Шарль Мартин?

— По данным полиции, человек, найденный мертвым в купе Б-7, был французским механиком по имени Шарль Мартин.

— Послушайте, мистер Грант, может быть, я не слишком хорошо соображаю, но все это не имеет смысла. Сначала вы заявляете, что видели Билла Кенрика мертвым, лежащим в купе, а потом говорите, что это вообще был не Билл Кенрик, а человек по фамилии Мартин.

— Нет, я сказал, что это полиция думает, будто фамилия этого человека — Мартин.

— Ну, полагаю, у них есть веские основания, чтобы так думать.

— Великолепные основания. У них есть письма и документы. Даже больше того, родственники опознали его.

— Родственники опознали! Так что же вы мне голову забиваете! Нет ничего, что подтвердило бы, что в поезде погиб Билл! Если полиция удовлетворена тем, что тот

человек был французом по фамилии Мартин, то почему, черт подери, вы решили, что это вообще был не Мартин, а Билл Кенрик!

— Потому что я — единственный человек на свете, который видел как мужчину из купе Б-7, так и эту фотографию. — Грант кивнул на снимок, лежащий на туалетном столике.

— Но ведь это плохая фотография. Кто не знает Билла, может ошибиться.

— Это может быть плохая фотография в том смысле, что она любительская, но все же сходство — очень большое.

— Да, — медленно произнес Куллен, — сходство большое.

— Сопоставьте три вещи. Три факта. Первое: семья Шарля Мартина не видела его много лет, а потом им просто показали фотографию мертвого человека. Если кому-то говорят, что его сын умер, и при этом никто не сомневается в его личности, то этот кто-то увидит на снимке то лицо, которое ожидал. Второе: человек, которого считают Шарлем Мартином, был найден мертвым в поезде в тот же день, когда Билл Кенрик должен был с вами встретиться в Париже. Третье: в его купе находилась газета со стихами о говорящих зверях и поющих песках, то есть стихами на тему, которая, как вы сами говорили, интересовала Билла Кенрика.

— Вы сказали полиции об этой газете?

— Я пытался. Она их не заинтересовала. Они знали, кем был этот человек и как умер, и больше им ничего не было нужно.

— Их могло бы заинтересовать то, что он писал стихи по-английски.

— О, нет. Не было доказательств, что он что-то писал, или вообще, что газета принадлежала ему. Он мог ее где-нибудь взять.

— Все это — безумие какое-то, — со злостью выпалил растерянный Куллен.

— Вся эта история — невероятная. Но в самом центре абсурдного водоворота находится один постоянный пункт.

— Да?

— Да. Есть постоянный, ясный пункт, на который можно опереться, разбираясь во всем этом. Ваш друг Билл Кенрик пропал. А из толпы незнакомых лиц на снимке я выбрал именно Билла Кенрика, выбрал человека, которого я видел мертвым в купе спального вагона утром четвертого марта.

— Да, — угрюмо произнес Куллен, — это не лишено смысла. Мне кажется, это — Билл. У меня такое впечатление, будто все время я знал, что произошло что-то... что-то ужасное. Он никогда не ушел бы вот так, не сказав ни единого слова. Он написал бы, позвонил, или как-нибудь еще сообщил, почему не появился вовремя. Но что он делал в поезде, который ехал в Шотландию? И вообще, что он делал в поезде?

— Как это — вообще?

— Если бы Билл захотел куда-нибудь поехать, то он полетел бы самолетом.

— Многие люди ездят ночными поездами, потому что это экономит время. Вы спите и путешествуете одновременно. Вопрос вот в чем: почему под именем Шарля Мартина?

— Думаю, это дело для Скотленд-Ярда. Хочу, чтобы они разобрались, что случилось с моим приятелем.

— Я по-прежнему считаю, что они не заинтересуются этим делом.

— Лучше пусть заинтересуются!

— У вас вообще нет никаких доказательств, что Билл Кенрик не скрылся специально, и что он сейчас не развлекается где-нибудь, пока не наступит время возвращаться на работу в вашу авиакомпанию.

— Но вы видели его мертвым в купе поезда! — почти прорычал Куллен.

— Ах, нет. Это был Шарль Мартин. Относительно этого нет никаких сомнений.

— Но вы можете идентифицировать Мартина как Кенрика!

— Разумеется, я могу сказать, что, по моему мнению, лицо на фотографии — это то лицо, которое я видел в купе Б-7 утром четвертого марта. В Скотленд-Ярде скажут, что я имею право так считать, но меня обмануло сходство, потому что человек из купе Б-7 — это Шарль Мартин, механик, который родился в Марселе, там в предместье до сих пор живут его родители.

— Похоже, вы свободно чувствуете себя в роли детектива Скотленд-Ярда? Все равно...

— Я обязан чувствовать себя свободно в этой роли. Я работаю там так долго, что даже страшно подумать об этом. Через неделю, в понедельник, я должен вернуться туда, как только закончится мой отпуск.

— Вы хотите сказать, что вы — Скотленд-Ярд?

— Не весь Скотленд-Ярд. Только одна из его маленьких частичек. Я не ношу с собой на рыбалку никаких удостоверений, но если вы пойдете со мной в дом моих хозяев, вам подтвердят мою личность.

— Ах, нет, нет. Конечно же, я вам верю, мистер...

— Инспектор. Но давайте не будем употреблять это слово, пока я — не на службе.

— Простите, если я был слишком грубым. Мне просто в голову не пришло... Понимаете, как-то не ожидаешь встретить человека из Скотленд-Ярда в реальной жизни. Не ожидаешь, что они... они...

— Ходят на рыбалку.

— Вот именно. Такое случается только в книгах.

— Ну, если вы верите, что я говорю правду и что моя версия о реакции Скотленд-Ярда не только подробная, но и профессиональная, что же мы теперь будем делать?

8

Когда на следующее утро Лора услышала, что Грант намеревается поехать в Скун, вместо того, чтобы провести день на реке, она была возмущена.

— Но я же только что приготовила прекрасный ланч для тебя и Зоэ.

Гранту показалось, что ее возмущение возникло по иной причине, чем еда, которую она приготовила напрасно, но он был слишком занят важными делами, чтобы анализировать мелочи.

— В Мойморе живет молодой американец, который приехал попросить моей помощи в одном деле. Думаю, он бы мог занять мое место на реке, если ничего не имеет против. Он говорил мне, что немного увлекался рыбалкой. Может быть, Пат объяснит ему, как ловят рыбу в здешних реках.

Пат пришел на завтрак такой сияющий, что это излучение без труда можно было почувствовать через стол. Был первый день пасхальных каникул. Услышав предложение дяди, он с интересом посмотрел на него. В жизни мало было вещей, которые нравились бы Пату больше, чем что-либо кому-нибудь объяснять.

— Как его зовут? — спросил мальчик.

— Тед Куллен.

— Что это за имя — Тед?

— Не знаю. Должно быть, сокращенное от Теодор.

— Н-у-у... — нахмутив брови, протянул Пат.

— Он — летчик.

— Ого, — мгновенно повеселел мальчик. — Я подумал, что такое имя может быть у профессора.

— Нет. Он летает туда-сюда над Аравией.

— Над Аравией! — повторил Пат. Тед Куллен, несомненно, весьма привлёк его. — Но, конечно же, Зоэ будет первой выбирать место для рыбалки, — заметил он.

Если Грант воображал себе, что первое чувство Пата будет проявляться вспышками застенчивости и телячьего обожания, то он ошибался. Единственным признаком любви Пата было постоянное присутствие в каждой его фразе словосочетания «я и Зоэ», причем Грант заметил, что местоимение «я» неизменно находилось на первом месте.

После завтрака Грант взял машину и поехал в гостиницу к Теду, чтобы сказать ему, что маленький рыжеволосый мальчик в зеленом килте будет ждать его со всеми снастями и соответствующей обувью около подвесного моста над Терли. Сам он надеется, что быстро вернется и успеет присоединиться к ним после обеда.

— Я хотел бы поехать с вами, мистер Грант, — сказал Куллен. — У вас есть какая-то идея? Поэтому вы едете сегодня в Скун?

— Нет. Я еду туда поискать идею. Пока вы ничем не можете помочь мне, так что, спокойно проведите этот день на реке.

— Хорошо, мистер Грант. Вы — босс. Как зовут вашего юного друга?

— Пат Рэнкин, — ответил Грант и попрощался.

Значительную часть вчерашней ночи он провел, лежа без сна, позволяя образам, которые возникали у него в мозгу, сменяться и стираться, а мыслям течь свободно.

Грант по-прежнему не понимал, почему Билл Кенрик поехал на север Шотландии, в то время как должен был ехать в Париж, чтобы встретиться с другом, и почему он путешествовал с чужими документами. Он понемногу начинал догадываться, отчего Билл Кенрик так внезапно заинтересовался Аравией. Куллен, глядя на мир со своей ограниченной точки зрения летчика, думал, что это был интерес к трассам и срокам полетов. Но Грант был уверен, что источник этого интереса иной. Из слов самого Куллена было ясно, что Кенрик не проявлял признаков нервного расстройства, и его настоящий интерес к трассе не имел ничего общего с погодными условиями. Где-то, когда-то, во время одного из полетов на этой «чертовски занудливой» трассе, Кенрик нашел нечто, что заинтересовало его. Этот интерес зародился тогда, когда его столкнула с трассы одна из песчаных бурь, которые так часто возникают на территории Аравии. Он вернулся после этого случая «потрясенный», «не слушал, что ему говорят», «все еще был там».

Итак, этим утром Грант ехал, чтобы узнать, что могло заинтересовать Билла Кенрика в глубине этих негостеприимных, пустынных просторов Аравии. И за этим, разумеется, он направился в библиотеку к мистеру Таллискеру. К мистеру Таллискеру шли со всеми сложными вопросами, начиная от проблем оценки дома, с точки зрения налогообложения, и кончая составом вулканической лавы.

Публичная библиотека в Скуне в столь раннее время пустовала, и он застал мистера Таллискера за чашкой кофе и пончиком. Грант подумал, что пончик — трогательная детская слабость человека, который выглядит так, словно питается одними галетами и китайским чаем с лимоном. Мистер Таллискер обрадовался, увидев Гранта, и спросил, как продвигаются его исследования Островов, с интересом выслушал выводы Гранта на тему Рая и был готов помочь ему в поисках. Аравия? О да, у них есть целая полка книг об этой стране.

В читальном зале не было, кроме Гранта, ни одного читателя. Дверь за Таллискером тихо закрылась, и Грант остался один на один со своим расследованием. Он

продирался через ряды книг так же, как делал это в Клуни, в гостиной, просматривая страницы острым, натренированным взглядом.

Если у него и были какие-то сомнения относительно того, что мужчина в купе Б-7 являлся Биллом Кенриком, они покинули его, когда он обнаружил, что часть пустыни на юго-востоке Аравии носит название Раб-эль-Кали.

Так вот чем было то самое «огранил Кале», которое услышал Мэрдо!

С этой минуты все свое внимание он обратил на пустыню Раб-эль-Кали. Он брал по очереди каждую книгу с полки, просматривал раздел об этом регионе и ставил книгу обратно, чтобы перейти к следующей. И скоро его глаза остановились на словах: «...обитают обезьяны». «Обезьяны, — машинально повторил он, — говорящие звери». И перевернул предыдущую страницу, чтобы посмотреть, о чем вообще этот раздел.

Это было описание Вабара.

Похоже, Вабар — что-то вроде аравийской Атлантиды. Легендарный город. Когда-то давно, в то время, которое было то ли легендой, то ли историей, он был за свои грехи уничтожен огнем. Потому что богатство этого города невозможно было описать. В его великолепных дворцах жили прекраснейшие наложницы, а в конюшнях — самые чудесные скакуны мира. Город был расположен в настолько плодородном краю, что достаточно было только протянуть руку, чтобы сорвать плод. У людей здесь было много свободного времени, чтобы совершать старые грехи и изобретать новые. И город был разрушен. Это случилось ночью, все смел очищающий огонь. А сейчас легендарный город Вабар был кучкой руин, которую охраняли зыбучие пески и скалы, постоянно меняющие место и форму, а жили в нем только обезьяны и злые джины. Никто не мог попасть в это место, потому что джины дули песчаными бурями в лицо тех, кто пытался увидеть этот город.

Вот что такое Вабар.

И, похоже, никто и никогда не мог найти его руины, несмотря на то, что все исследователи Аравии искали их, явно или тайно. В сущности, не было двух таких исследователей, мнения которых относительно расположения легендарного города совпадали бы. Грант опять просматривал разные тома, применяя волшебный ключ — слово «Вабар», и открыл, что у каждого исследователя есть своя собственная любимая теория, а предполагаемое месторасположение этого города тянется от Омана до Йемена. Грант заметил, что никто из авторов не пытался опровергнуть легенду, чтобы оправдать собственный неуспех. Эта легенда в Аравии была неизменна и постоянна в своей форме.

Что же увидел Билл Кенрик, когда его самолет выбрался из огромной коричневой тучи песка? Пустые дворцы среди песков? Что он искал, отклоняясь с трассы, когда «у него вошло в привычку опаздывать»?

Он ничего не сказал после того первого случая. Если то, что он увидел, было городом среди песков, то понятно, почему он промолчал. Над ним потешались бы: шутили насчет миражей, намекали бы, что он не в своем уме. Он просто вернулся туда, чтобы посмотреть. И возвращался опять и опять. Или потому, что хотел найти место, которое раз увидел, или — если уже определил его положение — чтобы опять на него посмотреть.

Он изучал карты. Читал книги об Аравии. А потом...

Потом решил поехать в Англию.

Он устроил поездку в Париж с Тедом Кулленом. Но, вместо этого, изменил свои первоначальные планы и решил немного времени провести в одиночестве в Англии. У него не было родственников в Англии, и, по рассказам Куллена, не похоже было, чтобы он с кем-то регулярно переписывался. После смерти родителей его воспитыв-

вала тетя, и сейчас ее уже не было в живых. У него никогда не возникало желания вернуться в Англию.

Грант сел, и вокруг него сомкнулась тишина. Он почти слышал, как опадает пыль на библиотечных стеллажах. Год за годом в тишине опадает пыль. Как в Вабаре.

Билл Кенрик приехал в Англию. А три недели спустя, когда он должен был встретиться со своим другом в Париже, он появился в Шотландии под именем Шарля Мартина.

Грант был в состоянии понять, почему Кенрик захотел приехать в Англию. Но зачем весь этот маскарад? Зачем эта неожиданная поездка на север? Кого он собирался посетить под именем Шарля Мартина?

Грант поставил книги обратно на полку, одобрительно похлопав по переплетам на прощание, и пошел повидаться с мистером Таллискером в его маленьком офисе. У него, наконец, была нить к расследованию дела Кенрика. Он знал, где искать следы.

— Как вы считаете, кто сейчас в Англии является самым большим знатоком Аравии? — спросил он мистера Таллискера.

Таллискер взмахнул своим пенсне и презрительно улыбнулся. Последователей Томаса и Филби, а также других великих имен, если можно так выразиться, целый муравейник, но он считает, что только Герон Ллойд имеет ранг настоящего знатока. Возможно, он, мистер Таллискер, потому настолько предпочитает Ллойда, что Ллойд — единственный из всей толпы, чей стиль может претендовать на звание литературного, но правдой также является и то, что, независимо от своих писательских талантов, он является человеком большого масштаба, с великолепной репутацией. О его путешествиях много говорят, к тому же, он пользуется огромным уважением среди арабов.

Грант поблагодарил мистера Таллискера и пошел взглянуть в «Кто есть кто». Ему нужен был адрес Герона Ллойда.

Потом он решил пойти куда-нибудь на ланч, но вместо того, чтобы направиться в гостиницу «Каледония», поддался непонятному импульсу и пошел на другой конец города, чтобы пообедать там, где он завтракал с тенью пассажира купе Б-7 темным утром всего несколько недель тому назад.

Сегодня зал не был погружен в унылый полумрак, все было накрахмалено и блестяло: серебро, стекло и лен. Был даже метрдотель. Но была и Мэри, тихая, уютная и пухленькая, как и тем утром. Он помнил, насколько тогда нуждался в утешении, возвращении веры в себя, и почти не мог поверить, что это он был тем измученным, нервно истощенным созданием.

Грант плотно позавтракал. Он оставил Мэри большие чаевые и пошел забронировать два билета на утренний самолет до Лондона. У него впереди — еще целая неделя отпуска, и в Терли полно прекрасной, серебристой, стремительной рыбы, но у него было другое дело. Со вчерашнего полудня только одно дело: Билл Кенрик.

Он остановил такси у реки, на полпути между Моймором и Скуном, и пошел через вересковую пустошь искать Теда Куллена. Солнце было еще высоко, и он, должно быть, не успел закончить послеобеденную рыбалку.

Как оказалось, Тед даже не начинал ее. Когда Грант дошел до конца вересковой пустоши и с обрыва взглянул вниз в долину реки, то увидел маленькую группку из трех человек, отдыхающую на берегу. Зое в своей любимой позе опиралась на скалу, а по обеим ее сторонам, на уровне скрещенных ног, сидели и внимательно смотрели на нее два «компаньона»: Пат Рэнкин и Тед Куллен. Глядя на них, довольных и преданных, Грант осознал, что Билл Кенрик оказал ему еще одну услугу, которой Грант не заслужил, — спас его от влюбленности в Зоэ Кентоллен.

Еще несколько часов — и он бы пропал раз и навсегда. Еще несколько часов, проведенных в ее обществе, — и он бы погиб безвозвратно. Билл Кенрик вмешался как раз вовремя.

Пат увидел его первым и побежал навстречу, чтобы проводить к остальным, как это обычно делают дети и собаки по отношению к тем, кто им нравится. Зоэ повернула к нему голову и сказала:

— Ты ничего не пропустил, Алан. Ни у кого из нас целый день не клевала рыба. Хочешь взять мою удочку и половить немного? Может, хоть тебе повезет.

Грант ответил, что очень охотно сделает это, потому что время его рыбалки заканчивается.

— У тебя же есть еще целая неделя на то, чтобы успеть выловить всю рыбу в реке, — заметила Зоэ.

— Нет, — сказал он, — я возвращаюсь в Лондон завтра утром. — И впервые увидел на лице Зоэ выражение огорчения, такое же искреннее, как у Пата.

Но, в отличие от Пата, она быстро взяла себя в руки и своим вежливым, мягким голосом выразила сожаление.

— Могу ли я вернуться с вами, мистер Грант? В Лондон, — прервал их Тед Куллен.

— Я уже подумал о вас и забронировал два билета на утренний самолет.

Грант взял удочку, которой пользовался Тед Куллен, и они могли пойти вниз по реке, чтобы поговорить. Но Зоэ не хотелось продолжать ловить рыбу.

— С меня хватит, — сказала она, разбирая свою удочку. — Пожалуй, я вернусь в Клуни и напишу несколько писем.

Пат стоял в нерешительности, но, в конце концов, объявил:

— Я возвращаюсь с Зоэ.

Со скалы, на которую Грант сел с Тедом, чтобы сообщить ему новости, он следил за двумя фигурками на вересковой пустоши. Они становились все меньше и меньше. Грант думал о том, что было причиной внезапного возвращения Зоэ и ее огорчения. Она выглядела, как расстроенный ребенок, который устал от ожидания и неожиданно захотел вернуться домой. Возможно, это мысли о Дэвиде, ее муже, неожиданно так на нее повлияли.

— Но этого слишком мало, чтобы так уж беспокоиться, правда же? — говорил Тед.

— О чем беспокоиться?

— Ну, об этом старинном городе, о котором вы говорили. Разве кто-нибудь так волновался бы из-за этого? Я имею в виду, из-за кучки каких-то развалин. Руины сейчас ничего не стоят.

— Только не эти. Эти руины дорого стоят, — возразил Грант, забыв о Зоэ. — Человек, который откроет Вабар, войдет в историю.

— Когда вы сказали, будто он нашел что-то важное, я подумал, что, может быть, секретный завод по производству оружия в пустыне или что-то вроде этого.

— Ну, вот как раз это-то ничего и не стоит!

— Что?

— Секретный оружейный завод! Никто, кто нашел бы что-нибудь подобное, не стал бы знаменитым!

Тед насторожился.

— Знаменитым? Вы хотите сказать, что человек, который найдет это место, станет знаменитым?

— Я это только что сказал.

— Нет. Вы сказали, что он войдет в историю.

— Вы правы. Даже слишком правы, — признал Грант. — Эти понятия перестали быть синонимами. Да, он станет знаменитым. Гробница Тутанхамона — ничто по сравнению с этим открытием.

— И вы считаете, что Билл пошел увидеться с этим парнем, с этим типом по фамилии Ллойд?

— Если не с ним, то с кем-то еще из исследователей Аравии. Он хотел поговорить с кем-то, кто всерьез воспринял бы то, что он хотел рассказать, кто бы его не высмеял. В этой ситуации он должен был сделать то же, что и я. Пойти в музей, в библиотеку, или даже в отдел информации, и узнать, кто является самым известным английским исследователем Аравии. Возможно, ему назвали несколько кандидатур, потому что библиотекари и смотрители музеев — это педанты, а отделы информации могут опасаться, что их обвинят в предвзятости. Но Ллойд выше других на целую голову, потому что он почти такой же хороший писатель, как и исследователь. Он, если можно так выразиться, самый популярный. Так что, у нас есть шанс двадцать к одному, что Билл выбрал именно Ллойда.

— Значит, мы можем узнать, когда и где он встретился с Ллойдом, и с этого места взять след.

— Да. И еще мы узнаем, приходил ли он к Ллойдку под именем Шарля Мартина или под своим собственным.

— Зачем ему было приходиться туда под именем Шарля Мартина?

— Кто его знает? Вы же говорили, что он был немного скрытным. Возможно, он хотел утаить свою связь с ВКА. В вашей компании требовательно относятся к тому, чтобы пилоты строго соблюдали расписание полета и придерживались трассы? Может быть, дело именно в этом?

Куллен немного помолчал, что-то рисуя на земле концом удочки.

— Мистер Грант, вы только не подумайте, что я драматизирую... или ищу сенсаций... или что я дурак... Но не кажется ли вам, что Билла могли убить?

— Конечно, могли. Случаются убийства. И даже убийства, которые трудно раскрыть. Но слишком многое свидетельствует о том, что в этом случае было не так.

— Что же?

— Прежде всего — результаты полицейского расследования. Вопреки всем детективным романам, Отдел криминальных расследований на самом деле — очень эффективная организация. Самая эффективная в этой стране, и даже, если вы согласитесь с моим не совсем незаинтересованным мнением, в любой другой стране.

— Но полиция ошиблась в одном вопросе.

— Вы имеете в виду, при установлении личности. Да, но нельзя обвинять их в этом.

— Вы хотите сказать, потому что все было хорошо обставлено? Ну, и еще что-то, о чем мы пока не знаем, было так же хорошо обставлено, кроме смерти якобы Шарля Мартина?

— Да нет. Как я уже говорил, случаются убийства, которые трудно раскрыть. Но намного легче подменить документы, чем совершить убийство. Как вы себе это представляете? Что кто-то вошел и ударил его после того, как поезд отошел от Юстона, а потом подстроил все так, будто это было падение?

— Да.

— Но никто не приходил в купе Б-7 после того, как поезд отошел от Юстона. Пассажирка купе Б-8 слышала, что он вернулся обратно вскоре после того, как ушел проводник, и закрыл дверь. Потом она не слышала никаких разговоров.

— Для того, чтобы ударить кого-то по затылку, не нужны никакие разговоры.

— Разговоры не нужны, но нужно выбрать удобный момент. Шансы на то, что, открыв дверь, застанешь пассажира в удобном положении для удара, ничтожны. Купе спального вагона — не слишком подходящее место для совершения убийства, даже если выбрать подходящий момент. Кто-то, имеющий целью убийство, должен сначала войти в купе, потому что ведь невозможно убивать, находясь в коридоре.

Это невозможно сделать ни тогда, когда жертва лежит, ни тогда, когда стоит лицом к лицу с убийцей. И жертва не повернулась бы спиной к кому-то, кто находится в купе. Таким образом, это можно было сделать только после какого-то предварительного разговора. А пассажирка из купе Б-8 говорит, что не слышала никаких разговоров, и никто не приходил.

— Она слышала, как он упал?

— Она слышала «грохот» и подумала, что он снимает с полки чемодан. Конечно, у него не было чемодана, ничего, что могло бы вызвать грохот. Кстати, а Билл говорил по-французски?

— Ну, кое-как. А почему вы об этом спрашиваете?

— Мне просто интересно. Похоже, он планировал где-то провести ночь.

— Вы имеете в виду, где-то в Шотландии?

— Да. Новый Завет и французский роман. А ведь он не знал французского языка.

— Наверное, и его шотландские приятели не знали французского.

— Да, шотландские ребята, как правило, по-французски не разговаривают. Но если он собирался где-то провести ночь, то не смог бы встретиться с вами в условленное время в Париже.

— Ох, один день опоздания — Билл не стал бы беспокоиться из-за этого. Он бы мог послать мне телеграмму 4 марта.

— Да... Хотел бы я узнать причину, по которой он так старательно замаскировался.

— Замаскировался?

— Да. Так старательно подбирая все до мельчайшей мелочи. Почему он хотел, чтобы его считали французом?

— Мне в голову не приходит, к чему кому-то надо, чтобы его считали французом, — признался Тед. — Чего вы ждете от Ллойда?

— Я надеюсь, что это Ллойд провожал его на вокзале. Помните, они разговаривали о Раб-эль-Кали? А старый Мэрдо воспринял это, как «грабил Кале».

— Ллойд живет в Лондоне?

— Да, в Челси.

— Надеюсь, он сейчас дома.

— Я тоже надеюсь. Сейчас мне хочется провести последний час на реке, а позже, если у вас хватит терпения посидеть здесь немного, размышляя над нашим делом, мы могли бы пойти на ужин в Клуни, я познакомлю вас с семьей Рэнкин.

— Прекрасно, — улыбнулся Тед. — Ведь я еще не попросился с виконтессой. Что касается виконтесс, я полностью изменил отношение к ним. Как вы считаете, мистер Грант, виконтесса — это типичный представитель вашей аристократии?

— Типичный представитель — в том смысле, что обладает всеми лучшими ее чертами, — ответил Грант.

Вернувшись вечером в Клуни, они наткнулись на Лору, стоявшую в дверях.

— Алан, что это значит... — и тут она заметила его спутника. — Ах, вы, должно быть, Тед. Пат говорит, будто вы не верите в то, что в Терли вообще есть рыба. Очень рада, что вы пришли к нам. Входите, пожалуйста. Пат покажет, где можно помыть руки, а потом присоединяйтесь к нам, выпьем что-нибудь перед ужином. — Она позвала Пата, который слонялся где-то поблизости, и передала гостя в его руки, одновременно решительно загораживая путь своему кузену. Избавившись от мистера Куллена, Лора опять повернулась к Гранту: — Алан, ты не возвращаешься завтра утром в город?

— Но я уже выздоровел, Лалла, — ответил он, думая, что ее беспокоит его здоровье.

— Ну и что? Впереди еще целая неделя отпуска, а в Терли полно рыбы — так много, как уже давно не было. Ты не можешь отказаться от всего этого только потому, что хочешь вытащить какого-то молодого человека из ямы, в которую он попал по собственной вине.

— Тед Куллен не попадал ни в какую яму. Я уезжаю завтра утром потому, что сам хочу этого.

— Но мы все так счастливы, и все так... — Лора запнулась. — Ну, что ж. Что бы я ни сказала, это не заставит тебя изменить свое решение. Я не должна была об этом забывать. Еще никогда и ничто не заставило тебя хоть на волосок отступить от линии, которую ты сам себе определил. Пойдем, выпьем чего-нибудь. Судя по твоему виду, тебе это не помешает.

— Ну, — сказал Тед, когда самолет приземлился, — вот я и вернулся к огням Лондона и старому доброму отелю «Уэстморленд».

— Вам вовсе не обязательно возвращаться в свой отель, — возразил Грант. — Вы можете остановиться у меня.

— Вы очень добры, мистер Грант, спасибо! Но я не хотел бы доставлять беспокойство вашей жене... или кому бы то ни было...

— Моей домработнице.

— Я не хотел бы беспокоить вашу домработницу. — Куллен многозначительно похлопал себя по карману. — Я все еще при деньгах.

— Даже после... сколько это было? Пары недель в Париже? Поздравляю.

— Да ну, стоит ли об этом говорить. Париж — уже не тот, что был. Или, может, это потому, что я скучал по Биллу. Во всяком случае, я могу никому не морочить голову застилением кровати. Тем не менее, спасибо за приглашение. Кроме того, вы, наверное, будете заняты, и лучше, чтобы я не слонялся у вас по дому. Но вы ведь не отстраните меня от этого дела, правда? Я хотел бы «держать руку на пульсе», как говорит Билл. То есть, как говорил...

— Конечно же, Тед, я вас буду держать в курсе. В Шотландии я насадил на крючок приманку и выловил вас из всего белого населения Земли. И я вовсе не собираюсь от вас избавляться.

Тед улыбнулся.

— Понимаю, о чем вы говорите. Когда вы собираетесь пойти к этому Ллойдгу?

— Сегодня вечером, если он будет дома. С этими исследователями пустынь никогда ничего нельзя знать точно: если они не проводят исследования, то читают лекции, так что он может быть где угодно — от Китая до Перу... Что вас так испугало?

— Откуда вам известно, что я испугался?

— Мой дорогой Тед, ваше свежее и открытое лицо не годится ни для игры в покер, ни для дипломатии.

— Я испугался потому, что вы выбрали те же самые места, о которых всегда упоминал Билл. Он часто говорил так: «От Китая до Перу».

— В самом деле? Похоже, он знал Джонсона.

— Джонсона?

— Да. Сэмюэля Джонсона. Это цитата.

— Ах, так. Понимаю. — Тед выглядел слегка сконфуженным. — Не думаете ли вы, что, может быть, и мне надо бы пойти с вами к Ллойдгу?

— Нет. Думаю, что делегация из двух человек — это слишком для такого незначительного случая. В котором часу сегодня вечером вы будете в отеле?

— Мистер Грант, я буду сидеть у телефона, пока вы не позвоните.

— Лучше пойдите куда-нибудь поесть. Я позвоню вам в половине девятого.

— О'кей, в половине девятого.

Грант застал миссис Тинкер за генеральной уборкой комнаты для гостей. Правда, не было ни малейшей причины переворачивать там все вверх дном, но миссис Тинкер получала от генеральной уборки такое же удовольствие, как другие люди — от сочинения симфоний, победы в соревнованиях по гольфу или после того, как переплыли Ла-Манш. Она принадлежала к тому многочисленному разряду женщин, о которых Лора говорила, что они «моют ступеньки перед входом каждый день, а собственную голову — каждые шесть недель».

Услышав, как он отпирает дверь, она появилась на пороге гостевой комнаты.

— Ну-ну, вот так дела! А в доме нет никакой еды! Почему вы не дали мне знать, что возвращаетесь из чужих краев раньше?

— Все в порядке, Тинк. Я не голоден. Просто зашел, чтобы оставить багаж. Купите мне что-нибудь поесть и оставьте на кухне, я поужинаю вечером.

Миссис Тинкер каждый вечер уходила домой, отчасти потому, что должна была ужинать с мужем, а отчасти потому, что Грант любил по вечерам быть в квартире один. Грант никогда не видел мистера Тинкера, и ему казалось, что настоящая жизнь и интересы миссис Тинкер были сосредоточены на Тенби Корт, 19.

— Кто-нибудь звонил? — спросил Грант, листая телефонную книжку.

— Мисс Галлард просила передать вам, чтобы вы, когда вернетесь, позвонили ей.

— Ага. Как там их новый спектакль? Какие рецензии?

— Ужасные.

— Все?

— Во всяком случае, те, которые я читала.

Еще когда она была не замужем за мистером Тинкером, миссис Тинкер работала в театре гардеробщицей. По правде говоря, если бы не ежевечерний ритуал ужина с мужем, она бы до сих пор по вечерам одевала кого-нибудь в театре, вместо того, чтобы устраивать генеральные уборки в квартире Гранта. Тем не менее, она по-прежнему интересовалась театральной жизнью.

— Ну, и что вам приготовить на ужин, вы уже придумали?

— Нет, не придумал.

— Я могла бы оставить хороший кусочек вареной рыбы.

— Нет, только не рыбы, если вы ко мне хорошо относитесь. Я за прошлый месяц съел столько рыбы, что мне хватит на всю жизнь. Приготовьте что-нибудь, лишь бы это была не рыба и не баранина.

— Ну что же, уже, наверное, слишком поздно, и у мистера Бриджеса в продаже не осталось ничего хорошего, но я посмотрю, что можно будет сделать. Как вам отдыхалось?

— Прекрасно, прекрасно.

— Вот и хорошо. Прямо приятно видеть, что вы чуток поправились. И нечего себя хлопать по животу с таким видом. Немного жирку никому не повредит. Вы не должны быть тонким, как железнодорожный рельс. Мужчина с запасом жира всегда выглядит симпатичнее.

Пока Грант переодевался в свой лучший городской костюм, она кружила по дому и пересказывала ему сплетни. Потом он отправил ее в гостевую комнату к ее любимому занятию — генеральной уборке, а сам занялся всякими мелкими делами, которые накопились за время его отсутствия. Наконец, он вышел в тишину раннего вечера, заглянул в гараж, ответил на вопрос, как ловилась рыба, выслушал три рыбацких истории, которые уже слышал месяц тому назад, собираясь в Шотландию, и получил свой маленький двухместный автомобиль.

Дом номер пять по Бритт-Лэйн было не так-то просто найти. Он находился среди скопления старых домов, которые постоянно подвергались каким-то перестройкам и переделкам. Конюшни становились коттеджами, кухонное крыло могло стать виллой, а чердак — мезонином. Номер пять по Бритт-Лэйн казался просто цифрой на калитке. Калитка находилась посреди кирпичной стены, и ее обитое железом дубовое дерево показалось Гранту слегка претенциозным на фоне обыкновенных лондонских кирпичей. Тем не менее, калитка была солидной и легко открывалась. Через нее можно было войти на то, что было когда-то кухонным двором, когда номер пять был всего-навсего задней пристройкой к дому, стоящему на следующей улице. Сейчас бывший кухонный дворик был маленькой, выложенной каменными плитами площадкой, с бьющим посередине фонтаном, а бывшая пристройка — маленьким трехэтажным домиком с оштукатуренными кремовыми стенами и зелеными ставнями. Проходя через площадку, Грант заметил, что некоторые из каменных плит очень древние и красивые. Фонтан тоже был очень красивым. Грант мысленно зааплодировал Герону Ллойдю за то, что тот не заменил обычный лондонский электрический дверной звонок на какое-нибудь изысканное устройство, это свидетельствовало о хорошем вкусе, единственным отступлением от которого являлась претенциозная дубовая калитка.

Интерьер дома тоже отличался арабской просторностью и сдержанностью, однако не было ощущения, что в Лондон привезен хотя бы кусочек Востока. За спиной слуги, который вышел на его звонок, Грант заметил гладкие стены и богатый ковер, но стилизованный ковер, а не привезенный с Востока. Его уважение к Герону Ллойдю усилилось.

Слуга оказался арабом, из городских жителей, толстяком с живыми глазами и хорошими манерами. Он выслушал Гранта и вежливо спросил на чересчур правильном английском языке, была ли ему назначена встреча. Грант ответил, что нет, но он не намеревается долго обременять мистера Ллойда своим присутствием. Мистер Ллойд очень помог бы ему, если бы поделился кое-какой информацией, связанной с Аравией.

— Будьте любезны, войдите и подождите, я спрошу.

Он ввел Гранта в маленькую комнату сразу за входной дверью, которая, судя по ограниченному пространству и скромной мебелировке, была предназначена именно для ожидания. Грант предполагал, что такой человек, как Ллойд, привык к появлению на пороге своего дома незнакомых людей, рассчитывающих на его интерес или помощь. Эта мысль помогла Гранту не так сильно ощущать неловкость из-за своего вторжения.

Мистер Ллойд недолго размышлял над уместностью его визита, потому что слуга вернулся через несколько минут.

— Входите, пожалуйста. Мистер Ллойд с радостью примет вас.

Простая формула вежливости, но какая приятная. Поднимаясь за слугой по узким ступенькам и проходя в большую комнату, занимавшую весь второй этаж, Грант думал о том, насколько же хорошие манеры украшают жизнь.

— Мистер Грант, хаджи, — доложил слуга, отступая в сторону и позволяя ему войти.

Глядя на Ллойда во время приветствия, Грант размышлял о том, почему этот человек заинтересовался Аравией — то ли оттого, что выглядел, будто араб из пустыни, то ли он стал выглядеть, как араб, после многих лет, проведенных в пустынях Аравии. Ллойд был арабом из пустыни, идеализированным до энной степени.

Он был одет в обычную лондонскую одежду и вел себя, как обычный лондонский житель. Если кто-то никогда не слышал о нем, то мог бы принять его за процветающего представителя какой-нибудь творческой профессии.

— Мистер Грант, — сказал Ллойд, подавая гостю руку, — Махмуд говорит, что я чем-то могу быть вам полезен.

Его голос удивил Гранта. Он был каким-то бестелесным, лишенным силы и словно ворчливым. Ллойд взял с низкого кофейного столика шкатулку с сигаретами и предложил гостю. Он сказал, что сам не курит, потому что после долгих лет жизни на Востоке продолжает соблюдать магометанские обычаи, но рекомендует Гранту эти сигареты, если он хочет попробовать нечто необычное.

Грант, которого всегда интересовало все новое и необычное, с удовольствием взял сигарету и извинился за непрошенное вторжение. Он хотел бы знать, не приходил ли к мистеру Ллойдю молодой человек по имени Шарль Мартин, который интересовался Аравией.

— Шарль Мартин? Нет. Нет, я не думаю. Конечно, ко мне приходит много людей, чтобы задать тот или иной вопрос. И я не всегда потом могу вспомнить их фамилии. Но думаю, что запомнил бы человека с такой простой фамилией.

— Шарль Мартин был известен также под именем Билл Кенрик.

— Кенрик! Но ведь он недавно был у меня. То есть пару недель назад. Почему он известен и под другим именем?

— Я и сам этого не знаю. Разыскиваю его по поручению его друга. Они должны были встретиться в Париже в начале марта. Точнее говоря, четвертого марта. Но он там не появился. Мы установили, что он трагически погиб в тот день, когда должен был появиться в Париже.

— Так вот почему он не вернулся. Бедный мальчик. Бедный мальчик.

— Вы должны были с ним встретиться?

— Да. Он казался мне обаятельным и очень умным. Бредил пустыней... Вам, должно быть, об этом известно. У него было полно всяких идей об исследованиях. У молодых людей постоянно возникают подобные идеи. Все еще существуют искатели приключений, даже в этом лишенном романтизма мире. Но что случилось с Кенриком? Автомобильная катастрофа?

— Нет. Он упал в поезде и разбил себе череп.

— Несчастный. Жаль. Я мог бы указать завистливым богам на людей, куда более бесполезных в этом мире, чем он. Ужасное слово: бесполезный. Оно выражает идею, совершенно невероятную всего несколько лет тому назад. Вот насколько далеко мы продвинулись на пути к окончательному варварству. Почему вас интересует визит Кенрика ко мне?

— Мы хотим разыскать его следы. Когда он погиб, при нем были документы на имя Шарля Мартина. Мы хотим узнать, на каком этапе он замаскировался под Шарля Мартина. Мы были почти уверены, что, охваченный страстью к исследованиям пустыни, он мог в Лондоне прийти к знатокам этой темы, а поскольку вы, сэр, являетесь самым известным авторитетом в этой области, то начали именно с вас.

— Понятно. С полной уверенностью заявляю, что он пришел ко мне как Кенрик, Билл Кенрик. Темноволосый молодой мужчина, очень привлекательный. И по-своему упрямый, хотя и приятный. Я имею в виду, что за его хорошими манерами скрывались неизвестные возможности. Великолепный молодой человек.

— Он пришел к вам с какими-то определенными планами? То есть с каким-то конкретным предложением?

Ллойд улыбнулся:

— Он пришел ко мне с одним из самых распространенных предложений. Экспедиция в Вабар. Вы знаете, что такое Вабар? Легендарный аравийский город. Арабский «город плача». Как часто этот мотив повторяется в легендах! Человеческая раса чувствует себя вечно виноватой, когда счастлива. Мы не можем даже сказать,

что чувствуем себя хорошо, не постучав по дереву, или не перекрестившись, или каким-то другим образом попытавшись отвратить божественный гнев за наше недолговечное благополучие. Поэтому в Аравии есть Вабар: город, который был разрушен огнем за свои богатства и грехи.

— И Кенрик думал, что открыл это место.

— Он был в этом уверен. Бедный мальчик, я надеюсь, что не слишком грубо развеял его мечты.

— То есть вы считаете, что он ошибался?

— Мистер Грант, легенда о Вабаре существует от Красного моря до Персидского залива, на территории всей Аравии, и почти на каждой полумиле этого пространства кто-нибудь когда-нибудь предполагал отыскать Вабар.

— И вы не верите, что кто-нибудь мог найти этот город случайно?

— Случайно?

— Кенрик был летчиком. Возможно, он увидел это место, когда сбился с курса.

— Он сказал об этом своему другу?

— Нет. Насколько мне известно, он никому об этом не сказал. Это всего лишь мои собственные выводы. Что мешает сделать открытие таким образом?

— Ничего, конечно, если такое место вообще существует. Как я уже сказал, эта легенда почти универсальна по всему свету. Но когда мы начинаем проверять источники историй о руинах, руины, как правило, оказываются чем-то другим. Природным скальным образованием, миражом или даже облаками. Я думаю, что несчастный Кенрик увидел кратер метеорита. Я сам видел это место. Мой предшественник открыл его, когда искал Вабар. Оно невероятно похоже на творение человеческих рук. Выброшенная земля образует башенки и зубчатые, похожие на руины холмы. Я думаю, у меня где-то есть фотография. Может быть, хотите на нее взглянуть — это нечто уникальное. — Ллойд поднялся и отодвинул в сторону фрагмент деревянной обивки стены, открылись книжные полки от пола до потолка. — Должно быть, это счастье, что не каждый день метеориты таких размеров падают на землю.

С одной из нижних полок он взял фотоальбом и вернулся через комнату в поисках подходящего места. И Грант внезапно испытал странное ощущение, будто что-то ему знакомо, будто он уже где-то встречал Ллойда.

Он взглянул на фото, которое перед ним положил Ллойд. Оно было действительно невероятным. Почти точная копия следов человеческой деятельности. Но ум Гранта был поглощен тем странным ощущением узнавания, которое он только что испытал.

Может, он просто уже когда-то видел фотографию с лицом самого Герона Ллойда? Но если это так, если он видел снимок Ллойда в какой-то статье, описывающей его открытия, то чувство узнавания появилось бы сразу, как только вошел в эту комнату и увидел его. А это было не столько чувство узнавания, сколько ощущение, будто он уже знает Ллойда, видел его при каких-то других обстоятельствах.

— Вот видите? — говорил Ллойд. — Даже когда на это место смотришь с земли, то надо туда вскарабкаться, чтобы убедиться, что это не скопление домов. И насколько более обманчиво все это должно выглядеть с воздуха.

— Да, — согласился Грант, хотя сам в это не верил. По одной очень веской причине. С воздуха кратер был бы четко виден. Он выглядел бы именно тем, чем являлся: круглым отверстием, окруженным выброшенной землей. Но Грант не хотел говорить этого Ллойду. Пусть говорит сам Ллойд. Интерес Гранта к Ллойду все возрастал.

— Это место расположено очень близко от трассы Кенрика через пустыню, он описывал мне трассу, и я думаю, что именно это он видел.

— А он установил координаты?

— Не знаю. Я его об этом не спрашивал. Но думаю, что он их установил. Он произвел на меня впечатление очень способного и интеллигентного молодого человека.

— Вы не расспрашивали его о деталях?

— Если бы кто-нибудь сказал вам, мистер Грант, что он нашел святое дерево, которое растет в центре Пиккадилли, точно напротив входа в паб, разве это заинтересовало бы вас? Или вы думаете, что смогли бы отнестись к такому с надлежащим терпением? Я знаю пустыню так же хорошо, как вы знаете Пиккадилли.

— Да, конечно. Значит, это не вы провожали его на вокзал?

— Мистер Грант, я никогда никого не провожаю. Провожания — это сочетание мазохизма с садизмом, как я всегда говорю. Кстати, куда он уезжал?

— В Скун.

— В Шотландию? Я знал, что он нуждается в развлечениях. Но почему именно в Шотландию?

— Мы не знаем. Это одна из тех вещей, которые больше всего беспокоят нас. Он не сказал вам ничего такого, что могло бы быть подсказкой?

— Нет. Он только сказал, что будет искать поддержку в другом месте. Возможно, он нашел другого спонсора или собирался его поискать там. Никто вот так сразу не приходит мне в голову. Конечно, есть еще Кинси-Хьюитт. Он как-то связан с Шотландией. Но думаю, он сейчас в Аравии.

Ну что ж, по крайней мере, Ллойд подсказал первую разумную причину, объясняющую короткую поездку на север с несессером — поговорить с предполагаемым спонсором. Он нашел этого спонсора в последний момент, когда уже почти должен был встретиться с Тедом Кулленом в Париже, и помчался на север, чтобы увидеться с этим человеком. Это прекрасно подходит. Они начали продвигаться вперед в своих расследованиях. Но все же почему под именем Шарля Мартина?

Словно подслушав его мысли, Ллойд спросил:

— Кстати, если Кенрик путешествовал под именем Шарля Мартина, то каким образом установили, что на самом деле он — Кенрик?

— Я ехал в том же поезде в Скун. Увидел его мертвым и заинтересовался стихами, которые он набросал.

— Набросал? На чем?

— На полях вечерней газеты, — ответил Грант, удивляясь тому, какое значение может иметь факт, на чем именно писал Кенрик.

— Ах, вот на чем.

— Я был в отпуске, мне было больше нечего делать, вот я и развлекался этим расследованием.

— Вы играли в детектива.

— Вот именно.

— Кто вы по профессии, мистер Грант?

— Я — государственный служащий.

— Ага, а я подумал, что вы связаны с армией. — Он улыбнулся и взял стакан Гранта, чтобы наполнить. — В соответствующем звании, разумеется.

— Например, офицер Генерального штаба?

— Нет, я подумал, что вы — атташе. Или связаны с разведкой.

— Я немного работал на разведку во время своей военной карьеры.

— Вот откуда у вас вкус к таким вещам. Должен сказать вам, у вас великолепная интуиция.

— Спасибо.

— Или у Кенрика было с собой что-то, что облегчило его идентификацию?

— Нет. Его похоронили как Шарля Мартина.

Ллойд помолчал, поставил на стол наполненный стакан.

— Как же это типично для шотландцев — так небрежно отнестись к случайной смерти. Мне кажется, что Шотландия — идеальное место для совершения убийства. Если я запланирую убийство, я пошлю свою жертву на север.

— Было обычное расследование. Смерть наступила вскоре после того, как поезд отошел от вокзала Юстон.

— Ах, — Ллойд немного подумал, а потом спросил: — Не кажется ли вам, что об этом надо сообщить полиции? Я имею в виду, о том факте, что они похоронили человека под чужим именем.

— Сначала мы хотим узнать, почему при нем были документы Шарля Мартина.

— О да, я понимаю. Это — загадочная история. Никто не достает документы другого человека без определенных... предварительных действий. Кто-нибудь знает, кто такой Шарль Мартин... то есть кем он был?

— Да. У полиции не было никаких сомнений.

— Единственная неясность — это как Кенрик раздобыл документы. Теперь я понимаю, почему вы не хотите обратиться к официальным источникам. А что с тем человеком, который провожал его? Может, это был Шарль Мартин?

— Может быть, и он.

— Он мог взять документы только на время. Кенрик не произвел на меня впечатления человека, способного, скажем, на... преступление.

— Нет. Он не был преступником.

— Все же очень странное дело. Этот несчастный случай, который, как вы говорите, произошел с ним в поезде: я предполагаю, не было никаких сомнений в том, что это несчастный случай? Ничто не указывает на то, что там произошла какая-то ссора?

— Нет, ничего такого. Он просто упал, такое могло случиться с кем угодно.

— Ужасно. Как я уже говорил, сейчас слишком редко встречается у молодых людей подобное сочетание храбрости и ума. Многие люди приходят ко мне, и даже приезжают издалека, чтобы увидеться со мной...

Он продолжал говорить, а Грант сидел, смотрел и слушал.

Действительно ли так много их приходит сюда? Ллойд казался очень довольным разговором с незнакомцем. Ничто не указывало на то, что он условился встретиться с кем-то вечером или ждал кого-то к себе на ужин. В их разговоре не возникало никаких неловких пауз, которыми почти незаметно гостю дают понять, что пора уходить. Ллойд сидел и говорил своим тонким, ворчливым голосом, с восхищением созерцая свои руки, сложенные на коленях. Он постоянно менял положение рук, не в форме жеста, подчеркивающего сказанное, а словно меняя декорации. Грант нашел этот неприкрытый нарциссизм восхитительным. Он вслушивался в тишину маленького дома, отгороженного от города и шумного уличного движения. В биографии, помещенной в «Кто есть кто», не было упоминаний ни о жене, ни о детях, здесь, видимо, жили только сам Ллойд и его слуги. Достаточно ли было его увлечений и интересов, чтобы компенсировать отсутствие общества близких людей?

Он, Алан Грант, тоже жил в одиночестве, в его доме также недоставало человеческого тепла. Но его жизнь была так наполнена людьми, что возвращение в пустую квартиру было роскошью, духовным наслаждением. Была ли жизнь Герона Ллойда достаточно полной? Или этому истинному Нарциссу не нужно ничье общество, кроме собственного?

— ...единственная истинная демократия в современном мире, — продолжал рассуждать Ллойд, — и ее уничтожает то, что мы именуем цивилизацией.

И опять Грант ощутил неясное беспокойство, словно наткнулся на что-то знакомое, что-то, вызывающее туманные ассоциации. Может, он уже когда-то раньше встречался с Ллойдом? Или это потому, что Ллойд кого-то ему напомнил?

Если так, то кого же?

Надо выбраться отсюда и подумать об этом. Как бы то ни было, пора прощаться.

— Говорил ли вам Кенрик, где он собирается остановиться? — спросил Грант, собираясь уходить.

— Нет. Мы не договаривались, когда произойдет наша следующая встреча. Я попросил его зайти ко мне, когда он в следующий раз будет в Лондоне. Он не пришел, и я подумал, что он, может быть, обиделся или рассердился по причине отсутствия с моей стороны... ну, скажем, понимания.

— Да, это должно было стать для него ударом. Ну что ж, я отнял у вас много времени, вы проявили столько терпения. Чрезвычайно вам благодарен.

— Очень рад, что мог быть вам полезен. Боюсь, однако, что моя помощь ничего не стоит. Если могу еще что-нибудь сделать для вас, надеюсь, вы придете ко мне безо всяких сомнений.

— Ну... есть одна вещь, но вы так были добры ко мне, что я боюсь вас об этом просить. Боюсь, моя просьба окажется немного неуместной.

— В чем же дело?

— Не могли бы вы на время дать мне эту фотографию?

— Фотографию?

— Фотографию метеоритного кратера. Я заметил, что снимок приколот к альбому, а не вклеен. Мне бы очень хотелось показать его другу Кенрика. Обещаю вернуть в прекрасном состоянии.

— Разумеется, вы можете взять эту фотографию и можете не беспокоиться насчет ее возвращения. Я сам сделал этот снимок, и у меня есть негатив. Я легко могу напечатать новые снимки.

Он вытащил фотографию из альбома и вручил Гранту. Потом спустился с ним по ступенькам и провел к двери, поговорил о маленьком дворике, выслушал похвалы Гранта и вежливо не закрывая дверь, пока Грант не дошел до калитки.

Грант взял вечернюю газету, которая лежала на сиденье в машине, и осторожно вложил фотографию между ее страниц. Потом поехал к реке и по Эмбанкмент. Ему надо было срочно попасть в Скотленд-Ярд.

Он подумал о том, что старое здание, как всегда, напоминает амбар. Отдел дактилоскопии выглядел точно так же, как во время его последнего визита.

Картрайт как раз погасил сигарету на блюдце чашки с недопитым холодным чаем и восхищался своим новейшим достижением: полным набором отпечатков пальцев чьей-то левой руки.

— Правда, красота? — сказал он, подняв голову, когда на него упала тень Гранта. — Благодаря этому Пинки Мэйсона отправят на виселицу.

— Что, у этого Пинки не было денег на перчатки?

— Ага! Пинки мог бы купить весь концерт «Дентс». Этот маленький ловкач Пинки просто не мог поверить, что полиции в голову придет что-нибудь еще, кроме самоубийства. Перчатки — это для мелких взломщиков и тому подобной мелюзги, а не для таких гигантов интеллекта, как Пинки. Ты куда-то уезжал?

— Да. Ловил рыбу в Шотландии. Если ты не очень занят, не мог бы кое-что сделать для меня?

— Сейчас?

— Да нет. Можно и завтра.

Картрайт посмотрел на часы:

— Сейчас мне нечего делать, но чуть позже я должен встретиться с женой в театре. Мы идем смотреть новый спектакль Марты Гэллард. Так что, если хочешь, могу сделать это сейчас. Трудная работа?

— Нет. Адски легкая. Вот здесь, в нижнем правом углу этой фотографии, есть прекрасный отпечаток большого пальца. А на обратной стороне, я думаю, ты найдешь прекрасный набор всех остальных пальцев. Я хочу, чтобы ты проверил их по картотеке.

— Хорошо. Ты подождешь?

— Я иду в библиотеку. Потом вернусь.

В библиотеке он взял «Кто есть кто» и поискал Кинси-Хьюитта. Посвященная ему справка выглядела весьма скромно по сравнению с половиной колонки о Героне Ллоиде. Он был намного моложе Ллойда, у него была жена и двое детей, был указан лондонский адрес. Те «шотландские связи», о которых говорил Ллойд, видимо, происходили из той причины, что он был младшим сыном некоего Кинси-Хьюитта, имевшего поместье в Файфшире.

Следовательно, существует возможность, что он сейчас находится в Шотландии. Грант пошел к телефону и набрал его лондонский номер. Женщина с приятным голосом ответила, что мужа нет дома. Нет, его не будет дома еще некоторое время, он — в Аравии и вернется не раньше, чем в мае. Грант поблагодарил ее и положил трубку. Это не к Кинси-Хьюитту поехал Билл Кенрик. Завтра надо будет обойти разных экспертов по Аравии, одного за другим, и порасспрашивать их.

Через час Грант вернулся к Картрайту.

— Готово, или я пришел слишком рано?

— Я не только все сделал, но и проверил по картотеке. Ответ будет такой: нет.

— Ну что ж, я ни на что особенно и не надеялся. Все равно огромное спасибо. Снимок я заберу с собой. Я слышал, что рецензии на этот новый спектакль Марты Галлард ужасные.

— В самом деле? Никогда не читаю рецензий. Берил тоже не читает. Ей просто очень нравятся Марта Галлард. Мне, кстати, тоже. Прекрасные, длинные ноги. Доброй ночи.

— Доброй ночи, и еще раз спасибо.

9

— Сдается мне, вы не в восторге от этого типа, — заметил Тед, когда Грант закончил свой рассказ по телефону.

— В самом деле? Ну, возможно, он не принадлежит к типу людей, которые мне нравятся. Послушай, Тед, а ты уверен, что где-нибудь в дальнем уголке сознания у тебя не содержится информация, где бы Билл мог остановиться?

— У меня в сознании нет дальних уголков. Под черепной коробкой есть всего лишь немного места, где я держу все, что мне нужно и полезно. Несколько телефонных номеров да молитва-другая.

— В таком случае, я хотел бы, чтобы завтра ты обошел те места, в которых он мог поселиться, — те, что бросаются в глаза в первую очередь.

— Да, конечно. Я сделаю все, что вы велите.

— Хорошо. У тебя есть ручка? Я продиктую тебе список.

Грант продиктовал ему названия двадцати наиболее вероятных гостиниц, которые выбрал, руководствуясь тем соображением, что молодой человек, прибывший с от-

крытых пространств и из маленьких городков, будет искать достаточно большой, веселый и в то же время не слишком дорогой «караван-сарай». И на всякий случай добавил пару адресов наиболее известных дорогих отелей, молодые люди с заработной платой за несколько месяцев в кармане иногда способны на некоторую экстравагантность.

— Не думаю, что надо будет морочить себе голову еще чем-то, кроме этого списка, — сказал Грант.

— А есть еще и другие гостиницы?

— Если Билл не остановился в одной из этих гостиниц — тогда мы пропали, потому что нам придется охотиться по всем отелям Лондона, не говоря уже о пансионатах.

— О'кей. Начну прямо завтра с утра. Мистер Грант, я хотел сказать вам, как я благодарен за то, что вы для меня делаете. Вы тратите свое время на то, чем никто другой не стал бы заниматься, то есть я имею в виду вещи, за которые полиция и не подумала бы взяться. Если бы не вы...

— Послушай, Тед. Я вовсе не занимаюсь благотворительностью, а делаю это по собственной охоте. Уж такой я любопытный, и это мне интересно. Мы разгадаем загадку.

Грант положил трубку и пошел посмотреть, что миссис Тинкер оставила ему на ужин. Это была какая-то мясная запеканка. Он автоматически жевал ее, занятый мыслями о Ллоиде, и продолжал думать о нем, укладываясь спать. С этими мыслями он и заснул.

А утром принялся охотиться на исследователей Аравии, и отсутствие результатов ничуть его не удивило. Люди, которые увлекаются исследованиями Аравии, слишком редко имеют достаточно денег, чтобы профинансировать что-либо. Наоборот, как правило, они сами ищут финансовую поддержку. Единственным шансом было то, что кто-то из них настолько заинтересовался этой информацией, что готов был поделиться раздобытыми деньгами. Но никто из них никогда не слышал ни о Шарле Мартине, ни о Билле Кенрике.

Он закончил свои поиски к обеду и стоял у окна в ожидании звонка от Теда, размышляя, то ли выйти куда-нибудь пообедать, то ли попросить миссис Тинкер приготовить омлет. Был очередной серый день, но дул легкий ветерок, и запах земли напоминал о деревне. Он подумал о том, что, должно быть, в такой день хорошо клюет. На какой-то момент ему захотелось идти по вересковой пустоши к реке, вместо того, чтобы сражаться с лондонской телефонной сетью.

Грант вернулся к столу и начал приводить в порядок утреннюю почту. Вдруг он остановился на полпути к корзине, куда хотел выбросить порванные страницы и пыльные конверты.

Он, наконец, понял.

Понял, кого напоминает ему Герон Ллойд.

Мальша Арчи.

Это было так неожиданно и смешно, что он сел на стул возле письменного стола и расхохотался.

Что общего между Мальшом Арчи и столь элегантным, изысканным Героном Ллойдом?

То, что они оба его раздражают? Явно нет. Тот факт, что оба они — чужестранцы в краях, которые их так привлекают? Нет, это слишком сложная ассоциация. Было что-то гораздо более близкое, простое.

Да, именно Малыш Арчи.

Но почему?

Что общего имеет между собой эта абсурдная пара?

Их манера жестикулировать? Нет. Строение тела, физическая кондиция? Нет. Их голоса? Так что же?

«Их тщеславие, дурак ты несчастный!» — подсказал ему внутренний голос.

Да, именно это. Их тщеславие. Их патологическое тщеславие.

Он сидел, размышляя в тишине, ему уже не было смешно.

Тщеславие. Первая предпосылка, ведущая к преступлению. Постоянный фактор, присутствующий в характере преступников.

При условии, что...

Телефон у его локтя внезапно разразился звоном.

Это был Тед. Он сказал, что дошел до восемнадцатого номера в списке, и, хотя сейчас чувствует себя старым-престарым человеком, в его жилах все же течет кровь пионеров, и он продолжит поиски.

— Прервись пока что, давай сходим куда-нибудь поедем.

— О, я уже съел свой ланч. Купил парочку бананов и молочный коктейль.

— Боже милосердный! — вырвалось у Гранта.

— А что в этом плохого?

— Крахмал, вот что.

— Когда чувствуешь себя измятым, не помешает и немного крахмала. А как вы, повезло вам?

— Не очень. Если Билл ехал на север к спонсору, это мог быть только какой-то любитель, у которого есть деньги, а не человек, активно занимающийся исследованиями Аравии.

— Ага. Ну ладно. Пойду дальше по списку. Когда вам перезвонить?

— Как только дойдешь до конца списка. Я подожду твоего звонка.

Грант решил съесть омлет и, пока миссис Тинкер возилась на кухне, расхаживал по гостиной, погружившись в мысли о человеческом тщеславии.

Потом начал прикидывать, сколько времени нужно Теду, чтобы обследовать оставшиеся четыре гостиницы.

Но не успел он съесть и половину омлета, как явился Тед собственной персоной. Румяный и торжественный.

— Понятия не имею, как вам могло прийти в голову это скучное маленькое заведение в связи с Биллом, — заявил он, — но вы оказались правы. Он остановился именно там.

— Что ты называешь скучным маленьким заведением?

— «Пентленд». Почему вы подумали о нем?

— Это отель с международной репутацией.

— Этот отель?

— Некоторые англичане останавливаются в нем из поколения в поколение.

— Именно так он и выглядит!

— Так вот где остановился Билл Кенрик. Он все больше нравится мне.

— Да-а-а, — уже тише протянул Тед. Румянец сошел с его лица. — Жаль, что вы не знали Билла. В самом деле, очень жаль. Другого такого парня не найти.

— Садись, выпей кофе, чтобы нейтрализовать молочный коктейль. Или хочешь выпить?

— Нет, спасибо, я выпью кофе. Билл выехал из гостиницы третьего марта.

— Ты спрашивал насчет его багажа?

— Конечно. Сначала они вообще не хотели этим интересоваться. Но потом вытащили реестр и сказали, что мистер Кенрик ничего не оставил ни в камере хранения, ни в сейфе.

— Это значит, что он оставил багаж на вокзале, чтобы иметь его под рукой, когда вернется из Шотландии. Если бы он намеревался потом лететь самолетом, то оставил бы его на вокзале Юстон, чтобы забрать по дороге в аэропорт. Если собирался

плыть на корабле, мог завезти багаж на вокзал Виктория перед тем, как отправиться на вокзал Юстон. Ему нравилось путешествовать по морю?

— Более или менее. Он не особенно интересовался морскими путешествиями. Но его страстью были паромы.

— Паромы?

— Да. Кажется, это началось, когда он еще в детстве побывал в таком месте, которое называется Помпея. Вы знаете, где это? — Грант кивнул. — И он все свое время проводил на пароме за пенс.

— Тогда это стоило всего полпенса.

— Ну, все равно.

— То есть ты думаешь, что он мог бы заинтересоваться железнодорожным паромом? Ну что ж, можно попробовать проверить и это. Но если он опаздывал на встречу с тобой, то, скорее всего, полетел бы самолетом. Ты узнал бы его чемоданы?

— О да. Мы вместе с Биллом жили в служебном бунгало. Я помогал ему паковать вещи. Собственно говоря, если уж об этом зашла речь, один из этих чемоданов — мой. Он просто забрал оба чемодана — свой и мой. Сказал, что если мы накупим много вещей, то купим еще один чемодан... — Голос Теда внезапно оборвался, и он наклонил лицо к чашке. Это была большая чашка, разрисованная ивовыми ветками по розовому фону. Марта Галлард привезла ее Гранту из Швеции, потому что он любил пить кофе из больших чашек. Как оказалось, за ней можно было скрывать эмоции.

— Видишь ли, у нас нет квитанции, и мы не сможем их получить. А я не могу выступать в роли официального лица. Но я знаком с большинством людей, которые работают на больших вокзалах, и, возможно, нам удастся что-нибудь потихоньку разузнать. Твоя задача — узнать чемоданы. Скажи, пожалуйста, Билл любил этикетки?

— Я думаю, он как-то пометил бы свои вещи, разве чем оставить их где-нибудь на хранение. Почему в его бумажнике не оказалось багажной квитанции?

— Мне кажется, кто-то другой мог сдать его вещи в камеру хранения. Например, человек, который провожал его на вокзал.

— Парень по фамилии Мартин?

— Может быть. Если Билл позаимствовал чужие документы для этого странного маскарада, ему же надо было вернуть их. Возможно, Мартин намеревался встретиться с ним в аэропорту или на вокзале Виктория, или откуда там он еще собирался покинуть Англию, отдать ему чемоданы и получить обратно свои документы.

— Да, похоже на правду. Может быть, стоит поискать Мартина? Дать объявление в газету?

— Не думаю, что Мартину так уж захочется отвечать на него, поскольку он предоставил свои документы для какого-то подозрительного дела, а сам остался без них.

— Должно быть, так. Во всяком случае, он не останавливался в этой гостинице.

— Откуда тебе это известно? — спросил удивленный Грант.

— Я просмотрел реестр, когда проверял подпись Билла.

— Ты понапрасну теряешь время в ВКА, Тед. Тебе надо работать у нас.

Но Тед не слушал его.

— Если бы вы знали, какое это странное ощущение — вдруг увидеть почерк Билла среди всех этих чужих фамилий. У меня даже дыхание сперло.

Грант взял снимок «руин» в кратере и положил на стол.

— Вот что, по мнению Ллойда, видел Билл.

Тед с интересом рассмотрел снимок.

— Это в самом деле выглядит очень странно, да? Точно как руины небоскреба. Знаете, пока я не очутился в Аравии, то считал, будто небоскребы изобрели в Соединенных Штатах. Но в некоторых из этих старых арабских городов можно

увидеть Эмпайр Стейт, только в уменьшенном виде. Вы считаете, что Билл видел не это?

— Нет. С воздуха отлично видно, что это — кратер.

— И вы сказали Ллойд об этом?

— Нет. Я просто дал ему выговориться.

— Почему он так вам не нравится?

— Я не говорил, что он мне не нравится.

— Об этом не обязательно говорить.

Грант призадумался, потом медленно произнес:

— Я почувал в нем тщеславие. Как человек, я ненавижу эту черту, а как полицейский — не доверяю ему.

— Тщеславие — безвредный вид слабости, — снисходительно пожал плечами Тед.

— Вот тут-то ты и ошибаешься. Это очень разрушительная черта. Когда ты говоришь о тщеславии, то представляешь себе кого-то, кто глаз не может оторвать от своего изображения в зеркале и покупает себе красивые вещи, чтобы принарядиться. Но это всего лишь внешние проявления. Истинное тщеславие — это нечто совершенно иное. Это вопрос не лица, а личности. Тщеславие говорит: «Я должен это иметь, потому что Я — это Я». Это ужасно, потому что это неизлечимо. Ты никогда не сможешь доказать человеку, страдающему тщеславием, что кто-то другой может иметь такое же значение, как и он, он просто не поймет, о чем ты говоришь, скорее убьет кого-то, нежели станет хоть полгода терпеть присутствие неприятно-го ему человека.

— Но это же — психическое расстройство.

— Только не в понимании человека, одержимого тщеславием. И, разумеется, не в медицинском смысле. Одержимый тщеславием считает, что поступает логично. Как я уже говорил, это ужасно. Это одна из черт, характерных для преступников. Настоящие преступники отличаются друг от друга внешним видом, взглядами, интеллектом и методами, как и остальные люди, но они имеют одну неизменную черту: все они патологически тщеславны.

— Послушайте, мистер Грант, — перебил его Тед. — Вы хотите сказать, что такого типу, как Ллойд, нельзя доверять?

Грант призадумался.

— Хотелось бы мне это знать, — признался он, наконец. — Хотелось бы.

— Ага-а-а! — протянул Тед. — Это наверняка представляет все в ином свете, не так ли?

— Сегодня утром я долго размышлял над тем, что, может быть, страдаю чрезмерной подозрительностью. На первый взгляд, Герон Ллойд выглядит безукоризненно. Более того, вызывает восхищение. Он пользуется огромным авторитетом, живет просто, у него великолепный вкус, что означает природное чувство пропорций, и он наверняка уже достиг так много, что этого хватило бы для удовлетворения наиболее эгоистичной души.

После довольно долгого молчания Тед спросил:

— Мистер Грант, вы по-прежнему считаете, что Билл погиб в результате несчастного случая?

— Да, потому что у нас нет никаких доказательств того, что это было не так. Но я готов поверить, что все было иначе, если только буду иметь серьезные причины. Ты умеешь мыть окна?

— Умею ли я что?

— Мыть окна.

— Я могу попытаться, если будет надо, — вытаращил глаза Тед. — А зачем?

— Может быть, тебе это станет известно до того, как мы закончим разбираться с этим делом. Пойдем, посмотрим на чемоданы. Надеюсь, что вся нужная нам информация находится в этих чемоданах. Мне только что припомнилось, что Билл забронировал себе билет в Скун за неделю до поездки.

— Может быть, его спонсор в Шотландии не мог с ним увидеться до четвертого числа.

— Возможно. Во всяком случае, все его документы и личные вещи будут в одном из чемоданов, и я надеюсь, что там будет и дневник.

— Но Билл не вел дневника!

— Я имел в виду не дневник, а ежедневник. Что-нибудь вроде: «Встреча с Джеком — 13.15; Позвонить Тутсам — 7.30».

— Ах, это. Да, надеюсь, у него была записная книжка. Во всяком случае, фамилию возможного консультанта или спонсора в Лондоне он бы записал. Это, должно быть, именно то, что нам нужно!

— Это будет все, что нам нужно. Если оно — там.

Но там ничего не было.

Вообще ничего.

Они начали свои поиски с легким сердцем, с наиболее подходящих мест: вокзалы Юстон и Виктория, аэропорт.

— Добрый день, инспектор. Чем могу быть вам полезен сегодня?

— Помогите, пожалуйста, моему молодому другу из Америки.

— Да? Один билет на 3.30?

— Нет, билет нам не нужен. Он хотел бы знать, не оставил ли его приятель здесь свои чемоданы. Вы разрешите нам посмотреть? Мы не будем ничего трогать, только посмотрим.

— Ну, это еще пока в этой стране позволено делать, инспектор. Заходите, пожалуйста.

И они заходили. Каждый раз заходили в камеру хранения. И каждый раз ряды сложенного багажа взирали на них чужими и презрительными взглядами. Они были такими чужими, какими могут быть только чужие вещи.

Из мест наиболее вероятных они перешли в менее вероятные, их энтузиазм поостыл, а беспокойство нарастало. Сначала они надеялись найти записную книжку или документы, сейчас их бы обрадовал просто вид чемоданов Билла.

Но ни на одной из полок их не было.

Этот факт настолько поразил Теда, что Гранту довольно сложно было вытащить его из последних камер хранения, которые они посетили. Он бродил вдоль заполненных полок в полном удивлении.

— Они должны быть здесь, — продолжал повторять летчик. — Они должны быть здесь.

Но их не было.

Когда, огорченные, они вышли на улицу, исчерпав все возможности, он сказал:

— Инспектор... то есть, я хотел сказать, мистер Грант... где еще можно оставить багаж, выписавшись из отеля? Есть ли здесь где-нибудь отдельные, запирающиеся на замок ячейки?

— Ими можно пользоваться только ограниченное время. Они рассчитаны на людей, которые хотят оставить чемоданы на пару часов, пока занимаются какими-то делами.

— Хорошо, но где же вещи Билла? Почему их нет ни в одном из этих мест?

— Не знаю. Они могут быть у его девушки.

— У какой девушки?

— Не знаю. Он был молодой, красивый и одинокий, думаю, ему было из кого выбирать.

— Да, конечно. Вы правы. Это мне кое-что напомнило. — С его лица исчезло выражение растерянности и беспомощности. Он взглянул на часы. Было уже почти время ужина. — Я назначил свидание той девушке из молочного бара, — он взглянул на Гранта и слегка засмутился. — Но отменю встречу, если я вам нужен.

Грант отправил его на свидание с красоткой из молочного бара с явным чувством облегчения. Он решил сегодня поужинать позже и пошел к друзьям из городской полиции.

В полицейском участке на Эствик-стрит его приветствовали теми же словами, которые он слышал сегодня весь день и вечер:

— Здравствуйте, инспектор. Чем мы можем вам помочь сегодня?

Грант спросил, кто сейчас работает в районе улицы Бритт-Лэйн.

За этот участок отвечал, как оказалось, полицейский по фамилии Беннет, и, если господин инспектор хочет увидеться с ним, то он сейчас находится в столовой, где ест жаркое. Его номер — 30.

Грант нашел полицейского с таким номером, который в одиночестве сидел за столом в дальнем углу зала. Перед ним стоял учебник французского языка. Глядя на него, не подозревающего, что за ним следят, Грант подумал о том, как сильно изменились лондонские полицейские за каких-нибудь двадцать пять лет. Констебль Беннет был темноволосым, хрупким молодым человеком, с матовым бледным лицом и старательным произношением. Принимая во внимание учебник французского языка и старательное произношение, Грант почувствовал, что перед констеблем Беннетом — большое будущее.

Парень встал, когда Грант подошел к его столу и представился.

— Вы могли бы кое-что сделать для меня. Я хотел бы знать, кто моет окна в доме номер пять по Бритт-Лэйн. Не можете ли вы разузнать...

— В доме мистера Ллойда? — уточнил молодой человек. — Там моет окна Ричардс.

Да, в самом деле, этого полицейского ждет большое будущее.

— Откуда вам это известно?

— Я останавливаюсь, чтобы немного поболтать с ним, когда делаю обход участка. Он держит свою тележку и всякие приспособления на Бритт-Лэйн, там, где когда-то были конюшни.

Грант поблагодарил будущего главного инспектора и направился разыскивать Ричардса. Оказалось, он живет над каморкой, где стояла его тележка. Ричардс оказался старым холостяком, бывшим военным, одна нога у него была короче другой. У него был кот и коллекция китайских фарфоровых чашек, а еще он обожал метать стрелки в цель в ближайшем кабачке.

Кабачок, где Ричардс обычно метал стрелки, располагался на углу Бритт-Лэйн и назывался «Солнце», туда-то и отправился Грант. Все же это должно быть неофициальное расследование, и ему надо появиться там в качестве неофициального лица. Ему не было знакомо ни само заведение, ни его хозяин, но достаточно было немного посидеть в одиночестве за столом, как его пригласили поиграть в стрелки, а от этого до Ричардса оставался один шаг.

Этот шаг, как оказалось, занял пару часов, но, в конце концов, они оказались с Ричардсом в углу кабачка, над кружками с пивом. Грант размышлял, надо ли показывать Ричардсу свое удостоверение, или трактовать предстоящий разговор как услугу, оказываемую одним бывшим военным другому, когда тот неожиданно произнес:

— Вы ничуть не набрали веса за все эти годы, сэр.

— Мы с вами уже встречались где-то? — спросил Грант, слегка обеспокоенный тем фактом, что мог забыть чье-то лицо.

— В армии. Так давно, что даже страшно об этом и подумать. И не беспокойтесь, что меня забыли, — добавил он, — потому что я сомневаюсь, видели ли вы меня вообще. Я был поваром. Вы по-прежнему в армии?

— Нет, я — полицейский.

— Кроме шуток? Ну-ну! Тогда я считал, что из вас получился бы отличный начальник штаба Британской Империи! Теперь понятно, почему вы завлекли меня в этот угол.

— Да, я хотел бы, чтобы вы кое-что для меня сделали, но это — неофициальное дело. Не могли бы вы завтра за небольшую плату прихватить с собой на работу ученика?

— Надо вымыть какие-то особо важные окна? — после некоторого размышления переспросил Ричардс.

— Бритт-Лэйн, 5.

— Хо-хо! — рассмеялся Ричардс. — За эти окна я сам бы доплатил!

— Почему?

— Хозяин-ублюдок вечно недоволен. Но в этом деле нет ничего противозаконного, не так ли?

— Абсолютно ничего противозаконного. Из дома ничего не будет вынесено, он даже ни к чему не притронется. Я за это ручаюсь. Более того, если вам так будет спокойнее, мы можем составить письменное соглашение.

— Для меня достаточно вашего слова, сэр. А ваш человек пусть имеет привилегию вымыть окна почтенного мистера Ллойда бесплатно. — Ричардс поднял свою кружку. — Ну, выпьем за этот старый глаз-алмаз. В котором часу завтра придет ваш ученик?

— В десять часов — вас устраивает?

— Лучше — в половине одиннадцатого. Ваш любимец выходит из дома обычно в одиннадцать утра. Я сделаю работу раньше и буду ждать его у себя — Бритт-Мьюз, 3.

Не имело смысла опять звонить Теду Куллему этим вечером, и Грант оставил для него информацию в гостинице «Уэстморленд», с просьбой прийти к нему на квартиру на следующий день сразу после завтрака.

После этого он, наконец, поужинал и, довольный, отправился спать.

10

Тед появился весь чистенький и сияющий, когда Грант еще даже не успел позавтракать. Узнав, что на сегодня для него есть конкретные планы, он повеселел:

— Значит, вы серьезно говорили о мытье окон? Я думал, что это... ну, в переносном смысле. Почему я должен мыть окна у Ллойда?

— Потому что это единственный честный способ проникнуть в дом. Мои коллеги могли бы упрекнуть тебя в том, что ты не имеешь прав проверять ни состояние газового счетчика, ни электропроводку, ни телефон. Но им придется признать, что ты — мойщик окон, профессионально и легально выполняешь эту работу. Ричардс — твой босс на сегодня — говорит, что Ллойд почти каждый день уходит из дома около одиннадцати часов, и он возьмет тебя с собой туда, как только Ллойд уйдет. Он останется там с тобой и представит тебя как своего помощника, который учится работать. Таким образом, тебя впустят в дом, и ты окажешься там один.

— Ну, остался я один — что дальше?

— На письменном столе в большой комнате, которая занимает почти весь второй этаж, лежит ежедневник. Такой большой, очень дорогой, оправленный в красную кожу. Этот стол не запирается и стоит напротив среднего окна.

— И что?

— Я хочу знать, что там было записано на 3 и 4 марта.

— Вы думаете, что он тоже мог ехать этим поездом?

— Так или иначе, я хотел бы знать, как обстоят дела. Когда буду знать, какие встречи были у него назначены, легко будет проверить, состоялись они или нет.

— О'кей. Это совсем просто. С удовольствием помою эти окна. Я все время думаю о том, чем займусь, когда уже стану слишком старым, чтобы летать. Я мог бы податься в оконный бизнес. Мыть окна, не говоря уже о том, чтобы заглядывать в некоторые из них.

Тед ушел в приподнятом настроении, а Грант принялся выискивать в памяти каких-нибудь знакомых, которые могли знать Ллойда. Он припомнил, что все еще не позвонил Марте Галлард, чтобы сказать, что уже вернулся в город. Еще рановато для звонка к ней, он мог ее разбудить, но Грант решил рискнуть.

— Ах, нет, — зашебетала Марта, — ты вовсе не разбудил меня. Я еще завтракаю и получаю ежедневную порцию новостей. Каждый день даю себе клятву, что никогда больше не открою газету, и каждое утро это дьявольское изобретение ждет, пока я его открою, и каждое утро я его открываю. Это плохо влияет на выделение желудочного сока и состояние сосудов, а макияж стоимостью в пять гиней облетает с лица, но я должна получить свою ежедневную порцию отравы. Как ты себя чувствуешь, мой дорогой? Тебе уже лучше?

Она выслушала его ответ, не прерывая. Одной из самых очаровательных черт Марты было умение слушать. Для большинства других женщин молчание означало, что они готовят следующую речь и только ждут подходящего момента, чтобы произвести ее.

— Давай сегодня вместе поужинаем. Я буду одна.

— Давай лучше отложим это на начало будущей недели, хорошо? Как принимают ваш спектакль?

— Ну, знаешь ли, милый, его принимали бы намного лучше, если бы Саймон на сцене иногда обращался ко мне, а не к зрителям. Он утверждает, что это подчеркивает отчужденность его героя. Практически выходит к самой рампе и позволяет зрителям первых рядов пересчитывать его ресницы. Я думаю, это у него похмелье после дней, проведенных в мюзик-холле.

Они немного поговорили о Саймоне и о пьесе, а потом Грант поинтересовался:

— Кстати, ты, случайно, не знаешь Герона Ллойда?

— Этого человека, который интересуется Аравией? Не скажу, чтобы я его знала, нет. Но, как я понимаю, он еще более сумасшедший, чем мой партнер по сцене, Саймон.

— То есть?

— Рори — сын моего брата — свихнулся на идее заняться исследованиями Аравии, хотя зачем кому-то исследовать Аравию, ума не приложу — сплошные пески да финики. Тем не менее, Рори хотел присоединиться к Герону Ллойд, но, кажется, Ллойд путешествует только с арабами. Рори говорит, будто это потому, что Ллойд такой арабский до мозга костей, что и шейхи ему в подметки не годятся. Но лично я, как существо примитивное, плутоватое и крайне ленивое, считаю, что он болеет той же болезнью, что и Саймон, и предпочитает, чтобы вся сцена принадлежала ему.

— Чем твой племянник занимается сейчас? — спросил Грант, оторвавшись от размышлений о Героне Ллоиде.

— Ах, он сейчас в Аравии. Его взял другой человек, Кинси-Хьюитт. Да, Рори не из тех людей, кого можно легко сбить с избранного пути. Так что с нашим ужином, вторник тебе подходит?

Да, вторник его устраивает. Еще до вторника он будет уже на работе, а дело Билла Кенрика, который приехал в Англию, очарованный Аравией, и умер как Шарль Мартин, в поезде, едущем в Шотландию, надо будет отложить. У него был еще день-два.

Он пошел к парикмахеру, чтобы в расслабляющей и гипнотической атмосфере поразмыслить, не забыли ли они о чем-нибудь, что надо сделать. Тед Куллен пообедал со своим боссом.

— Ричардс за это не возьмет денег, — сказал Грант Теду, — так что поведи его в хороший ресторан, угости по-королевски, я все оплачу, конечно.

— Я поведу его в хорошее заведение и угощу, мне будет очень приятно, — ответил Тед. — Но, черт меня подери, я не позволю вам платить за это. Билл Кенрик был моим другом, а не вашим.

Итак, Грант погрузился в теплую, ароматную атмосферу парикмахерской и пытался придумать, что еще сделать, чтобы найти чемоданы Билла Кенрика. Но Тед, когда вернулся, высказался более конкретно.

— А почему бы нам не поискать девушку с помощью объявления?

— Какую девушку?

— У которой находится его багаж. Ей незачем скрываться, если только она не присвоила содержимое чемоданов — и такое бывает. Но Билл прекрасно разбирается... разбирался в женщинах. Почему бы нам не написать в объявлении заглавными буквами «БИЛЛ КЕНРИК», чтобы оно бросалось в глаза, улавливаете? И дальше: «Друзей просят позвонить по такому-то телефону». Нам же ничто не мешает так сделать?

Нет, ничто им не мешало сделать так, но глаза Гранта были прикованы к клочку бумаги, который Тед выловил из кармана.

— Ты нашел ежедневник?

— Ах, да. Достаточно было наклониться и переписать. Похоже, этому типу абсолютно нечего делать. Это самый занудливый список занятий, не считая тюремного расписания. Ничего интересного с начала и до конца. И вообще ничего хорошего.

— Ничего хорошего?

— Похоже, в то время, что нас интересует, он был занят. Так что, написать объявление в газеты?

— Да, напиши. Бумага лежит у меня на столе.

— В какие газеты мы его пошлем?

— Напиши шесть экземпляров, а потом определимся, куда отправить.

Он прочел переписанные детским почерком Теда записи из ежедневника Ллойда. Записи за 3 и 4 марта. Когда Грант читал их, он вдруг осознал всю абсурдность своих подозрений. О чем он только думал? Как ему вообще могло взбрести в голову, что Герона Ллойда что-то могло подтолкнуть к убийству? Потому что ведь именно это он заподозрил.

Грант взглянул на записи, не вызывающие никаких сомнений, и подумал, что если бы даже удалось доказать Ллойду, что он не явился на одну из этих встреч, это все еще абсолютно ничего не доказывало: Ллойд попросту мог плохо почувствовать себя или передумать.

Грант взглянул на Теда, который, опустив нос к самой бумаге, водил им вслед за ручкой, словно терьер, который вынюхивает паука на полу.

— И как там твоя леди из молочного бара?

— О, прекрасно, прекрасно, — рассеянно ответил Тед, не поднимая взгляда от своей работы.

— Ты с ней еще встретишься?

— Угу. Сегодня вечером.

— Как думаешь, ваше знакомство будет иметь продолжение?

— Может быть, — ответил Тед, а когда осознал необычность вопроса, посмотрел на Гранта и заинтересовался: — А почему вы об этом спрашиваете?

— Я думаю о том, как бы покинуть тебя на день-другой, и мне хотелось бы, чтобы ты не скучал, когда останешься один.

— Ага. Да нет, со мной все будет в порядке. Я считаю, что вам пора прервать расследование и заняться своими делами. Вы и так много сделали.

— Я вовсе не прерываю расследование. Я собираюсь полететь к родственникам Шарля Мартина.

Лицо Теда оживилось.

— Что вы собираетесь разузнать у них?

— Ничего не собираюсь, просто начинаю с другого конца. С Биллом Кенриком мы зашли в тупик, разве что его гипотетическая девушка ответит на объявление, а это случится не раньше, чем через два дня, значит, надо попытаться зайти со стороны Шарля Мартина и посмотреть, может, это и приведет к чему-нибудь.

— Хорошо. А, может, и мне поехать с вами?

— Нет, Тед. Думаю, будет лучше, если ты останешься здесь и будешь главным ответственным за прессу. Проверишь, все ли объявления будут напечатаны, и будешь собирать ответы.

— Ладно, босс, пусть будет по-вашему, — огорченно согласился Тед. — Но мне так хотелось увидеть Марсель!

— Он ни капельки не похож на то, что ты себе представляешь, — с улыбкой заметил Грант.

— Ну, ладно, в конце концов, я могу сидеть на стуле и смотреть на Дафну. Что за забавные имена у девушек в этой стране! В баре немного сквозит, но я смогу посчитать, сколько раз люди говорят «спасибо», когда обслуживают других людей. Не уезжайте, пожалуйста, надолго, иначе во мне проснется волк, и я первым же самолетом улечу в Марсель, чтобы присоединиться к вам. Когда вы планируете уехать?

— Завтра утром, если будут билеты. Отодвинься, пожалуйста, чтобы я мог достать до телефона. Если мне повезет попасть на утренний самолет, я смогу вернуться послезавтра. Если нет, то вернусь, самое позднее, в пятницу. Как прошла встреча с Ричардсом?

— О, мы с ним теперь приятели. Но я слегка разочаровался.

— В чем?

— В возможностях этой профессии.

— Мало платят?

— Что касается платы, то она, может быть, и приличная. Но, поверьте мне, сквозь стекло ничего невозможно увидеть, кроме отражения собственной физиономии. Как называются те газеты, в которые вы хотите отправить объявления?

Грант перечислил ему названия шести газет с самым большим тиражом и пожелал хорошо провести время до их следующей встречи.

Утром Грант уже летел самолетом во Францию.

Прибыв в Марсель, он узнал, что семья Мартин покинула свое предместье всего неделю тому назад и уехала в неизвестном направлении. То есть в не известном для соседей. Пока с помощью местных властей Панту удалось выяснить, что «неизвестное направление» означает всего-навсего Тулон, он потратил много ценного време-

ни. Еще больше времени у него ушло на то, чтобы добраться до Тулона и отыскать семью Мартин среди множества его обитателей.

Но, в конце концов, он все же нашел их и выслушал все, что они ему рассказали, а этого было немного. Они назвали Шарля «плохим парнем» со всем присущим французам пристрастным отношением к человеку, который отступился от высшего французского бога — Семьи. Он всегда был непослушным, своенравным и ленивым. Абсолютно ленивым. Он уехал из дому пять лет тому назад, после инцидента с девушкой, — нет-нет, ничего страшного, он просто немного порезал ее ножом, — и не утруждал себя написанием писем домой. У них не было никаких известий от него за все эти годы, не считая случая, когда примерно три года назад друг наткнулся на него в Порт-Саиде. Этот друг рассказал, что Шарль занимается торговлей подержанными машинами. Покупает разбитые машины, немного ремонтирует их, а потом продает. Он был очень хорошим механиком, он мог бы быть очень успешным человеком, иметь свой собственный гараж и наемных работников, если бы не был таким ленивым. Его лень — это нечто замечательное. Прямо болезнь какая-то. Они больше ничего не слышали о нем до того самого момента, когда их попросили опознать его тело.

Грант спросил, есть ли у них фотография Шарля.

Да, есть несколько, но, разумеется, это старые фотографии.

Они показали ему фотографии, и Грант понял, почему на фотографии мертвого Билла Кенрика родственники узнали Шарля Мартина. Худощавый смуглый мужчина с выразительными бровями, впалыми щеками и прямыми темными волосами был похож на другого молодого человека, когда вместе с жизнью утратил индивидуальность. Им даже не надо было иметь одинаковый цвет глаз. Родители получили известие: «Ваш сын погиб в результате трагической случайности, не будете ли вы так любезны подтвердить его личность и организовать похороны». Им показывают документы и вещи погибшего сына и просят опознать их. Родители воспринимают то, что видят, а видят то, что ожидают увидеть. Им и в голову не придет спросить:

— Какого цвета были глаза у этого человека — голубые или карие?

Они, конечно, задали Гранту множество вопросов. Семья Мартин расспрашивала его, почему он интересуется Шарлем. Может быть, после Шарля все же остались какие-то деньги? Возможно, Грант ищет законных наследников?

Нет, просто Грант хотел разыскать Шарля потому, что его попросил об этом друг Шарля, который знал его по побережью Персидского залива. Нет, он не знает, зачем ему нужен Шарль. Насколько он понял, речь шла о каком-то предложении сотрудничества в будущем.

Семья Мартин высказала свое мнение: этому приятелю повезло, что сотрудничество не состоялось.

Они угостили его арманьяком, кофе и маленькими бисквитами, посыпанными сахаром, и пригласили заходить к ним еще, если он когда-нибудь приедет в Тулон.

Уже на ступеньках он спросил, есть ли у них документы сына. Они ответили, что только личные: его письма. Насчет официальных документов как-то никто не побеспокоился. Несомненно, они все еще находились в марсельской полиции, которая первая связалась с ними, когда произошел несчастный случай.

Грант потратил еще немного времени, чтобы подружиться с марсельскими полицейскими, но на этот раз он не стал тратить силы на неофициальные методы, а показал им свое удостоверение и попросил взять на время документы. И в пятницу после обеда успел на лондонский самолет.

У него оставалось еще два дня. Один день и воскресенье, если быть точным.

Лондон выглядел, словно акварель, нарисованная всеми оттенками серого цвета, с пятнами красной масляной краски в тех местах, где из тумана выныривали мокрые автобусы.

В отделе дактилоскопии горели все лампы, хотя еще было светло, и Картрайт сидел так, как Грант видел его в прошлый раз, как видел его всегда — с недопитой чашкой чая у локтя и блюдцем, полным окурков.

— Могу ли я тебе чем-то помочь? — спросил он.

— Да. Есть одна вещь, которую мне очень хотелось бы знать. Ты хоть когда-нибудь в жизни выпил вторую половину чашки чая?

Картрайт задумался, потом ответил:

— По правде говоря, не знаю. Обычно Берил забирает чашку и заново наполняет ее. У тебя есть еще какие-то вопросы? Или это просто так — дружественный визит?

— Да, есть кое-что. В понедельник ты все равно будешь работать на меня. — Грант положил на стол документы Шарля Мартина. — Когда ты сможешь это сделать?

— Французские документы! Во что ты вляпался? Или хочешь сохранить их для себя?

— Я просто хочу еще раз сделать ставку на лошадь по кличке Интуиция. Когда все выяснится, я тебе расскажу, а отпечатки заберу завтра утром.

Грант покинул Картрайта и пошел к телефону в такое место, где можно было поговорить без свидетелей.

— Ну-ну! — радостно воскликнул Тед, узнав голос Гранта. — Вы откуда говорите? Уже вернулись?

— Да, вернулся. Я — в Лондоне. Послушай, Тед, ты говорил, что никогда не знал никого по имени Шарль Мартин. Но, возможно, ты мог знать его под какой-то другой фамилией? Ты когда-нибудь был знаком с хорошим механиком, специалистом по автомобилям, который был французом и немного походил на Билла?

Тед задумался, а потом ответил:

— Не думаю, чтобы у меня были знакомые механики-французы. Я знал механика-шведа и механика-грека, но ни один из них ни капли не был похож на Билла. А в чем дело?

— Дело в том, что Мартин работал на Среднем Востоке. И не исключено, что Билл получил от него эти документы раньше, чем приехал в Англию. Мартин мог их ему продать. Он был... впрочем, может, он еще жив... он — лентяй, и, возможно, часто сидит без денег. Там, где никто особенно не заботится об удостоверениях, он мог попробовать продать их.

— Да, мог. В тех краях чужие документы стоят обычно дороже собственных. Но почему вы думаете, что именно Билл купил их? Билл никогда не занимался никакими левыми делами.

— Наверное, потому, что Билл был немного похож на Мартина. Не знаю. Есть какие-то ответы на объявление?

— Пять.

— Пять?

— Все от парней, которых зовут Билл Кенрик.

— Ага. Они спрашивали, есть ли для них известия.

— Вы угадали.

— И ни слова от кого-то, кто знал Билла?

— Ни полслова. И со стороны Шарля Мартина — тоже ничего, похоже. Мы тихо идем ко дну, да?

— Ну, я сказал бы, что мы основательно подмокли. Осталась еще одна вещь.

— Да? И что же это?

— Время. У нас есть еще сорок восемь часов.

— Мистер Грант, вы — оптимист.

— На моей работе поневоле приходится быть оптимистом, — заметил Грант, хотя вовсе не чувствовал себя оптимистом. Он чувствовал себя очень сонным и усталым.

Правда, ничуть не сожалел о том, что услышал о Билле Кенрике. Он будет должником Билла Кенрика до конца своих дней, и даже если ему придется до конца жизни расследовать это дело, он когда-нибудь узнает, почему Билл стал Шарлем Мартином. Вот только бы успеть разобраться с этим делом до понедельника, до того, как на него опять свалятся все его обязанности.

Разговор закончился, и Грант пообещал позвонить, как только у него появится какое-нибудь известие или идея.

Он вышел во влажную темень, купил вечернюю газету и поймал такси, чтобы поехать домой. Газета была «Сигнал», и вид знакомого заголовка напомнил ему тот завтрак в Скуне четыре недели назад. А на Тенби-Корт, 19, его ожидало письмо от Пата, в котором было написано:

«Дорогой Алан, говорят что в письмах нада делать паля но я думаю это глупости. зачем они. это мушка которую я сам для тибя сделал. она не была готова перед тем как ты уехал. можит она и не очинь падходит для этих ваших английских речек но все равно сохрани ее. твой любящий племяник Патрик».

Это произведение Пата очень развеселило Гранта, и во время обеда он анализировал своеобразное построение письма: отсутствие больших букв и полей, а также приложенную к письму приманку. Мушка была еще более замечательной, нежели та, которой Пат доверил ему попользоваться в Клуни. Грант решил применить ее на реке Северн в такой день, когда рыба будет клевать даже на красную резиновую крышку от термоса, а потом честно отрапортовать Пату, что мушка Рэнкина очень успешно прошла испытания.

Его отвлек телефонный звонок. Звонил Картрайт.

— Я правильно тебя понял — ты поставил на свою интуицию?

— Да. В чем дело?

— Я ничего не знаю об этом, но мне кажется, что твой конь выиграл, — сказал Картрайт. И перед тем, как положить трубку, добавил очень сладким голосом, мягким, словно шелк, каким говорят обычно психотерапевты, ведущие на радио постоянные передачи: — Спокойной ночи, сэр.

— Эй! — крикнул Грант и ударил по вилке телефона. — Эй!

Но разговор был окончен. И бесполезно было бы дозваниваться к нему этим вечером. Это была небольшая месть со стороны Картрайта за подкинутую бесплатную работу. Чертов Картрайт и его дурацкие шуточки! Завтра с самого утра надо будет пойти в Скотленд-Ярд.

Но на следующее утро он совершенно забыл о Картрайте.

Утро, как обычно, началось со звона фарфора и голоса миссис Тинкер, которая принесла ему утренний чай.

— Вы только послушайте, — говорил голос миссис Тинкер, видимо, комментируя непрерывный шум дождя. — Разверзлись хляби небесные, прямо Ниагара какая-то. Похоже, нашли Шангри-ла. Лично мне на сегодняшнее утро достаточно открытия Шангри-ла.

Это слово вертелось в его сонном сознании, будто водоросль в тихой воде. Шангри-ла. Какое усыпляющее слово... Очень сонное... Шангри-ла. Будто из фильма. Или из книги. Какой-то девственный Рай. Отгороженный от всего мира.

— В газетах пишут, что у них там вообще никогда не бывает дождей.

— Где? — спросил он, чтобы показать, что не спит.

— Кажется, в Аравии.

Он услышал, как она закрыла за собой дверь, и еще глубже нырнул в полусон, наслаждаясь этими четырьмя минутами. Аравия... Аравия... Тоже очень усыпляющее слово. Нашли Шангри-ла в Аравии. Нашли...

А р а в и я !

Грант выбрался из-под скомканных одеял и схватил газеты. Первой ему попалась «Клэрион», потому что именно заголовки в этой газете составляли ежедневную порцию чтения миссис Тинкер.

Ему не пришлось долго искать. Статья была на первой странице.

ШАНГРИ-ЛА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЕТ. СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАХОДКА В АРАВИИ.

Он скользнул взглядом по истерически-взволнованным колонкам и нетерпеливо отбросил газету, чтобы прочесть более достойную доверия «Морнинг Ньюз». Но и эта газета производила такое же впечатление, как и «Клэрион». ГРАНДИОЗНОЕ ОТКРЫТИЕ КИНСИ-ХЬЮИТТА, — гласил заголовок в «Морнинг Ньюз». СЕНСАЦИОННЫЕ НОВОСТИ ИЗ АРАВИИ.

«С огромной гордостью мы публикуем телеграмму нашего корреспондента, Пола Кинси-Хьюитта, — писала «Морнинг Ньюз». — Как смогут убедиться наши читатели, его открытие было подтверждено экипажами трех самолетов РАФа, которые, после прибытия мистера Кинси-Хьюитта в Мукаллу, были посланы для того, чтобы установить точное положение места, которое он открыл». Эта газета перед отъездом Кинси-Хьюитта в Аравию заключила с ним контракт на серию статей о его путешествии, и редактор не помнил себя от нежданного счастья.

Грант пробежал глазами похвальные гимны, которые «Морнинг Ньюз» пела в свою честь, и перешел к более трезвой прозе, автором которой был исследователь-триумфатор.

«Мы находились в пустыне с научной целью... у нас даже не появлялось мысли искать следы цивилизации в виде либо фактов, либо легенд... эта страна подробно исследована ... голые склоны гор, на которые никто не отваживался карабкаться... напрасная потеря времени на пути от одного колодца до следующего... в стране, где вода — это жизнь, никто не сворачивает с пути, чтобы взобраться на гору... внимание привлек самолет, который дважды прилетал за пять дней и какое-то время низко кружил над горами... мы предположили, что произошла авиакатастрофа... возможное спасение... посоветались... Рори Галлард и я отправились на поиски, в то время как Дауд пошел к источнику в Зарубе за новой партией воды... не было видно никакого входа... стены, как Гарб Койр на Брэриах... Рори... тропинку, по которой не прошел бы даже горный козел... через два часа вышли к хребту... потрясающе прекрасная долина... обилие зелени почти вызывает шок... вроде тамариска... архитектура напоминает скорее Грецию, чем Аравию... колоннады... вымощенные площади и улицы... странно напоминает современные метрополи... в положении маленького острова среди пустыни... обреченная цивилизация... каменная фигура обезьяньего бога... Вабар... извержение вулкана... Вабар... Вабар...»

В «Морнинг Ньюз» была размещена аккуратная контурная карта Аравии с обозначенным крестиком местоположением Вабара.

Грант лежал и смотрел на газету.

Так вот что видел Билл Кенрик.

Он вырвался из центра ошалевшей бури, из вихря песка и темноты, посмотрел вниз и увидел зеленую долину, лежащую среди скал. Неудивительно, что после воз-

вращения он выглядел «потрясенным» и словно «все еще был там». Он сам в это до конца не верил. И опять возвращался, чтобы найти и посмотреть на этот город, которого не было ни на одной карте. Это... это было его Раем.

Об этом он сочинял стихи на полях вечерней газеты.

Вот почему он приехал в Англию к...

К Герону Ллойд, чтобы...

К Герону Ллойд!

Грант отшвырнул газету и выпрыгнул из кровати.

— Тинк! — позвал он, открывая воду в ванной. — Тинк, к черту завтрак! Дайте мне немного кофе.

— Но вы же не можете вот так выйти из дома всего лишь после чашки...

— Не спорьте со мной! Дайте мне немного кофе!

Вода, наливаясь в ванну, журчала. Лжец. Чертов бессердечный лжец. Тщеславный убийца и лжец. Как он это сделал? Боже, он заслуживает, чтобы его повесили!

— На основании каких доказательств? — издевательски-вежливо спросил его внутренний голос.

— Заткнись! Я найду доказательства, даже если для этого мне придется открыть целый новый континент! Он говорил: — «Бедный мальчик! Бедный мальчик!» — и при этом так грустно качал головой. Боже милосердный, я своими руками повешу его!

— Успокойся, успокойся. Это не очень подходящее состояние для человека, который собирается допрашивать подозреваемого.

— Я вовсе не собираюсь допрашивать никакого подозреваемого, иди к черту со своими полицейскими штучками! Я пойду к Герону Ллойд и выскажу все, что я о нем думаю. А после того, как я разберусь с Ллойдом, можно будет и отказаться от службы в полиции.

— Ты не можешь избить шестидесятилетнего человека.

— Я не собираюсь его избивать. Я хочу его убить. Этика тут ни при чем.

— Может быть, он и заслужил виселицу, но не стоит того, чтобы из-за него подавать в отставку.

— Этот подлец сказал: «Он произвел на меня впечатление очень способного и интеллигентного молодого человека», — снисходительно и покровительственно. Ублюдок. Прилизанный тщеславный ублюдок. Этот чертов...

Слова извергались непрерывным потоком. Но бешенство, словно огонь, пожирало его.

Грант выскочил из дома, проглотив пару кусочков тоста и три глотка кофе, и почти бегом влетел в гараж. Было слишком рано, чтобы надеяться на такси, быстрее будет, если он поедет на собственной машине.

Успел ли Ллойд прочесть газеты?

Если он обычно не выходит из дому до одиннадцати часов, то, должно быть, не завтракает раньше девяти. Гранту очень хотелось быть на Бритт-Лэйн, 5, до того, как Ллойд откроет утреннюю газету. Это было бы наслаждением, огромным наслаждением — увидеть, как Ллойд читает новости. Он убил, чтобы сохранить эту тайну для себя, чтобы быть уверенным, что слава достанется ему, а сейчас тайна стала сенсационной новостью с первых страниц газет, а слава принадлежит его сопернику. О, Боже милосердный, сделай так, чтобы он еще не читал об этом!

Гранту пришлось дважды позвонить в дверь на Бритт-Лэйн, 5, пока ему, наконец, открыли, но это не симпатичный Махмуд открыл дверь, а полная женщина в фетровых шлепанцах.

— Дома ли мистер Ллойд? — спросил он.

— Ох, мистер Ллойд уехал на день или два.

— Когда он уехал?

— В четверг после обеда.

— Когда вернется?

— Они уехали только на пару дней.

— Они? Махмуд тоже?

— Конечно же, Махмуд тоже. Мистер Ллойд куда не ездит без Махмуда.

— Понимаю. Вы можете дать мне его адрес?

— Охотно, если бы он у меня был. Но они не просят пересылать им почту, когда уезжают всего на день-два. Вы хотите оставить им записку? Может быть, вы придете еще раз? Они должны вернуться сегодня после обеда.

Нет, он не оставит записку. Он придет еще раз. Не важно, как его фамилия.

Он чувствовал себя так, словно человек, который слишком резко затормозил и вылетел с трассы. Когда он шел к машине, то припомнил о том, что Тед Куллен через несколько минут прочтет об этой истории, если уже не прочел. Грант вернулся в свою квартиру, где его уже в прихожей с облегчением приветствовала миссис Тинкер.

— Слава Богу, вы уже вернулись. Этот американский парень обрывает телефон и хочет сделать что-то ужасное. Я бегу туда и обратно между раковиной и телефоном, как... — Телефон зазвонил. — Вот! Это опять он!

Грант поднял трубку. Это действительно был Тед, и он действительно был взбешен.

— Так он лгал! — кричал Тед. — Этот тип лгал! Конечно же, Билл ему все рассказал!

— Да, конечно, лгал. Послушай, Тед... послушай. Нет, ты не можешь пойти и сделать из него желе... Да, конечно, ты можешь пойти к нему домой, я в этом не сомневаюсь, но... Послушай, Тед! Я был у него дома... Да, так рано. Я прочел газеты раньше тебя... Нет, я не избил его. Я не мог... Нет, не потому, что я трус, а потому, что он уехал... Да. В четверг... Я не знаю. Я подумаю об этом. Дай мне время до ленча. Ты вообще мне доверяешь? ... Ну, так поверь и на этот раз. Мне нужно время, чтобы подумать... Чтобы найти какое-то обоснование, разумеется... Я расскажу все это в Скотленд-Ярде, конечно же, и, конечно же, они мне поверят. Я имею в виду, моему рассказу о визите Билла к Ллойд и тому, что Ллойд солгал мне. Но доказать, что Шарль Мартин на самом деле был Биллом Кенриком — это трудная вещь. До обеда я буду составлять отчет для Скотленд-Ярда. Приходи ко мне к часу дня, и мы вместе съедим ленч. А потом мне надо будет передать это дело властям.

Сама эта мысль была ненавистна ему. Это была его личная борьба. Это была его личная борьба с самого начала. С той минуты, когда он взглянул сквозь открытую дверь купе на мертвое лицо незнакомого парня. С момента его встречи с Ллойдом эта борьба стала для Гранта в тысячу раз более личной.

Он уже начал составлять отчет, когда вспомнил, что все еще не забрал бумаги от Картрайта, поднял трубку, набрал номер коммутатора и попросил соединить с Картрайтом. Не мог ли бы Картрайт найти какого-нибудь посыльного и прислать ему эти документы? Он, Грант, страшно занят. Сегодня суббота, и он хочет привести в порядок все свои дела перед тем, как опять вернется на работу в понедельник. Он будет ему весьма признателен.

Грант вернулся к своему отчету и был настолько занят им, что только туманно осознал: миссис Тинкер принесла вторую, послеобеденную почту. Его взгляд упал на конверт, который лежал перед ним на столе. Это был элегантный конверт, из дорогих, толстый, адрес был написан узким, наклонным, неразборчивым почерком, который одновременно был причудливым и броским.

Грант никогда не видел почерка Герона Ллойда. Но он немедленно узнал его и осторожно отложил ручку в сторону, словно странное письмо было бомбой, и любое неосторожное движение могло вызвать взрыв.

Письмо было отправлено из Лондона.

11

Письмо было написано в четверг утром.

«МОЙ ДОРОГОЙ МИСТЕР ГРАНТ!

Или, быть может, уместнее было бы сказать «инспектор»? О да, я знаю, кто вы. Мне понадобилось не слишком много времени, чтобы узнать это. Мой великолепный Махмуд обладает более выдающимися детективными способностями, нежели любой из ваших многообещающих любителей на Эмбанкмент. Но я не стану обращаться к Вам официально, потому что это письмо — личное. Я пишу Вам, как один уникальный человек другому уникальному человеку, достойному внимания. По правде говоря, я потому представляю эти факты Вам, а не прессе, что Вы — единственный из англичан, кто на какой-то момент поразил меня.

И, разумеется, потому, что я уверен в вашем интересе. Этим утром я получил письмо от своего последователя, Поля Кинси-Хьюитта, где он пишет о своем открытии, сделанном в Аравии. Это письмо было прислано из редакции «Морнинг Ньюз» по его просьбе, до того, как в газете будет опубликовано сообщение. Жест вежливости, за который я ему благодарен.

По иронии судьбы, молодой Кенрик собирался и ему рассказать о существовании долины. Я часто виделся с молодым Кенриком во время его пребывания в Лондоне, и так и не смог обнаружить в нем хоть что-то, что предсказывало такую великую судьбу. Он был весьма заурядным молодым человеком. Проводил свои дни, бездумно летая на механическом устройстве над пустыней, которую люди покоряли только страданиями и смелостью. Он был полон планов: я должен был обеспечить его транспортом, а он повел бы меня к этой своей находке. Но это, разумеется, было абсурдом. Не для того я прожил свою жизнь и стал знаменитым исследователем пустынь, чтобы меня вел к открытию какой-то наблюдатель за приборами из закоулков Портсмута; чтобы я был для него поставщиком транспорта, погонщиком верблюдов. Невозможно было даже подумать о том, что этот юнец, который из-за каприза климата, благодаря случаю наткнулся на одно из величайших открытий на свете... он не должен был питать иллюзий, что ему будет позволено извлечь выгоду за счет людей, которые всю свою жизнь посвятили исследованиям.

Насколько я могу судить, единственным достоинством этого молодого человека (почему Вы посвятали так много своего внимания этому скучному образчику человеческой массовой продукции?) была огромная сдержанность. В словах, разумеется; не поймите меня превратно. А с моей точки зрения было очень важно, чтобы он не распустил свой язык.

Поскольку он условился 4 марта встретиться со своим приятелем в Париже (бедная прекрасная Лютеция, которую вечно насилуют варвары), у меня было неполных две недели, чтобы все подготовить. Собственно, мне и не нужно было двух недель. При необходимости я мог бы все организовать и за два дня.

Однажды во время поездки ночным поездом в Шотландию я не лег спать, потому что хотел написать несколько писем и отправить с первой станции. После того, как я их отправил, глядя на перрон, я подумал о том, как легко было бы можно сойти с

поезда незамеченным. Проводник принял новых пассажиров, а потом вернулся к своим делам. Поезд стоял у совершенно пустого перрона, пока загружали багаж в дальние вагоны. Человек, которому удалось бы доехать так далеко незамеченным, мог бы сойти с поезда, и никто и никогда вообще не узнал бы, что он там был.

Память об этом стала первой из двух предпосылок моей идеи.

Второй было то, что я обладал документами Шарля Мартина.

Шарль Мартин был моим механиком. Он был единственным европейцем и единственным механиком (что за жалкое, но подходящее слово!), которого я когда-либо нанимал. Я нанимал его на время моей наиболее неудачной, наполовину механизированной экспедиции, потому что мои арабы (к сожалению, хотя и учатся быстро) не имели технических способностей. Он оказался отвратительным созданием, которого не интересовало ничто, кроме двигателей внутреннего сгорания, и всячески избегал выполнять какую-либо другую работу по лагерю, поэтому я не огорчился, когда он умер посреди пустыни. К тому времени мы поняли, что машины нам больше мешают, нежели помогают, и решили оставить их, так что Мартин фактически уже не был нужен. (Нет, я не имел ничего общего с его смертью, в этом случае Небо само распорядилось). Никто не спрашивал о его документах, а поскольку маршрут проходил от одного побережья до другого, мы не вернулись в тот город, в котором я нанял его. Его бумаги лежали в моем багаже, как вещь, не интересовавшая ни меня, ни других, и вернулись со мной в Англию.

Я вспомнил о них, когда возникла необходимость заставить замолчать молодого Кенрика. Кенрик был очень похож на Шарля Мартина.

Кенрик составил такой план, что он станет новым Картером и Паттерсоном Востока, а потом я присоединюсь к нему, и мы вместе организуем нашу экспедицию. Он очень часто приходил ко мне на Бритт-Лэйн, чтобы обсуждать маршруты и упиваться перспективами ожидающего его будущего, и я забавлялся, наблюдая, как он несет всю эту чепуху, в то время как я спланировал и все подготовил для него совершенно иначе.

Он запланировал уехать в Париж ночным паромом 3 марта. Похоже, что он «коллекционировал» паромы. Он мог пройти много миль, чтобы на пароме переправиться через ручей, который можно было перейти по мосту, находящемуся в нескольких ярдах от него. Это, я думаю, был бы уже двухсотый его паром. Когда он сказал мне, что забронировал место на железнодорожном пароме, я сразу после его ухода на этот же вечер забронировал спальное место на поезд до Скуна на имя Шарля Мартина.

Когда мы встретились в следующий раз, я сказал, что уезжаю в Шотландию в тот же вечер, когда он уезжает в Париж, и предложил ему оставить свой багаж (у него было только два чемодана) в камере хранения на вокзале Виктория, рано поужинать со мной на Бритт-Лэйн и проводить меня на Юстон.

Ему всегда доставляло огромное удовольствие выполнять мои просьбы, и он согласился на это предложение, в чем я наперед был уверен. Мы поужинали блюдом из риса, котлет и абрикосов, которое Махмуд научил готовить миссис Лукас (надо все вместе долго тушить, чтобы блюдо пропиталось запахом абрикосов), и Махмуд отвез нас на Юстон. На вокзале я послал Кенрика за моим билетом в спальный вагон, а сам пошел найти свое купе. Потом я стоял на перроне и ждал Кенрика. В случае, если бы он удивился, почему я путешествую под именем Шарля Мартина, я мог бы объяснить это необходимостью путешествовать инкогнито, что при моей популярности было бы понятно. Но он ничего об этом не сказал.

Я почувствовал, что боги — на моей стороне, когда увидел, что проводник — старый Мэрдо. Вы не знаете старого Мэрдо. Он никогда за время своей карьеры не

удостоил вниманием ни одного пассажира. Когда он находится на работе, главная его цель — в первый же удобный момент запереться в своем купе и лечь спать.

Оставалось неполных пять минут до отправления поезда. Мы стояли, разговаривая, возле полуоткрытой двери купе, причем Кенрик стоял лицом к коридору. Скоро он сказал, что лучше будет, если он выйдет из вагона, а не то его могут завезти в Шотландию. Я показал на свой маленький несессер, который лежал рядом с ним на полке, и сказал: — Если вы откроете этот чемоданчик, то найдете там кое-что для себя. На память до нашей следующей встречи.

Он наклонился, с почти детским нетерпением, чтобы открыть оба замка. Позиция была идеальной. Я вытащил из кармана самое совершенное оружие, которое когда-либо было изобретено человеком для того, чтобы обезвредить ничего не подозревающего противника. У примитивного человека не было в пустынных странах ни ножа, ни ружья, но он сделал своим слугой песок. Достаточно куска тряпки и нескольких горстей песка, и череп лопается, как яичная скорлупа, без крови и других следов. Он только захрипел и упал вперед на чемодан. Я закрыл и запер дверь. Потом проверил, не течет ли у него из носа кровь. Кровь не текла. Я стащил его с полки и затолкал под нее. Это была моя единственная ошибка. Только половина пространства под полкой была свободна, а вторую занимала какая-то конструкция, и, несмотря на то, что Кенрик был худощавым и хрупким, его колени выглядывали из-под полки. Поэтому я снял пальто и бросил его так, чтобы оно свисало с полки и закрывало его ноги. Когда я расправлял складки пальто так, чтобы они выглядели естественно, раздался свисток. Я положил билет до Скуна вместе со спальным билетом на полку под зеркалом, где его мог увидеть Мэрдо, и прошел по коридору в туалет. Никого ничто не интересовало, кроме отъезда. Я заперся в туалете и ждал.

Спустя минут двадцать я услышал звук закрываемых по очереди дверей, это означало, что Мэрдо делает свой обход. Когда я услышал, что он находится в соседнем купе, то начал шумно мыться. Через некоторое время он постучал в дверь и спросил, не я ли — пассажир купе Б-7. Я сказал, что да. Он объявил, что нашел мои билеты и забрал их. Я услышал, как он прошел в следующий вагон и там принялся хлопать дверями. Тогда я вернулся в купе Б-7 и заперся там.

В моем распоряжении было три часа, чтобы довести свой замысел до совершенства.

Если вы когда-нибудь захотите быть уверенным в своем абсолютном покое, мой дорогой мистер Грант, купите себе спальный билет на север Шотландии. Нигде на свете вы не почувствуете себя настолько огражденным от чьего-либо вмешательства, как в спальном вагоне поезда после того, как проводник закончит свой обход. Даже в пустыне.

Я вытащил Кенрика из-под полки, потер его головой о край умывальника и положил его на полку. Проверка его одежды показала, что одевался он весьма космополитично. Его белье выглядело так, словно его стирали в реке Ганг, костюм был пошит в Гонконге, а его обувь — в Карачи. Его металлические часы были дешевыми, без имени и без инициалов. Я опорожнил его карманы и в один из них положил бумажник Шарля Мартина вместе со всем его содержимым.

Он все еще был жив, но перестал дышать, когда мы проезжали станцию Рагби.

С этого момента я менял декорации, как говорят в театре. И не думаю, чтобы я что-то проглядел, правда же, мистер Грант? Детали были совершенными — я имею в виду и волосы на умывальнике, и пыль на ладонях. В несессере, который я оставил, была моя старая одежда, поношенная и застиранная, похожая на ту, которую он привык носить; а еще тот французский реквизит, который я мог найти у себя: французский роман и Новый Завет. В несессере была очень существенная деталь: бутылка.

У Кенрика была необычайно крепкая голова. Разумеется, я имею в виду выпивку, а не результаты удара. Во время ужина я вливал в него виски, а потом угостил на дорогу такой порцией спиртного, что кто угодно содрогнулся бы при ее виде. По правде говоря, он посмотрел на эти полстакана чистого виски с некоторым сомнением, но, как я уже говорил, он всегда охотно шел мне навстречу, и выпил до дна. Он по-прежнему оставался трезвым, то есть выглядел трезвым. Но и его кровь, и его желудок были пропитаны виски, когда он умер.

Когда за окном появились огни нужной мне станции, я завершил свое дело. Я положил на пол начатую бутылку виски и покатал ее взад-вперед по коврику. Когда поезд начал притормаживать, я открыл дверь, захлопнул ее за собой и пошел вдоль поезда, пока не прошел несколько вагонов. Постоял, словно меня интересовало движение на станции, небрежно сошел на перрон и удалился. В шляпе и пальто, я не выглядел как пассажир, и никто не обратил на меня внимания.

Я вернулся в Лондон поездом, который отправлялся в полночь. В половине четвертого утра он прибыл на вокзал Юстон. Я был так взволнован, что всю дорогу до дома прошел пешком. Я словно не шел, а летел. Я сам отпер дверь, и в половине восьмого спокойно спал, когда Махмуд пришел разбудить меня и напомнить, что в половине десятого у меня назначена встреча с представителями парижского журнала.

Пока вы не пришли ко мне, мне ничего не было известно об этих словах, нацарапанных на газете, которая находилась в кармане его пальто. Признаюсь, на какой-то момент я был поражен тем фактом, что пропустил это, но сразу успокоился, потому что это не имело большого значения. Это ни в чем не преуменьшало моего уникального достижения. Я оставил эту жалкую газетенку как элемент декорации. И даже если okazało się, что на ней были слова, написанные рукой Билла Кенрика, это все равно не изменило тот факт, что молодой человек был официально признан Шарлем Мартином.

На следующий вечер, в часы пик, я поехал на вокзал Виктория и забрал из камеры хранения оба чемодана Кенрика. Я забрал их домой, удалил с них все этикетки производителей и другие предметы, которые легко было идентифицировать, запаковал в мешки и послал благотворительной организации, которая занимается беженцами с Ближнего Востока. Если вы, мой дорогой мистер Грант, когда-нибудь захотите от чего-то избавиться, не надо это сжигать. Достаточно послать на далекий остров в южных морях.

Уверенный в том, что замечательно сдержанный язык молодого Кенрика навсегда останется сдержанным, я наперед радовался плодам своих трудов. Действительно, вчера пришло подтверждение, что я получу соответствующую сумму на свою экспедицию, и я запланировал лететь на будущей неделе. Сегодняшнее письмо от Кинси-Хьюитта все меняет. Плоды моих трудов у меня отняли. Но никто не может отнять у меня само мое достижение. Если я не могу стать известным как открыватель Вабара, то буду известен как автор единственного безупречного убийства, которое когда-либо было совершено.

Я не в состоянии держать факел при триумфальном возвращении Кинси-Хьюитта. И я слишком стар, чтобы достичь собственных триумфов. Но я могу зажечь огонь, перед которым поблекнут факелы на алтаре Кинси-Хьюитта. Мой погребальный костер станет маяком, который осветит всю Европу, а совершенное мной безупречное убийство — волной прилива, которая сметет Кинси-Хьюитта и Вабар в мусорные корзины прессы всего мира.

Этим вечером я зажгу свой погребальный костер на вершине высочайшей горы Европы. Махмуд не знает об этом. Он думает, что мы летим в Афины. Но он столько лет был рядом со мной, что без меня чувствовал бы себя очень несчастным. Поэтому я забираю его с собой.

Прощайте, мой дорогой мистер Грант. Меня огорчает, что человек с таким интеллектом, как Ваш, будет продолжать губить свой талант в такой глупой организации на Эмбанкмент. Ваше открытие, что Шарль Мартин был не Шарлем Мартином, а человеком по фамилии Кенрик, свидетельствует о высоком уровне Вашего интеллекта, и я выражаю Вам свое восхищение. Но вы не смогли доказать, что он не умер в результате несчастного случая. И чего никто не сможет доказать — так это факта, что человек, который его убил — это я.

Прошу принять это письмо как выражение моего уважения и как прощение. Миссис Лукас вышлет его в пятницу утром. Герон Ллойд».

Грант осознал, что миссис Тинкер привела Теда Куллена в комнату, и что она должна была раньше входить сюда, потому что перед ним на столе лежал конверт из Скотленд-Ярда.

— Ну? — сказал Тед, его лицо все еще было гневным. — Куда мы пойдем?

Грант протянул ему страницы письма Ллойда.

— Что это?

— Прочти.

Тед взял страницы, словно сомневаясь, взглянул на подпись и начал читать. Грант воткнул большой палец в конверт, присланный Картрайтом, и разорвал его.

Когда Тед закончил читать, то поднял голову и ошеломленно уставился на Гранта.

— Это все — липкое от грязи.

— Да. Отвратительное.

— Воплощение тщеславия.

— Да.

— Так вот чем была та катастрофа, о которой писали во вчерашних вечерних газетах. Самолет, который сгорел на вершине Монблана.

— Да.

— Несмотря ни на что, он чуть не выкрутился из этой истории.

— Нет.

— Нет? Но ведь он все хорошо продумал?

— Они не в состоянии продумать все.

— Они?

— Убийцы. Ллойд забыл о такой простой вещи, как отпечатки пальцев.

— Вы хотите сказать, что он проделал все без перчаток? Я не верю этому?

— Разумеется, он действовал в перчатках. Ни на чем, к чему он прикасался в купе, не было его отпечатков пальцев. Он забыл о том, что в купе было что-то, с чем он имел дело раньше.

— Что это было?

— Документы Шарля Мартина, Новый Завет и французский роман. — Грант щелкнул пальцами над документами, которые лежали на столе. — Все это покрыто отпечатками пальцев Ллойда. Они не в состоянии продумать все.

12

— Вы прямо как жених, — сказал довольный сержант Уильямс, торжественно и с помпой приветствуя Гранта в понедельник утром.

— Ага, и сейчас, наверное, меня начнут осыпать рисом. Как там сегодня ревматизм нашего старика?

— О, я думаю, очень хорошо.

— Что он курит? Трубку? Или сигареты?

— Трубку.

— Тогда я пошел, пока барометр все еще указывает на хорошую погоду.

В коридоре он встретил Теда Ханну.

— Как ты наткнулся на Арчи Брауна? — спросил Ханна, когда Грант поздоровался с ним.

— Он сочинял в отеле эпическую поэму на гэльском языке в тех местах, где я проводил отпуск. А эти его «вороны», кстати, — это иностранные рыбацкие суда.

— Да? — Ханна застыл. — Откуда тебе это известно?

— Они встречаются на вечеринках. Это старый метод «не желаете ли закурить-нет-нет-возьмите всю пачку».

— Ты уверен, что это на самом деле были не сигареты?

— Абсолютно уверен. Я опустошил его карман во время фигуры танца под названием Большая Цепь и вернул все на место во время следующего танца.

— Только не говори мне, что ты был на деревенской вечеринке!

— Ты будешь удивлен, но я там даже танцевал! Я сам был слегка удивлен этим.

— Похоже, отпуск пошел тебе на пользу, — усмехнулся Ханна. — Я никогда раньше не видел у тебя такого довольного выражения. Ты почти мурлыкаешь.

— Как говорят на далеком Севере, я не поменялся бы местами даже с королем, — проговорил Грант, и он на самом деле так думал.

Он был так счастлив не потому, что намеревался вручить Брайсу рапорт, даже не потому, что опять он стал самим собой; он был счастлив от того, что молодой Куллен сказал ему в аэропорту сегодня утром.

— Мистер Грант, — сказал Куллен, выпрямившись, так торжественно, словно провозглашал прощальное официальное заявление. — Я хочу, чтобы вы знали: я никогда не забуду того, что вы сделали для меня и Билла. Вы не можете вернуть мне Билла, но вы сделали нечто прекрасное: вы сделали его бессмертным.

И действительно, он этот сделал. Пока будут писать книги и пока будут их читать, Билл Кенрик будет жить. И это именно он, Алан Грант, сделал это. Билла Кенрика похоронили на глубине шести футов и забыли, но он, Алан Грант, откопал его и поставил на надлежащем ему месте открывателя Вабара.

Он оплатил свой долг перед мертвым юношей из купе Б-7.

Брайс вежливо приветствовал его, сказал, что он хорошо выглядит (что не считалось, потому что он это уже говорил во время их последней встречи), и предложил Гранту поехать в Хэмпшир по вызову тамошней полиции, который как раз пришел.

— Если вам не все равно, я бы хотел сначала избавиться от дела об убийстве Кенрика.

— Избавиться от чего?

— Вот мой письменный отчет по этому делу. — Грант положил перед Брайсом толстую пачку страниц, которые были результатом его приятного воскресенья, проведенного дома.

И в этот момент он вдруг вспомнил, неясно и с удивлением, что собирался положить перед Брайсом свое заявление об отставке.

Что за странные мысли приходят в голову во время отпуска!

Он собирался пойти в отставку, стать фермером, выращивать овец или заниматься чем-то еще, и жениться.

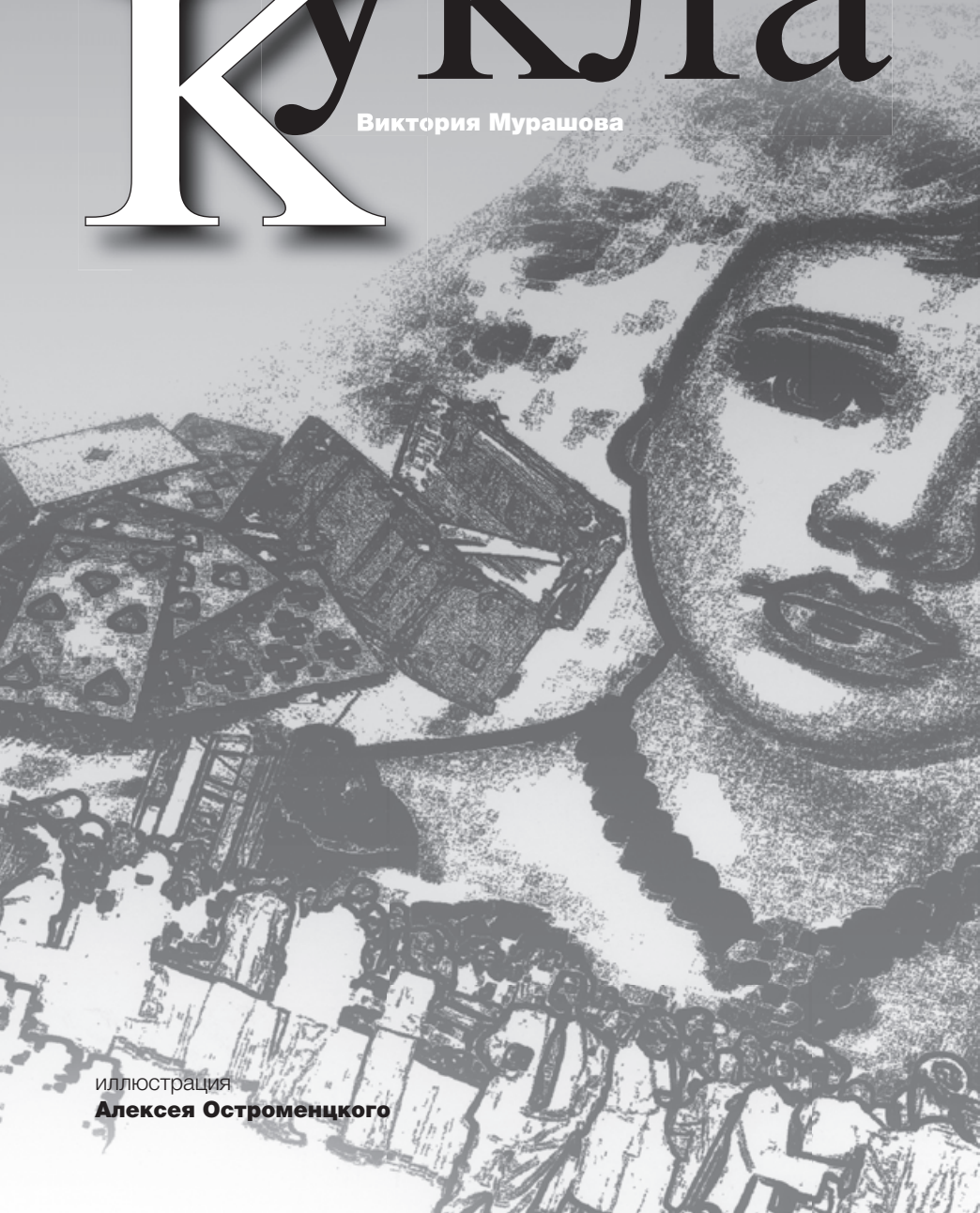
Что за необычная идея! Абсолютно неуместная идея. □

Перевод с английского **Евгении Бугаевой.**

ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ ФАРФОРОВАЯ

Жушла

Виктория Мурашова

иллюстрация

Алексея Остроменцкого

Зимнее солнце заливало ярким светом огромный зал, пол которого был выстлан редчайшим — черным — паркетом. Стены же, напротив, были в свое время отделаны тонкими пластинами мрамора почти белоснежного, но с легким розоватым оттенком. И толпа людей, отнюдь не маленькая, все равно свободно разгуливала по этому экзотическому помещению, разглядывая выставленные на столах и полках предметы, переговариваясь друг с другом, потягивая белое вино из тонких высоких бокалов, которое разносили молчаливые, почти незаметные официанты. Посмертная выставка скульптора-художницы Аделаиды Лодзиевской, считавшейся до последнего времени одной из первых красавиц московского «высшего общества».

«Мама была бы счастлива, — с легкой иронией подумал ее сын, Андрей, со стороны наблюдавший за «мероприятием». — Все в высшей степени «комильфо», мужчины исключительно в смокингах, а дамы — в вечерних платьях. Золото, платина, бриллианты, запах безумно дорогого парфюма, и не плебейское шампанское, а итальянское легкое вино. И все заняты исключительно ею — ее творчеством, ее судьбой, рассматриванием ее портрета. Да, матушка хотела бы именно такой памяти о себе. Что ж, она ее получила... Впрочем, она всегда получала именно то, что хотела...»

Гости действительно уделяли больше всего внимания портрету, на котором Аделаида — черноволосая и черноглазая, похожая скорее на итальянку, чем на русскую, — была изображена во всем блеске молодости и красоты. Впрочем, она и умерла год тому назад молодой и прекрасной. Те, кто не знал, сколько лет ей на самом деле, никогда не давали надменной красавице больше тридцати, хотя и понимали полную абсурдность такой оценки: Андрею, ее сыну, было уже около сорока, и он это не скрывал ни от кого, напротив, даже немного бравировал «преклонным возрастом».

«Мама могла бы прожить еще лет тридцать-сорок, — продолжал размышлять Андрей. — Зачем она так поступила? Впрочем, это ведь была не первая пластическая операция в ее жизни. Кто же знал, что обыкновенная подтяжка лица закончится так плачевно? Занесли вирус гепатита — и абсолютно здоровая женщина сгорела буквально за месяц. А ведь как я ее просил, чуть ли не в ногах валялся: не нужно, не рискуй здоровьем, все и так прекрасно. Но она же всегда поступала по-своему... И вот уже год, как ее нет. Хорошо, что отец не дожил...»

Портрет отца Андрея висел на одной из боковых стен, причем случайно или намеренно был размещен так, что глаза мужчины были прикованы к изображению его молодой жены. Его вечно молодой жены.

Сам он скончался в семьдесят с небольшим, когда Аделаиде было за тридцать, но тогда она выглядела от силы на двадцать пять. А после смерти мужа и вовсе оказалась подчиняться влиянию времени: ни одной морщинки, ни одного седого волоса, изумительно стройная фигура...

Московские и заморские женихи отчаялись уговорить вторично выйти замуж красавицу-вдовушку, обладавшую, к тому же, немалым состоянием. Она предпочла оставаться одинокой и... стать знаменитой. Самое интересное — ей это удалось, хотя мало кто верил, что избалованная светская красавица овладеет мастерством изготовления оригинальной керамики, а вместо наивных акварелек станет создавать так называемые «живые картины» — основы с закрепленными на них различными, порой самыми неожиданными, предметами.

Первоначально ее творения имели успех лишь под влиянием магии имени знаменитого мужа, но потом стало считаться хорошим тоном приобрести хотя бы

одну вещь «от Лодзиевской», хотя стоили эти вазы, скульптуры и панно очень и очень недешево. Сам же Андрей ни за какие деньги не поместил бы в своей собственной комнате хоть что-то из этих изысканных произведений. Слишком уж изысканными они были. И слишком холодными. Точная копия своей создательницы...

Правда, одну вещь он все-таки оставил в своем кабинете, хотя сама художница любила ее меньше других. Это был большой, круглый металлический поднос с прикреплёнными к нему в каком-то фантастическом порядке игральными картами. Почему Аделаида создала эту вещь, почему назвала ее «Судьба» — она и сама не знала. Создала — и засунула подальше, в чулан, где ее и отыскал Андрей лишь после смерти матери.

На этот великосветский вернисаж «Судьба» не попала: во-первых, она диссонировала со всеми остальными экспонатами, а во-вторых, все экспонаты можно было копировать. Кроме портрета самой Аделаиды, разумеется. Поднос с картами висел над камином в кабинете — самым что ни на есть настоящим камином, который можно было растопить и часами любоваться причудливой игрой огня. После смерти отца этот кабинет стал излюбленным местом Андрея, он там даже спал на старинном сафьяновом диване, практически игнорируя все остальные комнаты в квартире.

«Почему я не люблю свою собственную комнату? — лениво думал Андрей. — Мама обставляла ее для меня с такой любовью, когда я подросток и твердо решил продолжать дело отца. Настоящая мужская спальня, стильная, строгая и... холодная. В ней никогда не было по-настоящему уютно, кроме тех ночей, когда рядом была Жанна...»

Жанна... Как давно он ее не вспоминал — эту своенравную и нежную дикарку, «богемную девочку», как за глаза звала ее Аделаида, мгновенно невзлюбившая избраницу сына. О, конечно, она этого никому и никогда не показывала, обращаясь с девушкой так изысканно-вежливо, словно та была принцессой крови. Но выглядело это злой насмешкой: мать умела делать такие вещи, как никто. Движением брови поставить на место зарвавшегося собеседника, взмахом ресниц установить дистанцию между собой и неприятным ей человеком. Королева мимики и жеста...

— О чем так глубоко задумались, юноша? — услышал Андрей мужской голос. — Да еще в угол забились от людей подальше...

Он поднял глаза и увидел, что к нему подошел давний друг его отца и верный поклонник матери — Иван Иванович Демин, знаменитый своими мозаиками и фресками. Правда, знаменит он был только в кругу знатоков: правительственных заказов, в отличие от своего друга, не жаловал. В прежние времена жил тем, что расписывал стены клубов и Домов культуры в глубинке — подальше от начальственного всевидящего ока. Теперь же ни один, спроектированный Андреем дом, не обходился без участия Ивана Ивановича.

«Маленькие шедевры», — ахали восхищенные заказчики, которые первоначально с большим скепсисом относились к идее цветных витражей в гостиной или мозаичного пола в холле. Но Андрей таких капризов не терпел и тут же предлагал заказчику поиска другого архитектора, а более тонким вкусом.

Охотников на это не находилось, и Иван Иванович процветал, хотя работал над каждым заказом долго, кропотливо и только собственноручно. Андрей подозревал, что практически все гонорары уходили на подношения его матери, но прямыми доказательствами не располагал.

— Да так, ни о чем, — улыбнулся Андрей в ответ. — Ни о чем и обо всем сразу. Например, о том, почему мама терпеть не могла свою лучшую работу и никогда больше ничего не делала в таком стиле.

— Ты это о чем? — удивился Иван Иванович. — А дочкины работы, царствие ей небесное, я все знаю, не хуже своих. О какой речи?

— О «Судьбе».

— Какой судьбе?

— Панно так называется — «Судьба». Мельхиоровый гладкий поднос, а на нем — карточный расклад. У меня в кабинете висит.

— Панно помню, вещь изысканная. Но никогда не думал, что это... Странно. Действительно, совсем не в ее стиле. Может быть, этот карточный расклад что-то обозначает?

— Не думаю, — покачал головой Андрей. — Мама всегда была абсолютно равнодушна ко всем этим гаданиям, ворожбе, волшебствам. Как и отец...

— Отец-то действительно был большим скептиком, но вот Адочка... Мне кажется, это было чисто внешне. Она ведь была верующей...

— Мама?!

Иван Иванович грустно усмехнулся.

— Действительно, дети плохо знают своих родителей. При жизни твоего отца она, конечно, старалась его этим не раздражать, но когда овдовела... Впрочем, церковь посещала регулярно, и посты соблюдала, и исповедовалась.

— Откуда вы знаете?

— А оттуда, милый юноша, что я — ее крестный отец. Хотя взрослым людям можно, в принципе, и без крестных обходиться, но я сам отвез ее к одному своему знакомому батюшке, в подмосковный приход. Там все и произошло, келейно, так сказать. Потом она уже сама к нему ездила. Последний раз просила благословить на операцию...

— И?

— И не получила благословения, — сухо проговорил Иван Иванович. — Но все равно сделала по-своему, а вот почему впервые в жизни священника слушалась, так то даже мне не ведомо. Когда я был у нее в больнице последний раз, она говорила со мной из-за ширмы: не хотела, чтобы я ее больную видел. И сказала, что... Подожди, она сказала какую-то очень странную фразу, я даже переспросил...

— Вот ты где! — раздался звонкий женский голосок. — А я тебя по всему залу высматриваю. Что же ты гостей бросил?

Меньше всего сейчас Андрею хотелось общаться именно с обладательницей этого звонкого голоса. Лелечка, его последняя подружка, топ-модель, объект зависти всех знакомых мужчин. Роскошная русоволосая синеглазка, с ногами непомерной длины и эталонной фигурой.

Правда, главным ее достоинством в глазах Андрея было то, что девушка без напряжения могла молчать часами: полировать и без того безупречные ногти, задумчиво курить длинную сигарету, разглядывать любые картинки — хоть в энциклопедии, хоть в модных журналах. Она раздражала Андрея меньше всех остальных женщин, но... Но молчаливость компенсировалась почти полным отсутствием интеллекта: разговаривать Лелечка могла только на самые простые темы, и разнообразием, равно как и обширностью, ее словарь не отличался.

— Я тебе нужен? — спросил Андрей.

Надо же было ей вклиниться на самом интересном месте!

— Мне? Нет, зачем? Мы же никуда не едем сегодня, а в постель идти еще рано...

— Леля, мы не одни, — сквозь зубы прошипел Андрей.

— А что такого я сказала? Мы же в основном в постели...

— Леля!!

Интонации девушка понимала гораздо лучше, чем слова. Нисколько не обидевшись, она кончиками пальцев послала Андрею воздушный поцелуй и удалилась сво-

ей фирменной походкой. Андрей с нетерпением обернулся к Ивану Ивановичу, но того уже ангажировал какой-то длинноволосый то ли кинокритик, то ли искусствовед, и, судя по всему, прерывать начатую беседу собирался не скоро.

Андрей сделал маленький глоток вина из бокала и чуть заметно поморщился. Очень изысканно, конечно, но лично он предпочитает что-нибудь посолиднее. Глоток бренди, например. Или рюмочку хорошего марочного коньяка. Но матушка давно вбила ему в голову, что на светских мероприятиях немислимо подавать крепкие напитки, иначе неизбежно скатиться до уровня богемы. А мы, Лодзиевские...

«А мы, Лодзиевские, таких голубых кровей, что можно подумать — прямиком от Габсбургов или Бурбонов происходим. Впрочем, в дальних родственниках у отца, кажется, числились и Понятовские, и Браницкие. Но только что числились, да и намекала на это, в основном, мама, отец помалкивал. Чудо, что с такой родословной он уцелел в нашей сумасшедшей стране. И еще большее чудо, что жил он так, будто являлся подданным какой-нибудь европейской страны...»

Действительно, сколько Андрей себя помнил, в доме всегда было полно прислуги. Домработницы, как таковой, не было, зато имелись домоправительница, горничная, кухарка и шофер, а также приходящие полотеры, мойщики окон, приглашаемые на вечер официанты и повара.

У маленького Андруши была няня, потом ее сменила гувернантка-немка. Английскому и французскому мальчика тоже обучали дома, по какой-то особой методике, а итальянскому — профессиональному языку архитекторов — сам отец, находя для этого несколько часов в неделю, как бы он ни был занят.

«Вот и получилась династия, где я — зодчий чуть ли не в пятом поколении. И, наверное, последний отпрыск старинного рода: на мне он благополучно и прервется».

Сначала Ада отвергла всех потенциальных невест, предъясняя будущей снохе и матери своих внуков совершенно немислимые, по современным меркам, требования, потом сам Андрей привык к беззаботной холостяцкой жизни и уже сам пресекал попытки матери сосватать ему ту или иную «подходящую девушку».

Со всеми этими девушками, обладавшими безупречными манерами, тонким вкусом и, разумеется, прекрасным образованием, ему было нестерпимо скучно. А уж лечь с такой в постель — все равно, что положить на супружеское ложе прекрасную говорящую куклу, которая никогда не допустит никакого промаха, будет говорить только то, что следует говорить, и делать то, чего от нее хотят. Потому что своего «я» при такой свекрови, как Аделаида, ни у кого быть не могло по определению. Даже при жизни отца домашние проблемы решались исключительно хозяйкой.

А уж когда она овдовела... Фраза: «Мы, Лодзиевские» звучала в их доме не реже трех раз в неделю. Собственно говоря, Лодзиевским-то был отец Андрея, тоже Андрей, только Антонович, известнейший советский архитектор. Судьба словно ворожила ему: в самые трудные времена он, чистокровный поляк, аристократ, никогда этого не скрывавший, равно как и не желавший вступать в партию, был обласкан всеми властями, с которыми ему довелось работать.

Андрей Антонович, тогда еще — Анжей, родился в начале века в Варшаве, но перед самым началом Первой мировой войны родители надумали перебраться в Россию. Им казалось, что там их состояние и их единственный сын и наследник будут в большей безопасности, нежели в Польше, по которой любая европейская война проходила безжалостным катком. Четырехлетним ребенком Анжей оказался в Москве, и этот «варварский» город, с его «сорока сороками» пестрых церквей и лабиринтом узеньких переулков показался ему какой-то очередной сказкой.

Но через несколько лет сказка превратилась в кошмар. Обстреливали Кремль, по улицам ходили страшные бородатые люди в солдатских шинелях и матросских

бушлатах, прислуга разбежалась, роскошная барская квартира на Остоженке то и дело подвергалась нашествиям каких-то ревизий и комиссий. Правда, в Польше, по слухам, было еще хуже. Решили кружным путем добираться до Франции, где осталась богатая и влиятельная родня, но тут свалилась новая напасть: тиф.

Мать Анджея, ослабевшая от всех испытаний и переживаний, умерла всего через три дня, почти сразу впад в беспамятство. Ей, признанной польской красавице, которой не исполнилось еще и тридцати лет, и в голову не приходило, что жизнь может быть такой жестокой, грязной и холодной.

В шестнадцать лет она, Юзефа Понятовская, богатая невеста, встретила не слишком родовитого, но уже знаменитого и состоятельного архитектора — Анатоля Лодзиевского, и через несколько месяцев, сломив сопротивление сановной родни, вышла замуж. Вопреки всем предсказаниям, брак был очень счастливым, но наступившее время не благоприятствовало семейному благополучию...

Где похоронили мать, Анджей не знал — сам был в беспамятстве, как и его отец. Но обоим каким-то чудом удалось выздороветь и даже добраться до Киева, где вот-вот должна была начаться нормальная жизнь. Но она все не начиналась и не начиналась, а потом главным стало — найти средства к существованию, поскольку Франция с ее банком, где хранилась большая часть состояния Лодзиевских, все еще была недосыгаема.

А потом... потом Лодзиевскому-старшему расхотелось рисковать жизнью ради призрачной возможности снова стать богатым аристократом, и он тихонечко стал устраиваться в немного похожем на Варшаву городе, благо поляков там было предостаточно. Нашлись заказчики, появилась мастерская, сын пошел в школу, где получал хоть и бесплатное, но сравнительно неплохое образование. Остальному он обучал его сам, а в начале тридцатых отправил в Москву, получать уже высшее образование, поскольку юноша явно был более чем талантлив.

В следующий раз Андрей увидел отца лишь тогда, когда приехал на его похороны. Сердце старого аристократа не выдержало одиночества, бессмысленных требований всевозможных начальников, начала чего-то непонятного, темного и страшного, надвигавшегося на страну. Оказалось, что быть дворянином — смертельно опасно. А еще оказалось, что своей смертью Анатолий Лодзиевский избавил сына от клейма «сына ссыльного». Против этого был бы бессилён любой талант.

Зато, похоронив отца, Андрей с чистой совестью писал во всевозможных анкетах о том, что он — круглый сирота, что родители скончались не в эмиграции или в ссылке, а где положено, и что родственников у него вообще не имеется — ни близких, ни дальних. И даже о том, что родился в Варшаве, не упоминал: сделал местом своего рождения Москву. И та в долгу не осталась.

Когда в середине тридцатых годов студент последнего курса архитектурного института получил первое место на конкурсе проекта дворца культуры для одного из московских районов, никто и представить себе не мог, что этот проект случайно попадет на глаза самому главному человеку в стране. И что проект этот будет абсолютно соответствовать его собственному вкусу, хотя он мало что смыслит в архитектуре. Но это случилось — и молодой архитектор начал делать совершенно фантастическую карьеру, став тем самым исключением, которое подтверждало общее правило.

Андрей Анатольевич был лауреатом всех мыслимых премий и кавалером многочисленных орденов, его проекты неизменно завоевывали первые места и золотые медали на всевозможных конкурсах, столица была (и по сей день) обязана ему несколькими десятками монументальных сооружений, спроектированных, кстати, с отменным вкусом, и посему оказавшимися как бы вне эпох и модных архитектур-

ных течений. На зданиях, спроектированных в мастерской Лодзиевского, стояла как бы незримая печать избранности, элитности, что особенно почиталось номенклатурой во все времена.

И в личной жизни все складывалось превосходно: в тридцать лет Андрей женился на красавице-украинке, жившей с ним в Киеве по соседству. Когда он уезжал учиться в Москву, он оставил голеностого, невзрачного подростка, о будущей привлекательности которого говорили только огромные черные глаза с длинными ресницами. А через десять лет, оказавшись в Киеве по служебным делам, Андрей Анатольевич забрел к бывшему своему дому и навстречу ему выбежала...

В общем, Марина всегда любила своего соседа, так что предложение руки и сердца приняла с восторгом. Сыграли свадьбу, молодые уехали в Москву, а через год с небольшим Марина, беременная своим первенцем, уехала рожать к маме с папой, чтобы не отвлекать вечно занятого мужа от важной работы. Ребенок должен был родиться в начале августа, в середине июня Марина Лодзиевская в одноместном купе международного вагона отправилась в Киев. Точнее, 16 июня 1941 года...

Возможно, это покажется странным, но Андрей Анатольевич практически не пытался выяснить дальнейшую судьбу своей супруги и ребенка. Он считал, что жена предала его, бросила, не посчиталась с тем, что оставляет в этом мире совершенно одного. К тому же ее родители — когда-то довольно зажиточные крымские помещики, а потом — просто скромные служащие, явно должны были обрадоваться избавлению от ненавистных «Советов и декретов».

Впоследствии, когда Киев освободили, и Андрей Анатольевич уже после войны попал туда, то обнаружил, что был, в общем-то, прав. Новые жильцы кое-что поведали о судьбе его бывших родственников. Они знали, что пожилая супружеская чета с дочерью и младенцем-внуком уехали в Крым, «в свое имение под Гурзуфом». Там следы терялись навсегда: искать каких-то Гайченко Андрей Анатольевич не собирався, а если ребенок выжил и носит их фамилию, а не его... Значит, так судьба сложилась.

Марина так недолго пробыла в Москве, так быстро забеременела и вследствие этого так мало где бывала, что никто из окружения Андрея Анатольевича ее практически не запомнил. В глазах общественности он по-прежнему оставался холостяком и даже завидным женихом: не многие достигают такого положения, какого достиг он, к тридцати годам с небольшим.

Не говоря уже о полученной сразу после войны квартире — роскошной, барской квартире на любимой с детства Остоженке, по соседству с жильем его детства. От новостроек на улице Горького и в прочих престижных тогда местах Андрей Анатольевич отказался наотрез: слишком много «новой элиты» там собралось. А он терпеть не мог эту самую новую элиту, он и прежнюю-то с трудом переносил.

А в этой, расположенной на последнем этаже четырехэтажного «доходного дома», обустроивался с удовольствием, вкусом и комфортом. Больше всего внимания уделил, конечно, кабинету, но были и гостиная, и столовая, и спальня, и мастерская, и еще две комнаты, четкого определения функций которых не было, но одна из которых иногда служила гостевой спальней, а иногда — дополнительной гостиной, благо спроектирована квартира была с умом, и небольшую перепланировку путем открытия одних дверей и закрывания других можно было обеспечить легко и просто. Вторая же всегда стояла наглухо закрытой.

Далеко не красавец, хотя и обладавший определенным чисто мужским шармом, темноволосый, с яркими синими глазами, Андрей Анатольевич практически до пятидесяти с лишним лет вел жизнь то плейбоя, то отшельника, в зависимости от собственного настроения и количества заказов. Мог месяцами не вылезать из мастерской, а мог на пару недель отправиться к морю с очередной любовницей.

Но от брачных сетей и ловушек уходил легко и непринужденно, поскольку был, в общем-то, однолюбом, и прекрасно видел разницу в отношениях с действительно любимой женщиной и женщиной, в которую всего лишь влюблен. На продолжении рода и, соответственно, династии архитекторов Лодзиевских он давно поставил крест, считая, что все когда-то заканчивается, и вообще — нельзя иметь все сразу.

И вдруг в его мастерской появилась новая сотрудница — только что окончившая школу лаборантка, которая не прошла по конкурсу в Суриковское училище и теперь хотела поступать в архитектурный, а до этого набраться какого-нибудь опыта. Девочке повезло — она попала лаборанткой в мастерскую к «самому Лодзиевскому», о котором ходили самые невероятные слухи. Но то, что случилось с восемнадцатилетней девушкой, было совершенно невероятно и вообще попадало в разряд чудес.

Андрей Анатольевич порой не без кокетства утверждал, что семейная жизнь губит творческого человека как личность, и что его семья — это его работа. На ней и попался, когда на стол перед ним лег очередной, ждущий его подписи, чертеж, а держали его за уголки, как величайшую драгоценность, две маленькие, почти детские ручки.

Андрей Анатольевич поднял глаза, увидел юную девушку, почти ребенка, с черными большими глазами и гладко причесанными волосами цвета воронова крыла. Определенное сходство с Мариной, конечно, было, но Андрею Анатольевичу оно показалось абсолютным, и в Аду Васильеву он влюбился с первого взгляда, хотя между ними было больше сорока лет разницы в возрасте.

Красивая девочка — не более того. Отца нет, мать — машинистка в каком-то учреждении, живут вдвоем в коммуналке. Образование очень среднее... Но, по-видимому, наметанный глаз художника-архитектора помимо всего прочего разглядел в этом незамысловатом сооружении какие-то прекрасные контуры, совершенно не заметные для остальных.

В результате — буквально несколько дней стремительных ухаживаний и — пышная свадьба, причем Ада, кажется, даже не совсем понимала, что на самом деле происходит. Андрея Антоновича она не любила, а откровенно боялась, представлявший о взрослой жизни не имела никаких, и вдруг проснулась не Адой-лаборанткой, а Аделаидой Александровной Лодзиевской, супругой знаменитого архитектора, только что утратившей невинность. Чего только на свете не бывает!

Обо всем этом Андрей, естественно, долгое время не знал. К тому времени, как он начал хоть что-то понимать, Аделаида уже была выдрессирована (именно выдрессирована, а не воспитана) хоть и обожающим ее, но строгим супругом до неузнаваемости.

Андрей Анатольевич вникал во все: и в манеру поведения за столом, и в манеру вести разговор, и в выбор подруг. Проще говоря, довольно успешно сыграл роль профессора Хиггинса, тем более успешно, что на самом деле любил свою супругу до беспамяательства, только старался это, по возможности, не слишком демонстрировать.

Справедливости ради, нужно сказать, что отца Андрей почти не видел: тот был слишком занят либо работой, либо — реже — светскими мероприятиями, на которых появлялся исключительно с супругой. Но сына по-своему любил, детскую спланировал сам и даже собственноручно чертил эскизы кубиков и конструкторов, которыми впоследствии предстояло играть Андрюше. Естественно, будущему архитектору, ибо династия Лодзиевских — архитекторов в пяти поколениях — прерваться не могла ни при каких условиях.

Какие-то отношения у отца с сыном завязались лишь тогда, когда с мальчиком стало возможно разговаривать на «профессиональные» темы. Со свойственной ему

пунктуальностью Андрей Анатольевич каждое субботнее утро два часа отводил на прогулки с мальчиком по Москве, демонстрируя ему наиболее интересные здания и попутно объясняя, чем они хороши, а чем плохи. Андрюша четко усвоил истину: в Москве очень много плохих домов, потому что у папы нет времени построить много хороших. А вот те, что строил папа...

Много позже уже совсем взрослый Андрей узнал, что папа строил не только то, что могли видеть все, хотели они этого или нет. Он проектировал и особняки для элиты, которых тогда было очень немного, но все отличались отменным вкусом и изысканностью. Иметь дом «от Лодзиевского» было так же престижно, как теперь — замок где-нибудь за рубежом.

Зато и влетало это заказчику в копеечку, о чем, конечно, компетентные люди знали, но молчали.

Уже после женитьбы и рождения ребенка Лодзиевский получил разрешение переоборудовать последний, «технический» этаж дома, в котором проживал, в жилое помещение типа мансарды. Вот в этой-то мансарде и был сооружен зал для приемов со стеклянным потолком, мастерская самого Андрея Анатольевича, «малая гостиная», размером с хоккейное поле, и парадная столовая тех же габаритов. Последние два помещения были под официальным патронажем хозяйки дома, но на самом деле роль ее и там была чисто декоративной.

Аделаида никогда близко не подходила к плите, понятия не имела, сколько стоят в магазине хлеб и молоко, не говоря уже о более серьезных продуктах, считала, что уборка в квартире происходит как-то сама по себе. После того, как на ее руке появилось обручальное кольцо, она очень быстро забыла о том, что существует общественный транспорт, районная поликлиника и еще какие-то бытовые учреждения.

Чуть менее быстро она забыла о том, что ее мать по-прежнему живет в предназначенном на снос доме и живет на нищенскую зарплату. И не потому, что была злая или бессердечная, просто сама мать не слишком охотно посещала «волшебный замок», в который попала ее дочь. Зять, старше ее лет на двадцать пять, был с еще молодой тещей так подчёркнуто учтив, так безукоризненно вежлив, что от всего этого можно было свихнуться.

Чтобы этого не произошло, а также, чтобы совсем оторвать Аду от не слишком респектабельных корней, Андрей Анатольевич купил любимой теще добротный дом в ее родном провинциальном городишке и положил на счет в сберкассе солидную сумму денег. После чего отправил родственницу осваиваться на новое место жительства и напрочь забыл о ее существовании. А у Адочки было слишком много других, куда более интересных занятий, чем вести активную переписку с матерью. Так все и заглохло само по себе.

Через несколько лет после рождения сына, окончательно убедившись в том, что так называемая «интимная жизнь» — это редкие и не очень приятные моменты в супружеской постели, слишком гордая и высокомерная, чтобы унизиться до адюльтера, Аделаида, ставшая к этому времени настоящей светской дамой и признанной московской красавицей, решила самовыражаться в творчестве. Не зря же в свое время пыталась поступить в Суриковское.

Но теперь все было иначе. Никто не говорил, что ее работам не хватает таланта и самобытности, наоборот, приглашенные любящим супругом преподаватели из всех сил лелеяли и пестовали все-таки обнаруженную самобытность. Аделаида начала с акварели, но сама понимала, что это — не ее, что акварели пишут все, и почти все — одинаково плохо. Нужно было найти что-то свое, особенное, чего никто не делал или хотя бы не делал так, как будет делать она.

От занятий традиционной живописью маслом Ада отказалась довольно быстро, сообразив, что тут ей никак не преуспеть. К тому же краски пахли и пачкались, портили руки и тщательно сделанный маникюр, вызывали головную боль.

Какое-то время она занималась вышивкой. Это у нее получалось неплохо, даже иногда красиво, но казалось ей самой мещанством и банальностью. К тому же от нудного и кропотливого подсчета клеточек и крестиков тоже начинала болеть голова, техника глади требовала предельного внимания к тому, чтобы все стежки были абсолютно одинаковы по длине, а уж более сложная техника вообще выводила из терпения. Так что все ограничилось парой диванных подушек для кабинета мужа да нагрудничками для Андрюши.

Себя в творчестве Ада нашла случайно и довольно поздно: Андрюша уже ходил в школу. Как-то в совершенно пустой вечер она зашла к сыну и обнаружила, что он выполняет домашнее задание: лепит из пластилина какого-то зверька. Скуки ради Ада составила сыну компанию, а поскольку думала совершенно о другом, то и вылепленная ею фигурка оказалась «не мышонком, не лягушкой, а неведомой зверушкой» — каким-то крылатым львом или волком с крыльями. Но впечатление, несомненно, производила.

Кроме того, Ада обнаружила, что лепить — очень легко, и после двух-трех пробных сеансов уже совершенно спокойно создавала любую форму: от человеческой фигурки с соблюдением всех пропорций до причудливой формы вазочки.

Когда о новом увлечении узнал супруг, то немедленно выписал из-за границы специальный материал для лепки и снабдил супругу довольно солидной библиотекой по технике создания «малых форм». Правда, супруга не посвятила этому жизнь, а рассматривала, в основном, как хобби, но время от времени не без удовольствия создавала какую-нибудь очередную безделушку...

— Прости, Андрюша, меня отвлекли от разговора с тобой, — услышал Андрей рядом голос Ивана Ивановича. — На чем мы остановились?

— На том, что мама сказала странную фразу.

— Ах, да! Она сказала: «Наверное, я чего-то вовремя не узнала...»

— Действительно, странно. Как вы думаете, что она имела в виду?

— Представления не имею. Да, кстати, я узнал, что здесь должна быть знаменитая мадам Дарси, ее творения все больше входят в моду. Красивая женщина, черт побери, а походка-то, походка... Королева! Что с тобой?

Бокал выпал из рук Андрея и с легким звоном разлетелся вдребезги на гладком мраморном полу.

Глава вторая. Комната Синей Бороды

Андрей проснулся, словно от толчка, и обвел глазами утопающую в полумраке комнату. Скоро рассвет, вон уже птицы начали распеваться. А на подушке рядом — милая, родная, черноволосая головка, длиннющие ресницы лежат на смуглых, чуть влажных щеках, дыхание чуть слышно. Когда она спит, то по-прежнему похожа на примерную маленькую девочку. На куклу из «запретной комнаты»...

Такой куклы Андрюша никогда не видел, хотя, естественно, к подобного рода игрушкам особо и не приглядывался. Но это было нечто. Даже не сказочная Кукла наследника Тутти, а что-то еще более прекрасное, заманчивое и изысканное. Ростом с годовалого ребенка, иссиня-черные волосы уложены тугими локонами по обе стороны смуглого, продолговатого, а не кукольно-круглого лица, розовые губки сложены в чуть ироничную гримаску.

Кукла появилась в спальне матери где-то спустя неделю после смерти отца. Это было тем более удивительно, что к подобному «мещанству» Аделаида всегда относилась с огромным презрением и всякие вазочки-статуэточки-салфеточки не жаловала, тем более в своей «святая святых» — спальне. А тут в кресле в углу, возле балконной двери, сидела эта то ли фарфоровая, то ли восковая красотка и глядела на окружающий мир из-под длинных ресниц хитрыми зелеными глазами. И одета была не по-кукольному, а так, как одевались дамы времен Наполеона: прямые платье-хитон зеленого цвета и газовая накидка того же оттенка с золотой нитью.

— Это что за чудо в перьях? — изумился тогда Андрей, протягивая руку.

— Лучше не трогай, — спокойно отозвалась Ада, расчесывая у туалетного столика длинные густые волосы. — Этой игрушке сто лет в обед, как она до сих пор уцелела, не понимаю.

— Это твоя кукла?

— Теперь моя, — немного загадочно ответила Ада. — Но, вообще-то, раньше была куклой твоей бабушки Юзефы. А может быть, и куклой ее бабушки, судя по платью.

— Сколько же ей лет?

— Думаю, не меньше ста пятидесяти. А то и побольше.

— И где она была раньше?

— В запертой комнате, — все так же спокойно сообщила ему мать.

Андрей был, мягко говоря, потрясен. Запертая комната не отпиралась никогда. Все разговоры на эту тему отец пресекал с невероятной жесткостью, где держал ключ — никому не было известно. И вдруг мама приносит в свою спальню вещь из «комнаты Синей Бороды» и говорит об этом так безмятежно, как если бы взяла вазочку из гостиной.

— А что там еще есть? — замирающим голосом спросил Андрей.

Ада пожала плечами.

— Ничего интересного. Допотопная кровать с подушками и кружевами, сундук с какой-то рухлядью, фотографии...

— Какие фотографии?

Ада закончила расчесывать волосы, скрутила их в тугий узел и сделала свою обычную прическу. Вопросы сына она как бы не расслышала, из чего следовало: повторять бессмысленно, все равно смолчит или переведет разговор на другую тему. Характер своей матушки двенадцатилетний Андрей уже знал достаточно хорошо.

Поэтому тоже замолчал и еще раз хорошенько рассмотрел куклу. Сейчас она понравилась ему еще больше, хотя он сам на себя сердился: не девчонка же, чтобы позариться на такую игрушку. Но уж больно обаятельна была эта гостья из дальнего прошлого, и так манили к себе хитрые зеленые глаза... Можно было понять Аду, польстившуюся на такую красоту. В ее детстве, кажется, вообще приличных игрушек не было. А если и были, то до фарфоровой красавицы им далеко.

— А что случилось с бабушкой Юзефой? — перевел разговор на другую тему Андрей. — Папа никогда о ней не говорил.

— Она умерла от тифа, когда он был еще маленьким, младше, чем ты сейчас. А потом его отец уехал с ним в Киев, и там умер. Это все, что я знаю. Твой папа не баловал меня рассказами о своих предках.

— Но почему? — искренне изумился Андрей. — И почему ты почти никогда не говоришь о своих родителях? Получается, что мы — какие-то марсиане, что ли...

— Ты начался научной фантастики, Андруша, — мягко, но с уже заметными металлическими нотками в голосе ответила Ада. — Мы, Лодзиевские, гордимся собственными успехами, а не заслугами предков. Твой отец был безумно талантливым и самобытным человеком, ему совершенно не обязательно было еще и кичить-

ся своей родословной. А я... Если тебе интересно, то своего отца я вообще не помню, он умер очень скоро после моего рождения, а мама, твоя бабушка Елена, как тебе известно, живехонька-здоровехонька, копается в своем саду и шлет нам варенье с компотами. Я должна об этом всем рассказывать?

— А почему она к нам никогда не приезжает? Даже на похоронах папы ее не было.

— Она плохо переносит дальнюю дорогу, — уклончиво ответила Ада.

Не рассказывать же мальчишке, что она плохо переносила и зятя? Или что его бабушка Елена смотрелась бы белой вороной среди избранной публики на Новодевичьем кладбище и в парадном зале Дома архитектора, где устроили поминки. Такая родня Лодзиевским чести не делает.

— Ты сегодня снова будешь дома? — поинтересовался Андрей.

Мать взглянула на него немного прохладно.

— Я же тебе сказала, что в той комнате ничего интересного нет. Одна рухлядь. И вообще отец запрещал...

— Но папы уже нет ...

— И ты решил, что теперь все дозволено? Нет, милый мой, ничего подобного. Во-первых, я дома буду не только сегодня, но почти целый месяц. Нет у меня настроения с кем-нибудь встречаться. А во-вторых, я постараюсь сохранить все, как при папе. Только разберу бумаги, наведу порядок...

Андрей, в очередной раз подивившись прозорливости матери, кивнул и отправился по своим делам, точнее, в свою комнату, к книгам, магнитофону и прочим занятиям. Он редко делал что-нибудь только потому, что это было запрещено, да и «старая рухлядь» его не больно манила. А кукла... Что ж, он ведь не девчонка, чтобы любоваться какой-то куклой, пусть и необычной.

По дороге к двери он мельком глянул на маленький столик возле кресла с торшером. Там лежала толстая, порядком потрепанная книга на каком-то иностранном языке. Буквы выцвели от времени, да и слова были незнакомые, только одно и можно было разобрать — «порселен». По-французски, которым Андрей владел уже вполне прилично, это означало «фарфор», а этот предмет его вообще ни с какой стороны не интересовал.

Фарфором, в его понимании, были всевозможные сервизы, с которыми лучше не связываться: один раз он случайно разбил какую-то салатницу, так у матери чуть сердечный приступ не случился. Салатница, оказывается, была какая-то размузейная, из сервиза чуть ли ни времен императрицы Екатерины, и вообще... Спокойнее пользоваться обычной, повседневной посудой: даже если и грохнешь какую-нибудь чашку или тарелку, никто слова не скажет.

Ада не сказала сыну, что все последнее время занималась не столько разборкой бумаг, сколько поиском завещания. Именно поэтому она и вскрыла запретную комнату, думая обнаружить там что-то для нее опасное и, если таковое действительно обнаружится, немедленно все уничтожить. Но тревога оказалась ложной: кроме нескольких выцветших фотографий, старомодных платяев и выдохшегося флакона дорогих духов, ничего, заслуживающего внимания в комнате не оказалось. Если не считать старинного сундука...

Сундук оказался запертым, Аде пришлось довольно долго повозиться с хитрым замком. Наконец ее усилия увенчались успехом, крышка откинулась, и с первого взгляда Ада поняла, что этот сундук, скорее всего, принадлежал матери Андрея Антоновича, давным-давно покойной. Супруг редко и скупо рассказывал Аде о своих родителях, но ей удалось из этих отрывочных фрагментов составить относительно четкую картину.

Сверху сундука лежала эта самая кукла. А вмятинка рядом с ней указывала на то, что когда-то рядом лежала, видимо, вторая, такая же, или из той же серии. Потом, разобрав сундук до доньшка, Ада убедилась, что вторая кукла действительно когда-то существовала: нашлось миниатюрное стразовое кольцо, точно такое, какое украшало шейку первой фарфоровой красавицы.

Устоять перед искушением украсить этим произведением искусства свою комнату Ада не смогла. Но потом все-таки вспомнилась, снова заперла дверь и решила, что вернется туда позже, когда страсти, связанные с кончиной ее супруга, окончательно улягутся. Эта комната идеально подходила для того, чтобы устроить в ней мастерскую: давно бездействующий камин можно было легко трансформировать в небольшую печку для обжига керамики. А изготовлением керамики Ада Николаевна увлеклась все больше и больше.

Из того же сундука, кстати, она прихватила и старинную книгу о секретах изготовления фарфора. Мало того, что подобный раритет мог стоить целое состояние и в случае чего существенно облегчить жизнь молодой вдовы с ребенком. Если в ней найдется рецепт изготовления простых фарфоровых изделий, можно будет расширить сферу своей деятельности и заняться не просто керамикой, а керамикой высокохудожественной.

Даже Ада, не слишком жаловавшая теорию, знала, что по своим свойствам — белизне, просвечиваемости, твердости, богатству красок — фарфор значительно превосходил все известные европейцам керамические изделия. Фарфор ценился очень дорого и был предметом роскоши; иметь фарфоровые изделия мечтали короли, князья, герцоги и их придворные. Керамисты Франции и Англии, не находя разгадки «китайского секрета», создали сначала свои разновидности фарфоровидной керамики — мягкий фриттовый фарфор и костяной фарфор. Так кто мешал талантливой керамистке создать собственный сорт этой драгоценности?

Но прежде чем заниматься изящным искусством, необходимо было удостовериться, что она — единственная наследница всего того, что нажил и создал ее знаменитый муж, что не возникнет откуда-нибудь из Тьмутаракани неизвестная родня, седьмая вода на киселе, и не потребует своей законной доли. А сколько бы эта доля ни составила, все равно будет много... Лакомый кусок!

Лучше уж сейчас как следует поработать с адвокатами (все равно выйдет дешевле), потратить сколько угодно времени на то, чтобы разобрать абсолютно все бумаги покойного супруга и попутно обласкать всех тех, кто может сказать решающее слово в защиту интересов беззащитной вдовы. Возможно, конечно, она дует на воду, и ее предполагаемых сонаследников вообще не существует, но... Береженого, как говорится, Бог бережет.

Ада только казалась легкомысленной и поверхностной светской дамой, ничего не понимающей в конкретных житейских вопросах. Под этой очень удобной маской, которую всячески поощрял и даже культивировал ее супруг, скрывалась холодная, рассудительная и крайне практичная женщина.

В глазах общества Ада Лодзиевская была безупречной женой и безупречной матерью, а постепенно становилась и талантливой художницей-керамисткой. При всей своей холодности и некоторой отстраненности от житейской суеты, она вовсе не собиралась прожить остаток жизни «вдовой знаменитости»: мешало бешеное, но тоже тщательно скрываемое тщеславие.

То же самое тщеславие мешало ей даже думать о вторичном замужестве. Мужчина как таковой был ей не нужен: темперамент позволял обходиться «без этих глупостей». Как уже говорилось, плотские радости ее мало волновали, никакого удовольствия от интимной стороны супружеских отношений она никогда не испытывала.

Наоборот, когда в последние годы замужества она, по ряду причин, переехала в отдельную спальню, то испытала огромное облегчение.

В глазах же Андрея Анатольевича это выглядело еще одним плюсом, поскольку он искренне полагал, что холодность и некоторая заторможенность — неотъемлемая черта порядочных женщин, на которых, собственно, только и можно жениться, остальные годятся исключительно в любовницы и никакого уважения не заслуживают.

Да и ради чего было вторично выходить замуж? Уже после смерти супруга Ада Николаевна приватизировала квартиру на себя и своего единственного сына (по мудрому совету адвоката, прекрасно разбиравшегося в хитросплетениях непрерывно меняющегося жилищного кодекса). Машина — обычная, респектабельная «Волга», молодую вдову вполне устраивала, тем более что водить ее она выучилась практически мгновенно и ездила чрезвычайно аккуратно. Престиж? Престижем «жены знаменитого мужа» Ада была сыта по горло, и ей вовсе не хотелось подстраиваться под чьи-то привычки, пусть даже и за очень большие деньги. Деньги у нее и самой водились немалые, а потребности, по сравнению с другими великосветскими дамами, были очень скромными.

Бриллианты она не коллекционировала, специальную комнату под гардеробную не выделяла, менять что-либо в квартире с пусть тяжеловесным, но своеобразным шармом антиквариата не собиралась. Только оборудовала себе мастерскую в запретной когда-то комнате да сохранила традицию «пятничных приемов», на которые можно было прийти без специального приглашения и выпить чашечку чая с бисквитом. Основным «угощением» были беседы с интересными людьми да мини-концерты каких-нибудь знаменитостей. Попасть на прием к Лодзиевским всегда считалось своего рода отличием, и Ада Николаевна сделала все от нее зависящее, чтобы так было и впредь.

Несколько месяцев кропотливого перебирания бумаг, наконец, принесли свои плоды. Завещания не было, но и сонаследников — тоже не обнаружилось. Подождали еще какое-то время — нет, никто на наследство покойного архитектора больше не претендовал. Так что, все, согласно закону, получили вдова и сын.

И только тогда Ада Лодзиевская вздохнула с облегчением, пригласила несколько женщин, чтобы сделать генеральную уборку, и вплотную приступила к реализации своих планов принципиально новой жизни. Больше она не боялась того, что на пороге возникнет некто и потребует свою долю. Больше она вообще ничего не боялась, кроме... неизбежной старости. Женское одиночество ее не страшило, а вот морщины, деформация фигуры и седые волосы были извечным кошмаром.

Существовал еще один маленький нюанс: как-то совершенно случайно, выходя из магазина на улицу, где ее ждала машина с шофером, Ада столкнулась с цыганкой, и та в считанные минуты значительно облегчила содержимое ее кошелька, посулив взамен «счастливую жизнь, исполнение всех желаний и отменное здоровье». Такой прогноз Аду, в принципе, устраивал, если бы цыганка напоследок не метнула через плечо:

— А умрешь ты через семь лет после того, как станешь бабушкой.

Вот это Аде уже не понравилось. Впрочем, если допустить, что ее единственный сын женится не слишком рано, а еще лучше — поздно, как и его отец, то времени впереди было вполне достаточно. Но если цыганка имела в виду не семейное положение, а приметы возраста? Но тогда она должна была сказать — «старухой».

Впрочем, старухами становятся и в тридцать, и в сорок. Или... никогда не становятся, умирают молодыми. Значит, нужно было любыми средствами оставаться

молодой и прекрасной как можно дольше, чего бы это ни стоило. А заодно приглядывать за сыночком, чтобы не вздумал ее сделать бабушкой лет эдак в тридцать восемь. Просто на всякий случай, чтобы исключить двусмысленность гадания.

Единственного сына Ада любила, конечно, но отнюдь не до беспамятства, как это бывает у рано овдовевших женщин. Заботилась о нем, безусловно, отменно, свято помня, чьего сына воспитывает. У Андрея лет до четырнадцати была бонна, в совершенстве обучившая его говорить по-английски и по-французски, мальчик учился в единственной на всю Москву школе с углубленным изучением итальянского языка, рисованию и музыке его обучали специально приходившие на дом педагоги.

Чтобы ребенок от такой жизни не впал в депрессию, Ада взяла за правило два раза в неделю заниматься вместе с ним плаванием, благо бассейн «Чайка» был в двух шагах от дома, а еще два раза в неделю — верховой ездой. Друзей-приятелей не отваживала, но особо и не привечала, умея после ухода очередного парнишки найти удивительно меткие и едкие слова для его определения, так, что Андрею действительно становилось неудобно дружить с такой посредственностью. Он-то был — необыкновенный. О чем, помимо матери, ему неустанно твердили все окружающие: кто искренне, кто нет, но Андрюша, по юности, еще не мог различать такие нюансы.

Только удивительно мягкий характер и какая-то врожденная самоирония не позволили ему превратиться в законченного сноба и эгоиста. И та же самоирония заставляла скептически относиться к тому, что большинство девочек в школе «сохли» по красивому брюнету с пронзительными синими глазами. Прозвище «Ален Делон» он получил классе в седьмом, и какое-то время тайно им гордился, но потом прочел во французском журнале статью о личной жизни этого актера, ужаснулся и навсегда отмежевался от этого прозвища.

Андрей снова взглянул на спящую смуглую красавицу. Ему по-настоящему повезло. Он сумел приспособиться к жизни и даже многого в ней добиться. Во всяком случае, мать им явно гордилась.

Только он всегда помнил, как она однажды сказала ему: «Я умру, когда семь лет пробуду бабушкой». Наверное, потому и не женился до сих пор, и в отношениях с женщинами всегда был предельно осторожен, поскольку знал: в случае чего, придется жениться, как бесспорно честному человеку. А этого он искренне боялся. Слишком сильное впечатление произвела на него тогда эта фраза.

Но теперь... Теперь все еще может измениться к лучшему, особенно после чудесного возвращения Жанны. Точнее — благодаря этому возвращению.

Глава третья. Карты польского короля

— К счастью, — философски заметил Иван Иванович, глядя на осколки бокала. — Только вот к какому? Не понимаю, что ты так разнервничался, Андрюша?

— Я? — откровенно фальшиво удивился Андрей. — Я спокоен, как горное озеро. Просто так неожиданно: знаменитая мадам Дарси — здесь. Зачем? С кем?

— Вот этого я, прости, не знаю, — развел руками Иван Иванович. — Наверное, по делам приехала. И кого-то мне сильно напоминает, а кого — не пойму.

— В каком смысле? — тупо спросил Андрей.

— Посмотри сам, — усмехнулся краешком губ Иван Иванович и отошел в сторону.

Открыл, то есть, простор для оперативного обзора. И на этом «просторе», то есть среди достаточно большого количества вечерних платьев, смокингов, блеска драго-

ценностей и замысловатых причесок всех цветов Андрей увидел... точную копию куклы из маминной спальни. По мраморному полу к нему скользила невысокая, стройная женщина в зеленом платье-тунике, золотых туфельках на крутых каблукках и в прическе с крутыми локонами вокруг гладкого пробора, разделявшего иссиня-черные волосы.

«Этого не может быть, — отрешенно подумал Андрей, не отрывая глаз от прекрасного видения. — Это — Жанна? Это та самая смуглая, вихрастая девчонка с глазницами, как темные вишни, которую я когда-то любил? И которую потерял навсегда из-за собственной дурачности и маушкиного гонора. Господи, да она не только на куклу, она и на маменьку чем-то похожа: та же осанка, та же царственная посадка головы, та же скользящая походка... Пресвятая Дева, помилуй меня, грешного! Избави от наваждения и спаси от лукавого...»

Но «наваждение» уже приблизилось вплотную. На Андрея пахнуло горьковатым запахом каких-то не знакомых ему духов, и до боли знакомый голос произнес:

— Здравствуй.

Нет, этот голос мог принадлежать только одной-единственной на всем свете. Грудной, бархатистый, он словно замирал в конце фразы, и в то же время продолжал звучать где-то в воздухе, как глубокий вздох.

— Здравствуй, Жанна, — преодолев оцепенение, ответил Андрей. — Какими судьбами?

— Предсказанными, — улыбнулась Жанна и положила тонкую смуглую руку без колец на рукав его смокинга. — Ты не рад меня видеть? Просто как старинную приятельницу...

— Я рад. Рад, что ты нашлась. Восемь лет дня не проходило, чтобы я о тебе не вспоминал...

— Неужели? Впрочем, сейчас я хотела бы... Я хочу сказать тебе, что мне очень жаль. Сочувствую твоей утрате. Вы с матерью были так близки...

«Слишком близки, — неожиданно сердито подумал Андрей. — Я привык каждый шаг делать с оглядкой на то, что скажет по этому поводу моя драгоценная маменька, как она к этому отнесется, не оскорблю ли я тем или иным своим поступком ее утонченное мироощущение... Бедняжка Жанна! Сколько она натерпелась в этом доме. Немудрено, что сбежала, даже не попрощавшись, даже записки не оставила. А я, дурак, трижды кретин, слишком поздно стал ее искать, гордость помешала, да и, если честно, побоялся маменькиных насмешек...»

— О чем ты задумался, Андрюша? — услышал он ее голос. — У тебя вдруг стало такое сердитое лицо...

— Я рассердился на себя, — просто ответил Андрей. — Прости меня, Жанночка, тогда я вел себя отвратительно. Не по-мужски...

— Ты просто многого не знал, — мягко поправила его Жанна. — А главное, Ада Николаевна не желала делить тебя ни с кем. С любой другой она повела бы себя точно так же. Нас обоих обманули, обманули жестоко и цинично, но ни ты, ни я в этом не повинны.

Да, Жанна была права, как всегда, права. Он встретил ее, тогда восемнадцатилетнюю девчонку в потертых джинсах и застиранной футболке, во дворе Института архитектуры, где читал курс лекций. Точнее, не встретил, а столкнулся с ней в тесном дворе у круглого фонтана. Извинился, поднял глаза и... обмер. Удар молнии — иначе не скажешь.

— Простите, — еще раз повторил он, уже не отрывая от нее глаз, — я вас чуть было не раздавил.

— У вас был такой отстраненный вид, — лукаво усмехнулась девчонка. — Будто вы видите перед собой полное блюдо мороженого...

— Ну, любовь к мороженому осталась в далеком прошлом, — улыбнулся в ответ Андрей. — Сейчас я чаще думаю совсем о других вещах.

— Каких?

— Долго рассказывать.

— А я не тороплюсь, — с очаровательной непосредственностью заявила девчонка. — Если уж я с вами столкнулась... — Она покраснела и прикусила губу.

— То что тогда? — с улыбкой подначил он ее.

— Тогда это — судьба, — выпалила она.

— Послушайте, судьба, вам восемнадцать лет уже исполнилось? — поинтересовался Андрей.

— А какое это имеет значение?

— Вы не отвечайте вопросом. Я спросил и жду внятного ответа.

— Сразу видно — преподаватель!

— Вот именно. Так сколько вам лет и как вас зовут?

— Меня зовут Жанна. Жанна Смирнова. А восемнадцать лет мне будет через три месяца. Группу крови назвать?

Андрей расхохотался.

— Ну вот что, Жанна Смирнова. У меня есть пара часов свободного времени. Хотите, пройдемся по значным местам?

У девчонки глаза загорелись, как два маленьких прожектора.

— Значным? Это... в ресторан?

— Ну... примерно. В ресторане мы могли бы потом отметить ваше совершеннолетие. А сегодня я просто хочу компенсировать вам легкое телесное повреждение.

— Какое? — обалдела Жанна.

— Ну, на ногу я вам наступил, правда? А это больно.

— Ни капельки!

— Значит, никуда не идем?

Ему почему-то нравилось поддразнивать эту смешную смуглянку, как будто он играл с маленьким черным котенком. Весело — и совершенно невинно. Вот и сейчас он с трудом сдержал смех, увидев, как вытянулось от разочарования хорошенькое личико, а на глаза-вишни мгновенно навернулись слезы. Господи, совсем ребенок!

— Нехорошо обманывать старших, — назидательно произнес Андрей, беря ее за руку. — Вы почти плачете, а говорите, что вам ни капельки не больно. Так пойдём?

Слезы мгновенно высохли, словно роса на солнце. Жанна кивнула и крепко вцепилась в руку Андрея, как будто боялась, что он снова передумает, и никаких приключений сегодня не будет. Больше она не спрашивала, куда он собирается ее вести: шла рядом с ним, словно это была их обычная ежедневная прогулка.

Андрей и сам не понимал, с чего вдруг связался с этой пигалицей. Его нынешняя подруга — молодая, красивая женщина, очень даже неглупая, и замужняя, устраивала во всех отношениях не только его, но и дорогую мамочку, которая к сердечным увлечениям сына относилась с особым, каким-то болезненным интересом. И как раньше, не отказывала себе в удовольствии двумя-тремя едкими и меткими фразами напрочь убить любое очарование. Тягаться с ней было немислимо.

Зачем она это делает — Андрей и понимал, и не понимал. Он давно закончил институт, даже успел защитить кандидатскую диссертацию, хотя, по нынешним смутным временам, проще было купить себе звание хоть доктора, хоть академика. Смены режима в стране они с матерью и не заметили: хозяйством все равно занималась при-слуга, а деньги с многочисленных сберкнижек практичная Ада Николаевна сняла и обратила в твердую валюту еще тогда, когда об этом никто и не помышлял. Слава Богу, сановные поклонники подсуетились.

Фактически, все многочисленные реформы и дефолты их семью совершенно не затронули. Ада работала: те два-три произведения в месяц, которые выходили из ее мастерской, покупались практически мгновенно и по бешеным ценам, хотя, на вкус Андрея, все это было холодно и вычурно. Но... о вкусах, как известно, не спорят.

Да и сам он зарабатывал, мягко говоря, неплохо. Проект дома «от Лодзиевско-го» стоил раза в три дороже любого другого проекта, но того стоил. Если клиент заказывал себе виллу или загородный особняк в его мастерской, то мог быть уверен: второго такого же в России нет, не было и не будет, да к тому же дом будет идеально подогнан под личность самого хозяина или уклад его семьи.

В общем, заказчики записывались в очередь, а Андрей, как когда-то его отец, сутками не вылезал из своего кабинета и неделями пропадал в мастерской, успевая еще читать лекции в архитектурном, писать небольшие статьи в специальных журналах и работать над книгой об особенностях российского загородного дома — с девятнадцатого века и по настоящее время. Временами уезжал в Испанию или на Корсику с очередной подругой, изредка сопровождал мамушку на великосветские мероприятия. В общем, на насыщенность жизни жаловаться ему было просто грех.

И вот — извольте радоваться: вместо того, чтобы использовать нечаянно образовавшееся свободное время для приятного досуга в обществе подруги Нелли или просто расслабиться в тишине и покое собственного дома под любимую музыку и с любимым напитком, он ведет совершенно незнакомую малолетку в «злачное место». То, что роль такого места сегодня должно было изображать кафе-мороженое «Космос», особого значения не имело: мороженое он, грешным делом, и сам любил. Но вот выбор спутницы...

— Вы на каком курсе учитесь, Жанна?

— На первом. Я не сразу после школы поступила, год работала.

— Лаборанткой?

— Ага!

— Не «ага», а «да», — машинально поправил Андрей, совершенно не переносивший простонародной речи.

Мамушка постаралась, привила аристократические замашки. Как же с ними было трудно в институте общаться на равных с однокурсниками! Ничего, обошлось. Другой близких, правда, не осталось, но это у него — отцовское, тот тоже вроде ракатшельника был. Море приятелей — и ни одного настоящего друга.

— Да, — послушно повторила Жанна. — Мне одного балла не хватило.

— Легко учиться?

— Смотря чему.

— То есть?

— Ну, рисунок, черчение, все такое — это легко. А с теорией иногда трудно, не все понимаю.

— Хотите, буду давать вам частные уроки?

Да что с ним такое, в самом деле? Профессор без пяти минут, доктор наук без трех, лауреат двух международных премий собирается давать уроки теории сопливой первокурснице? Никогда он никому уроков не давал...

— Правда? — недоверчиво спросила Жанна.

— Если хотите.

— У нас с мамой денег почти нет...

— Кто говорит о деньгах?

— А разве бесплатные уроки бывают?

— Поговорим об этом попозже, мы уже пришли.

— В злачное место? — с восторженным ужасом спросила Жанна.

— Почти, — усмехнулся Андрей.

Роскошный швейцар, он же охранник, судя по мощному телосложению, покосился на странную парочку, но ничего не сказал: вышколен отменно. Хотя Андрей с Жанной смотрелись действительно оригинально: он — в легком светлом итальянском костюме, в немислимой стоимости мокасинах ручной, итальянской же, работы, а она... Не отличишь от сотен и тысяч девчонок по всей России: джинсики и футболка, плюс кроссовки отечественной выделки.

Они поднялись на второй этаж, заняли столик на двоих в углу, хотя кроме них в кафе еще почти никого не было, и Андрей устроил сам себе праздник: начал угощать Жанну всеми сортами самого экзотического мороженого, которое только имелось в меню. Плюс бутылочка легкого шампанского и кофе. Глаза у Жанны стали такими огромными, что, казалось, заняли чуть ли не пол-лица.

Андрей не учел только одного: спиртное Жанна попробовала впервые в жизни. Шампанское — штука коварная, иной раз и со взрослыми, многоопытными людьми выкидывает самые невероятные штуки. Сначала пьется, как безобидная шипучкагазировка, а потом...

А потом Жанна обнаружила, что самое правильное в данный момент — это расказать своему новому знакомому о том, как она тайком вздыхала по нему все эти два года. Да что она — все девчонки на ее курсе млеют, едва завидят его роскошную темную шевелюру и ярко-синие глаза. А ей вот так повезло, да еще мороженое, вкуснее которого она ничего в жизни не ела. И так по-взрослому они выпили на брудершафт... Сказка!

— Понимаешь, Андрей, я, вообще-то, очень люблю лепить из пластилина. С детства обожаю лепить из пластилина, всегда копила на него деньги, которые мама давала на школьные завтраки... Мама у меня классная, никогда не нудит, только беспокоится за меня. А что со мной может случиться? Я уже взрослая, все сама прекрасно понимаю. Правда?

— Конечно, — с улыбкой ответил Андрей. — Ты уже совсем большая девочка. Почти совершеннолетняя.

— Через три месяца восемнадцать исполнится... Класс! А то я младше почти всех девчонок на курсе, хотя почти все — одного года рождения. У них, правда, шмотки классом повыше, но мне эти тряпки — абсолютно бим-бом. Верить?

— Верю.

— Нет, серьезно. Вот выучусь, буду много зарабатывать, куплю маме дубленку. А то она мерзнет очень в своем синтетическом пальто. Мы — бедные, а сейчас стыдно быть бедными, правда?

— Кто тебе сказал такую глупость?

— Я сама вижу...

— Что ты видишь?

— Как смотрят на меня и на других, ну, которые...

— Глупости, малыш! Нормальные люди смотрят на лицо, в крайнем случае, на фигуру, а вообще-то, в человеке главное — интеллект, душа. Вот ты, например, очень хорошенькая...

— Правда?

— Конечно, правда. Ты на маму похожа

Жанна энергично затрясла головой.

— Нет! Мама у меня красивая: блондинка с серыми глазами. Только она очень устает на работе. И плачет часто.

— А... папа?

— А я его не помню. Да и мама официально не замужем. Хотя еще совсем молодая, ей сорока нет.

— Почему же она снова не вышла замуж?

— Из-за меня, наверное, — пожалала плечами Жанна. — Бабушек у нас нет, а я в детстве болела много. Даже в больницу меня клали. Вот там я и научилась из пластилина лепить... Ой!

Увлечшись, Жанна излишне резким движением руки смахнула на себя почти половину вазочки со сложным малиново-шоколадным сооружением, которое тут же оказалось у нее на джинсах и футболке. Она начала вытираться бумажными салфетками, но руки ее не слушались, да и пятна становились только больше и грязнее. Только тут Андрей понял, какую совершил ошибку, напоив этого ребенка шампанским.

— Так, — безапелляционным тоном проговорил он. — Сейчас поедем ко мне, переоденем тебя во что-нибудь сухое. В таком виде тебе домой нельзя.

— А жена не заругается? — совсем по-детски спросила Жанна.

— Я не женат. А мама сейчас отдыхает в санатории, так что дома только Аля, а она у нас девушка с пониманием.

— Аля — это твоя сестра? — все еще пыталась прояснить обстановку Жанна.

— Домработница, — сухо ответил Андрей. — Пусть тебя это не волнует. Сейчас я попрошу вызвать такси, и через десять минут будем дома.

Он, конечно, погорячился. Дома они оказались не через десять минут, а почти через полчаса, за которые Жанну окончательно развезло, она то хихикала, то всхлипывала, и ничего путного, в том числе и своего собственного адреса, сказать была не в состоянии.

Андрей любил пьяных женщин ничуть не больше, чем все остальные нормальные мужчины. Но в данном случае он, во-первых, чувствовал собственную вину, а во-вторых, было бы слишком жестоко сдавать девчонку в таком виде на руки матери. Тем более что в разгар рабочего дня ее вполне могло не быть дома.

К себе в квартиру Андрей внес Жанну уже почти на руках: ноги категорически отказывались ее слушаться. Аля, то есть Алевтина, работавшая у Лодзиевских чуть ли не всю жизнь, восприняла неожиданную гостью хоть и без восторга, но с пониманием. Первым делом отправила Андрея восвояси, содрала с Жанны испачканную одежду и засунула в стиральную машину, а саму «пострадавшую» постаралась кое-как протрезвить.

Жанну, наконец, вырвало — и немудрено, после стольких порций мороженого практически на голодный желудок, да еще с шампанским. После чего Алевтина тщательно отмыла замурзанную мордашку, заодно вымыла и длинные черные волосы, завернула гостью в старый халат Ады Николаевны и отволокла в гостевую спальню, предварительно скормив пару таблеток аспирина. А потом постучалась в комнату к Андрею.

— Ну, и как прикажешь понимать? — поинтересовалась она у своего любимца, проделки которого давно привыкла прикрывать от строгого материнского ока. — Это кого ты привел? То есть принес?

— Аля, поверишь, сам не знаю, — рассмеялся Андрей. — Знаю, конечно, как ее зовут, знаю фамилию и то, что она учится на первом курсе архитектурного. Мама у нее молодая и красивая, а она сама влюблена в меня давно и по уши. Вместе со всем своим курсом.

— Где же она так назююкалась?

— Не она назююкалась, а я, дурак, напоил ее. Бокала шампанского хватило бы за глаза, но я налил ей второй, который она тоже радостно выпила. В результате мы имеем то, что имеем. Девочка впервые в жизни попробовала спиртное.

— Ну да? — усомнилась Алевтина. — Хотя если с двух бокалов шампанского... может, так оно и есть. А ты о чем думал?

— О том, что у нее очень красивые глаза.

— Интересная мысль, — хмыкнула Алевтина. — Хорошо, что их сиятельство отсутствует. А то у кого-то тоже были бы глаза по плоске.

За глаза Алевтина хозяйку только так и называла, даже в разговоре с Андреем. Ада Николаевна уже так достала всех в доме своими великосветскими замашками, что когда отбывала в очередной санаторий или на отдых за границу, облегчение испытывали все, кроме гостей, — им явно не хватало блистательной Ады на еженедельных приемах, которые, стиснув зубы, устраивал Андрей. Мать ни за что не простила бы малейшего отступления от традиций.

— Ну-у, если бы Ада была дома... — протянул Андрей.

— И что бы ты сделал?

— Понятия не имею. Наверное, отвез бы к кому-нибудь из приятелей.

— И опозорил бы девчущку, — подвела итог Алевтина. — Ладно, все к лучшему. Их сиятельство придут только через две недели, так что гуляй,мышь, пока кошки нету.

— Кто тебе сказал, что Жанна здесь пробудет две недели? — изумился Андрей. — Проспится, попьет кофе, и я провожу ее домой.

— Ну-ну, — скептически хмыкнула Алевтина и ушла по своим делам.

Жанна проспала до глубокого вечера. Уже и одежда ее была выстирана и даже отутюжена, и не только кофе Алевтина приготовила, но и ужин состряпала, а девочка все спала. Пару раз Андрей тихонечко заходил в гостевую, намереваясь неожиданную гостью разбудить и реализовать свои благие намерения, но... Но что-то мешало ему нарушить безмятежный сон смуглянки с длинными ресницами, которая во сне казалась вообще ребенком.

А когда она, наконец, проснулась и робко вышла в кухню, изрядно поплутав по огромной квартире, то даже у Алевтины дрогнуло сердце. Жанна выглядела такой смущенной и буквально раздавленной произошедшими событиями, что спешно вызванному из его комнаты Андрею пришлось приложить немало усилий, чтобы хоть чуть-чуть ее развеселить. Наконец, он предложил ей посмотреть по «видику» новейшую комедию, за которой гонялась вся Москва.

— С удовольствием! — оживилась Жанна. — Наши девчонки только о ней и говорят.

— А мама твоя с ума не сойдет от беспокойства? — поинтересовался Андрей.

— А она сегодня в ночную смену, — последовал безмятежный ответ. — Все равно дома никого нет.

— Поешьте сначала, — проворчала Алевтина, появившаяся словно из ниоткуда. — Куда это годится — за весь день одно мороженое, да и то...

Отказаться от ужина, приготовленного Алевтиной, мог только сумасшедший. Уже совсем пришедшая в себя Жанна ела с огромным аппетитом вечно голодного подростка, чем несказанно расположила к себе домоправительницу, наотрез отказалась даже от слабенькой домашней наливки, чем заработала дополнительное очко в свою пользу, и, наконец, вызвалась помочь помыть посуду.

Конечно, мыть посуду ей никто не позволил, но по глазам Алевтины Андрей видел, что она очень довольна нежданной гостьей. Пожилая мудрая женщина все поняла правильно и с легкой душой отправила «молодежь» смотреть нашумевший фильм. Ей и в голову не пришло, что ее любимец и баловень может увлечься этим «подкидывшем», и события приобретут совершенно неожиданный для всех оборот.

Просмотр легкой эротической комедии закончился тем, чем и должен был закончиться, поскольку уже во время фильма парочка начала целоваться, а когда по эк-

рану побежали финальные титры, остановиться Андрей уже не мог. И все произошло вроде бы совершенно естественно и для него привычно, за одним-единственным исключением: у Жанны он оказался первым мужчиной.

— Ты сердисься на меня, малыш? — спросил ее Андрей, слегка отойдя от потрясения.

Жанна покачала головой:

— Я тебя люблю.

— Но мы только сегодня познакомились!

— А что это меняет? Я уже второй год...

— Радость моя! Но я-то...

— Тебе со мной плохо? — наивно спросила Жанна. — Я бестолковая, да? Ничего не умею...

— Ты просто маленькая дурочка, — обнял ее Андрей и неожиданно для самого себя произнес: — Я тебя тоже люблю. И ты будешь моей женой. Очень скоро.

— Ты... шутишь?

— Ни капельки. Я бы на тебе завтра женился, но матушка мне этого никогда не простит. Нужно, чтобы я тебя сначала представил ей как невесту.

— А если она будет против?

— Это уже ее трудности, — беспечно отозвался Андрей, закрывая рот Жанне страстным поцелуем.

Внутренне он, правда, не был так уж олимпийски спокоен. Не родилась еще та женщина, которая могла бы понравиться Аде Николаевне в качестве невестки. И никогда в жизни он не женится на одной из тех великосветских, безупречно воспитанных девиц, с которыми его периодически знакомая. С такой супругой через три дня от скуки на стену полезешь. Не то, что Жанна...

Алевтина говорила когда-то, что отец женился на маме чуть ли не на третий день после знакомства. Правда, тогда было проще, да и статус у папеньки был такой, что никакие очереди, тем более — в загс, для него не существовали. Равно, кстати, как и самих загсов. Зарегистрировали брак дома, чтобы не создавать лишнего ажиотажа.

Вот бы ему так: утром вызвать на дом регистраторшу из загса — и через час стать законным супругом самой лучшей девушки на свете. Наверное, это у них семейное: любовь с первого взгляда. Жанна немного похожа на Аду Николаевну: тот же тип жгучей брюнетки с темными глазами. Только Ада вся из себя такая царственная, а Жанна — просто милый ребенок. Но, может быть, и мама до замужества...

Он увидел, что Жанна заснула, тихонечко высвободился из ее объятий и отправился на кухню. Пить хотелось, как после пересечения Сахары. Уже рассвело, но время было еще раннее, и он удивился, застав там Алевтину: обычно она на свой боевой пост заступала не раньше девяти, поскольку никто в доме раньше и не просыпался. А тут — сидела возле огромного кухонного стола и раскладывала старые, засаленные карты.

— Ты что делаешь? — спросил Андрей.

— Не видишь — гадаю, — невозмутимо ответила Алевтина.

— А мы с Жанной решили пожениться, — жизнерадостно оповестил ее Андрей.

— Их сиятельство взбесится, — все так же невозмутимо отреагировала домоправительница.

— Перебесится. А что это за расклад такой у тебя? На кого гадаешь?

— На тебя, соколик, — усмехнулась Алевтина. — На тебя и на суженую твою.

— И что?

— А ничего хорошего. Не быть вам вместе... сейчас. Потом будете... может быть.

— Темнишь ты что-то.

— Ничего я не темно. Гадание-то я у твоей матушки подсмотрела, хотя она один раз только его и разложила. А потом отдала мне и говорит: «Выкинь, Алевтина, куда-нибудь подальше. Только из дома не уноси».

— Что — карты?

— Да не то, чтобы карты...

Алевтина, как фокусница, извлекла откуда-то полированный металлический поднос с прикрепленными к нему картами. Все это было покрыто лаком и вообще очень напоминало по стилю творения Ады Николаевны.

— Сделала она это, говорит, по рисунку в одной старинной книге. Это называется «расклад польского короля». Какой-то там король в Польше в тюрьме сидел и от тоски картишками забавлялся. Вот и придумал... гадание. Потому и говорю, что вряд ли у вас с Жанной что-нибудь получится, пока...

— Пока что?

— Пока твоя мать жива! — выпалила Алевтина. — Она себе в башку вбила, что умрет, если у тебя дети будут. Умалишотка, честное слово.

— Ну, с детьми можно и не торопиться, Жанне еще институт заканчивать. Ладно, посмотрим. Пусть познакомятся, приносятся, так сказать, друг к другу. Не склеится — будем жить врозь, только и всего.

— Втрескался? — участливо поинтересовалась Алевтина. — Как твой папенька, с первого раза? Учти, их сиятельство очень невинностью будущей снохи заинтересуется. Сама-то нетронутая замуж выходила.

— Я у Жанны первый, — слегка покраснел Андрей.

— Уже успел! — ахнула Алевтина. — Точно, весь в папеньку. Ладно, бог не выдаст, свинья не съест. Пусть переезжает сюда, я ее кое-чему поучу, чтобы не сразу...

— Что — не сразу?

Алевтина, будто бы не слыша, сгрэбла со стола карты, прихватила поднос и ушла к себе в комнату.

А вечером Андрей перевез Жанну с ее нехитрыми пожитками к себе, даже не успев познакомиться с будущей тещей: та опять была в ночной смене...

Восемь лет прошло... И вот Жанна снова в его постели, как будто и не покидала ее с утра их помолвки. Как будто не совершила за это время непоправимую глупость, почти преступление...

Но Господи, как же она, оказывается, все еще ее любит!.. □

Окончание следует.

Немногие голливудские знаменитости остаются в жизни застенчивыми людьми, «равнодушно внимающими» похвалам и славе. К ним относится Ума Турман, прозванная «ангелом во плоти». Хотя в кино она играет роли проституток и наркоманок, в жизни — это хрупкая стильная женщина.

Ангел ВО ПЛОТИ

Владимир Кислов

Никто не мог предугадать, что высокая с большим носом девочка, которую в школе дразнили за необычное имя, станет одной из самых востребованных актрис Голливуда.

В детстве Ума завидовала своим сверстникам, у которых не было такого необычного окружения: среди знакомых ее отца, известного буддолога Роберта Турмана, были Далай-лама, актер Ри-

чард Гир и многие другие знаменитости. Она хотела сменить свое необычное имя Ума на Келли или Линду и, хотя родители ее любили, она часто плакала и замыкалась в себе. Зато многие навыки, приобретенные в детстве, помогают ей в жизни до сих пор. Так, она, согласно заветам знавшего ее с пеленок Далай-ламы и своего отца, регулярно занимается йогой.

С братьями Мипамом, Дехеном и Ганденом.

Страдания необычной девочки

Ума Турман родилась 29 апреля 1970 года в Бостоне. В ее роду было много незаурядных личностей. Ее дедушка — немецкий барон Карл фон Шлебрюгге женился на красавице — шведке Бригитте Холмквист. На родине Бригитты в порту Теллеборг высится ее огромная обнаженная статуя.

Мать Умы — Нена в 16 лет стала фотомоделью. Сальвадор Дали познакомил ее с известным гуру, проповедником наркотиков Тимоти Лири. Брак с Лири, который был старше Нены на 20 лет, продлился недолго, потому что она влюбилась в одного из его последователей — Роберта Турмана. Выбритый наголо Турман проповедовал буддизм, а в монахи его повсятил сам Далай-лама.

Вскоре после замужества Нена из манекенщицы переквалифицировалась в психотерапевта и родила Турману троих сыновей и дочь. Всем детям Турманы дали индийские имена, потому что долго жили в Индии, и только потом семья переехала в США.

Детство Умы прошло в городе рок-фестивалей Вудстоке и в маленьком

городке Амхерст (штат Массачусетс). Жители Амхерста удивлялись странным именам детей Турман. Ума в переводе с хинди означает «дарованная судьбой» или «дарующая блаженство». В ответ на упреки Умы ее мама отвечала, что она должна гордиться своим именем. Братья тоже получили странные для американцев имена: Дехен, Ганден и Мипам. Жители провинциального городка удивлялись также применяемому отцом Умы благовониям, приезжающим к ним из разных штатов студентам-буддистам и тибетским монахам.

«Я была очень высокой, — вспоминает школьные годы актриса, — руки и ноги — непропорционально длинными. К тому же, меня раздражал огромный нос и широко посаженные глаза». 10-летней девочке из-за такого носа чуть не сделали пластическую операцию, но вовремя одумались.

Турман почти не общалась со сверстниками и предпочитала сражаться в бейсбол и баскетбол с братьями. Ее страдания закончились, когда она стала играть в школьных театральных спектаклях. Ума исполняла роли Антигоны, Лауры в пьесе Тенесси Уильямса «Стеклянный зверинец»... Во время одного из спектаклей

На вечеринке с мамой.

ее заметили два театральные агента из Нью-Йорка, выскивающих молодые таланты. Они пригласили ее в Нью-Йорк, чем и воспользовалась 15-летняя девушка. От родителей она получила три сотни долларов в дорогу, завернутый в фольгу бутерброд и книгу о самураях. Когда Ума спросила, зачем ей эта книга, мать коротко ответила: «Пригодится», поцеловала ее в лоб и пожелала счастливого пути.

Первые роли в кино

Используя старые связи матери, Ума за гроши стала работать моделью. К этому времени она похорошела. К ее удивлению, модельеры стали обращать внимание на ее внешность. «Если Уму рассматривать по отдельности, — удивлялись они, — то не найдешь ничего особенного, но вместе — это нечто фантастическое». Секрет оказался прост: ее тело обрело идеальные пропорции из-за того, что она много курила и мало спала.

Приехав в Нью-Йорк, Ума поселилась в одном из самых опасных кварталов Бруклина из-за дешевизны снимаемой ею комнаты. Она устроилась на работу в ближайшую пиццерию посудомойкой, а по вечерам посещала актерские кас-

тинги. В квартале, имеющем символическое название «Адская кухня», баловались наркотиками, но Турман устояла, потому что предпочитала не ходить на свидания, а читать книги. Питалась она бесплатной пиццей в своем заведении. Ее комната была сырой и темной. Но она боялась окружающих ее людей. Они считали себя богемой, а она называла их «грязью жизни».

В 16 лет долговязой и замкнутой девушке предложили сыграть коварную соблазнительницу в малобюджетном триллере «Поцелуй папочку на ночь». Картина оказалась заведомо провальной, но, благодаря ей, Уму заметили и пригласили на одну из главных ролей в экранизации знаменитого романа «Опасные связи». В этом фильме, к изумлению продюсеров, 18-летняя Турман затмила таких звезд, как Джон Малкович и Мишель Пфайффер.

На съемочной площадке Турман вела себя своеобразно: обычно она забивалась в угол и ни с кем не разговаривала, но, когда раздавалась команда «Мотор!», преображалась, скинув непринужденно одежду. «Если нужно раздеться, чтобы раскрыть характер моего персонажа, — считает Ума, — я не вижу в этом ничего особенного». Наверное, поэтому в 1990 году Турман сыграла так свободно роль бисексуальной подруги писателя Генри Миллера в замечательной драме Филиппа Кауфмана «Генри и Джун».

После проката фильма «Опасные связи» Ума обнаружила, что зрителям больше нравится не ее игра, а ее обнаженное тело. Журнал «Плейбой» провозгласил ее «самой желанной женщиной года». Все это не понравилось ни Уме, ни ее матери, но было уже поздно. Таковы законы Голливуда. Режиссер Гилльям сказал Уме: «Ты уже обнажилась на экране, следовательно, ты — падшая женщина!»

Ангел и Дракула

Режиссер Фил Жоану во время съемок «Окончательного анализа» познакомил

«Криминальное чтиво».

Турман с известным актером-алкоголиком Гэри Олдменом. Ему было 32 года, Уме — 20. Свежая и нежная, как полевой цветок, она стала верной женой бабника и пьяницы. Гэри пытался приучить ее к марихуане, а Ума варила ему овощной суп, потому что он болел гастритом.

Гэри Олдмен сыграл целую галерею зловещих антигероев, вершиной которой стала роль Дракулы в фильме Фрэнсиса Форда Coppoly «Дракула Брэма Стокера». Благодаря огромному таланту Олдмену удалось создать неповторимый образ вампира, достойный «Оскара». Но Уме часто приходилось проводить время в полицейских участках, вытаскивая из них мужа, нашедшего собутельников в лице не менее известных, чем он сам, актеров Микки Рурка и Кифера Сазерленда.

Выпив, Гэри становился ужасно ревнивым, и Уме это не нравилось, так как ей даже в голову не приходила мысль изменить мужу. Но он так достал ее своей ревностью, что она изменила ему на самом деле. Долгие месяцы по Уме вздыхал и бросал влюбленные взгляды режиссер и актер Тимоти Хаттон. Ей достаточно было одного намека, как влюбленный оказался у ее ног.

Брак Олдмена с Турман продолжался 18 месяцев. Он ненавидел себя за свои

пороки, но еще больше ненавидел Уму за ровный голос, кроткий взгляд и бесконечное всепрощение. Впоследствии Турман назвала свой брак с Олдменом «подростковой глупостью и недолговечной блажью». Сотни раз Гэри падал перед Умой на колени и просил прощения, но потом опять заваливался в кабак с собутельниками. Зимой 1992 года терпению Турман пришел конец. Она собрала свои вещи и уехала. Когда Ума подала на развод, Гэри не протестовал, а просто заявил: «Я честно пытался жить с ангелом, однако это непросто, принимая во внимание размах его крыльев». С тех пор Турман стали называть Ангелом.

Стиль жизни

Журналистов поражает отличие экранных героинь Турман от ее повседневного облика. Культовая актриса сохранила застенчивость в общении. В Нью-Йорке, уже будучи известной, она жила в манхэттенской квартире на одном из последних этажей небоскреба.

Трудно быть ангелом в Голливуде, но недаром Ума с детства носит на шее маленькие сердечки, а для поддержания себя в форме фанатично практикует йогу, стараясь и других привлечь к этому полезному делу. На съемках очередного

фильма она предложила всем желающим каждое утро заниматься с ней йогой. Долго не поддавался уговорам актер Бен Газзара, но разве ангелу можно в чем-либо отказать? На туалетном столике у Турман стоит коробочка с прахом любимого кота Чи-Чи, прожившего с ней 21 год.

Ее смешит, когда ее называют секс-символом. «Для меня, — считает Ума, — секс-символы — это такие звезды, как Мэрилин Монро, Рита Хейуорт или Ава Гарднер. Лучше быть безработным, чем секс-символом». Для того, чтобы вынести все проделки желтой прессы, нужно иметь большое самообладание. Турман проявила его, когда в журнале «Плейбой» напечатали фотографии, сделанные папарацци на нудистском пляже, где она купалась обнаженной. «Мне стало неловко за издателей журнала, которые без моего ведома поместили не слишком художественные снимки». Тем не менее, она не подала в суд на «Плейбой».

Ума росла в буддистской среде и поэтому равнодушна как к несправедливой критике, так и к преувеличенным восторгам. «Все это не затрагивает моего истинного «я», — считает актриса. — Я знаю, что все в жизни преходяще».

«Криминальное чтиво»

Постепенно мастерство Турман возрастало, и она, как и все актеры, ждала заветной роли. И она пришла от темпераментного, амбициозного новатора Квентина Тарантино. В 1994 году он предложил ей сыграть роль жены главаря мафии Мии в пародии на криминальный жанр «Криминальное чтиво». Она появилась на экране в иссиня-черном парике с пунцовыми губами и влекущим взглядом, на ходу бросая многозначительные, ничего не значащие реплики.

Особенно поразила всех сцена танца Умы с Джоном Траволтой. Блестящая игра Турман стала результатом десятилетнего упорного труда актрисы. Ее номинировали на премию «Оскар». С этих

пор Ума — на пике популярности. Ее провозглашают самой стильной актрисой поколения «X». Миллионы девушек принялись причесываться, как ее героиня и красить волосы в иссиня-черный цвет.

В интеллектуальных фильмах

Последним коммерческим фильмом, в котором снялась Турман, оказалась комедия Гаса Ван Сента «Даже девушки-ковбой иногда грустят». Она сыграла в ней роль девушки Сисси, родившейся с очень длинными пальцами и всю жизнь передвигавшейся автостопом. После «Криминального чтива» Турман твердо знала, чего она хочет добиться в кино. Поэтому не реагировала, когда режиссеры и продюсеры называли ее «невротичкой» или «занудой».

В 1995 году вместе с Ванессой Редгрейв она снялась в романтической комедии «Месяц у озера», а через год — в историко-приключенческом фильме «Правда о кошках и собаках», в 1998 году — в экранизации драмы Виктора Гюго «Отверженные». Как правило, интеллектуальные фильмы, в которых она снималась в это

Ума Турман и Джон Траволта
(«Будь круче!», 2005).

Ума и Итан на фестивале в Венеции, 2001 год.

С трехлетним Левоном и шестилетней Майей (Нью-Йорк, 2004).

Андре Балаж терпеливо уговаривает Уму выйти за него замуж, но актриса не спешит с ответом (Париж, 2005 год).

время, проваливались в прокате. Неудачей стала и роль красотки-суперагента Эммы в фильме «Мстители». За 30 лет до этого огромный успех пользовался телесериал с блестяще сыгравшей роль Эммы Дианой Ригг.

Пять лет с Итаном Хоуком

Молодой актер Итан Хоук подошел к ней, когда Ума в перерыве между съемками заснула. Итан расстегнул браслетик на ее ноге и надел на свою руку. Этот день они назвали днем обручения.

Итан писал книги и выступал в рискованных театральных постановках. В отличие от Олдмена, он был спокоен, рассудителен и начитан. «Итан понравился мне тем, — уверяла потом Ума, — что не был слишком навязчив и не приступил, как обычно поступают мужчины, к чрезмерным ухаживаниям».

Венчание произошло в мае 1998 года в одном из крупнейших готических храмов мира — в Манхэттенском соборе. Большой кортеж полицейских машин охранял молодоженов от папарацци. Ума ростом значительно превышала своего небритого мужа. Хоук надел на ее палец обручальное кольцо с восемью бриллиантами, один из которых был внутри, символизируя нечто таинственное.

В июле 1998 года после 28 часов схваток Турман родила дочь Майю Рэй,

и супруги переехали из маленькой нью-йоркской квартиры в древний особняк в графстве Рокланд.

В 1999 году Турман сыграла только у Вуди Аллена, которому она не могла отказать (фильм «Сладкий и гадкий»), но уже в 2000 году снялась в кинофильмах (французская картина «Ватель» и лента «Золотая чаша») и в двух телесериалах. В том же году она подписала пяти-миллионный контракт с французской косметической фирмой «Ланком».

В январе 2002 года Турман родила сына Левона. В это время между супругами выросла непреодолимая стена. Суть разрыва состоит в том, что, хотя Итан, как и Ума — сложный и замкнутый человек, но для него это — часть имиджа, а для нее — природная суть. Хоука раздражали бесконечные медитации Турман и то, что она отказывалась от выгодных контрактов. Впрочем, мудрая Ума психологически подготовилась к неизбежному разрыву.

Самоуверенный Хоук думал, что Турман будет упрашивать его остаться, когда он скажет: «Я ухожу. Я полюбил другую». Ответа не последовало. Месяц Итан провел в обществе канадской фотомодели Джен Перцоу. Но, когда он предложил Уме оформить развод, услышал уничтожающие слова: «У меня нет времени. Я пойду к адвокату, когда ты надумаешь жениться».

С Квентином Тарантино и бывшим супругом Итаном Хоуком.

Творческое сотрудничество с Тарантино

В период разлада с Хоуком Турман помогло сотрудничество с Тарантино. Если «Криминальное чтиво» продвинуло Уму к новым творческим успехам, то исполнение роли в картине «Убить Билла» способствовало успокоению ее духа. Когда Тарантино задумал сценарий «Убить Билла», она была беременна, и он из-за этого приостановил съемки. Теперь Турман пришла к нему в полной боевой готовности, облаченная в костюм а-ля Брюс Ли.

Тарантино считает Турман своей музой, а она его — творческим другом и наставником.

По восемь часов в день Ума занималась ушу. В итоге, на экран вышли три фильма: «Убить Билла», 1-я и 2-я части видеоленты «Ушу с Умой Турман». Владению самурайским мечом учил Турман мастер восточных единоборств мистер Пин.

В октябре 2003 года Турман подала на развод с Хоуком и перестала появляться на людях. Как и всегда, ее утешительни-

цей стала мама, к которой она переехала в Сан-Франциско.

Турман «убила» Уму

Когда Турман пришла на съемки фильма «Убить Билла», Тарантино, зная, как она переживает тяжелый период развода с Хоуком, пошутил, что, может быть, стоит переименовать фильм, назвав его «Убить Итана», на что Турман ответила: «Скорее, в «Убить Уму». Она имела в виду, что ей нужно преодолеть угнетенное состояние, связанное с процессом развода.

В конце 2004 года Ума снялась со своим партнером по «Криминальному чтиву» Джоном Траволтой в фильме «Сохраняй спокойствие». Это продолжение комедии «Достать коротышку». В 2005 году Турман сыграла роль в картине «Будь круче!». Она была признана лучшей драчуньей за роль в фильме «Убить Билла» на MTV Movie Awards 2005 года. С мужчинами теперь Ума очень осторожна и поэтому не спешит выходить замуж за 48-летнего гостиничного магната Андре Балажа. Может, правильно делает. □

Татьяна Полева

СТРАНА ДЕРЕВЬЕВ И ОЗЕР

Дерево желаний

Изначально это было «паломничество в Карелию к дереву, исполняющему желания». Объяснюсь. В мои планы входил выезд на выходные в город Петрозаводск — столицу сказочной (как мне кажется) республики Карелия. «Дерево желаний» действительно существует — стоит себе на набережной Онежского озера и «выслушивает» все, что людям в голову

взбредет, при помощи уха, расположенного непосредственно на стволе. Работает, честно вам говорю, проверено на собственном опыте.

Дела давно минувших дней

Перед мысленным взором предстает Петрозаводск тех времен, когда здесь шумели заводы, работали домы, кузницы и различные цеха. Началось все летом 1703 года на берегу Онежского

озера, в устье реки Лососинки, где, по велению и желанию Петра I, заложил строительство железодельного завода. Закладка произошла 29 августа, с этой даты и началась история Петрозаводска. Откуда взялось название города, думаю, объяснять не нужно.

Первыми жителями поселения были 560 местных крестьян, взятых из рекрутов, 290 посадских кузнецов, переселенных из разных городов России, в том числе более

ста оружейников из Тулы и даже семнадцать мастеров-иностранцев. Для защиты завода там же расквартировали около трехсот солдат гарнизонного батальона. Постепенно около завода возникла Петровская слобода, ставшая в 1715 году административным центром Олонецкого уезда. На заводах неоднократно бывал Петр I. Для него построили царский дворец (разрушился со временем), который окружала березовая роща — «летний сад». Другим крупнейшим архитектурным памятником Петровской слободы стала сооруженная по указанию Петра I Петропавловская Новоманерная церковь (сгорела при невыясненных обстоятельствах). После окончания Северной войны началось общероссийское свертывание производства, приходили в упадок заводы по всей стране. Петрозаводск не избежал грустной участи, город утратил былое величие.

Многие старые дома являются свидетелями тех далеких дней, когда горожане на своих экипажах, или же наняв возницу, нередко выезжали отдыхать на природу в местечко Пески. Готовились к таким пикникам весьма серьезно — с собой брали пледы, подушки, самовары, корзинки со снедью. В то

время в Песках от снега и до снега жили рыбаки. За 2—3 рубля им можно было заказать тоню — тут же на глазах у заказчика забрасывался небольшой невод и на берег вытаскивались трепещущие окуни, щучки, сижки, нередко попадались и лосось. Из пойманной рыбы на кострах варили душистую уху. Рыба, кстати, и по сей день остается гордостью Карелии, а насчет домов

вообще однозначно высказался Никита Хрущев во время своего визита в город: «Город маленький, промышленности почти никакой, а отстроили, как Сан-Франциско. У вас лесная республика — вот и стройте жилые дома из дерева. Камень свой есть? Значит, на каменном фундаменте...»

Наверное, еще с тех времен городская архитектура сохранила свой

живописный облик. Улицы, ведущие нас к набережной, выглядят аккуратно и очень чисто, чего нельзя заметить в российском городе.

Город. Прибытие

Поезд из Москвы идет до Петрозаводска 13—14 часов. И вот мы — на перроне. Здание вокзала — длинный шпиль на фоне неба — вполне чистое и какое-то слегка европейское. Круглая привокзальная площадь, от которой прямо — проспект Ленина (улицы сохранили старые названия со времен СССР), проходящий через весь город — от вокзала до набережной. Петроза-

водск — город спокойный и уютный. Народ здесь северный, светловолосый и степенный. Не обидит зря. В городе малолюдно и не суетно. Автомобилисты тормозят, лишь заподозрив, что кто-то хочет перейти дорогу. Две главные реки названы Лососинкой и Неглинкой. Словом, не город, а сказка.

Набережная, любимое место жителей города, обычно становится и любимым местом туристов, вроде нашей компании. От нее в Петрозаводске, как от судьбы, никуда не уйдешь. Любуемся на сверкающее Онежское озеро, по которому в направлении одной из главных достопримечатель-

ностей Карелии — красивейшему острову Кижы — проносятся «Кометы», быстроходные суда на подводных крыльях. Нас же у берега ждет баркас с романтическим названием «Мария», предлагающий прогулки на воде. Не долго думая, мы в него и загружаемся. Погода, как будто только этого и дожидавшаяся, не замедляет подарить нам, уже удобно усевшимся на палубе, дождевой залп. Вообще, погода в Петрозаводске — это явление, находящееся за пределами понимания. Никогда нельзя толком разобраться, что ждет тебя через несколько минут. Дождевые тучи так быстро сме-

няются солнцем, что мы только успеваем спуститься в каюту, как можно снова подниматься и любоваться видами озера. Где-то на противоположном берегу, который отсюда и не увидишь, находится место с жутким названием «Бесов нос». Там находятся знаменитые петроглифы — древние наскальные изображения, загадки карельской цивилизации, обнаруженные не так давно, но уже ставшие объектом научных исследований и менее научных посещений туристами.

Скульптуры и аллеи

Самая большая достопримечательность набережной

— это галерея скульптур под открытым небом. Чуть ли не к каждому празднику или какому-то событию администрация города устанавливает на набережной новый памятник или скульптуру. Это различные произведения «современного искусства», довольно любопытные, потому что в случае разглядывания их без помощи экскурсовода придется поломать голову над их концепцией. И не столько интересна история тех или иных произведений, сколько байки и легенды, которые породила вокруг них народная молва.

Цель нашего путешествия — «дерево желаний»

— тоже скульптура, подарок городу из Швеции. Это современная интерпретация древнего поверья, когда на дерево повязывали лоскутки материи, чтобы обрести счастье. Здесь же, вместо лоскутков, на дереве «росли» колокольчики. Догадываетесь, что осталось от этих колокольчиков буквально через месяц. «Дерево желаний» фигурирует в шведском национальном эпосе, поэтому скульптура является жутко символической. Да и про желания — чистая правда. Не верите — можете убедиться сами.

Расскажу еще о некоторых странных произведениях искусства. Так,

например, огромный металлический каркас, который виден с любой точки набережной, на самом деле является подарком из США под названием «Рыбаки». Если присмотреться, каркас действительно оказывается фигурами двух рыбаков, русского и американского (вот только интересно — кто из них кто), закидывающими сеть в Онежское озеро, что, по замыслу автора, должно символизировать совместный созидательный труд. Местные жители, кстати, полюбили давать этой скульптуре «ласковые» прозвища: «Два терминатора», «Браконьеры», «Дистрофики с паутиной»...

Нескольких блестящих козырьков-треугольников, которые скрывают камень, носят официальное название «Волна дружбы», однако более известны как «Вигамы»

или «Домики». Это произведение юной девушки-скульптора из Финляндии. Наибольшее недоумение у жителей Петрозаводска вызывал почему-то именно камень. Видимо, ко всяческим изыскам из металла они уже привыкли. Что он означает? Зачем тут лежит? В конце концов, решили: это, видимо, камень раздора, который и накрывает волна дружбы.

Металлические штыри разной длины, торчащие из земли, похожи на отвертки, сверла и другой слесарный инструмент. На самом же деле «отвертки» оказываются скульптурой «Лес», символизирующей разность и похожесть людей, как деревьев в лесу. Второе название, «Тюбингенское панно», выбрано не случайно, поскольку сделали его скульпторы Харт и Фогельман из Тюбингена (Германия).

Через шесть плоских чугунных женщин надо пройти по ступенькам. Говорят, благодаря этому тоже что-нибудь может сбыться. Называется это чудо «Место встречи» и является символом побратимских отношений между Петрозаводском и каким-то норвежским городом. Авторы скульптуры полагают, что города являются женщинами. Женщины протягивают друг другу руки, из рук произрастают ростки дружбы, которые с прошествием времени превратятся в сильное и прекрасное растение. Скульпторы лично раскрасили скульптуру в коричневый, золотистый и зелёный цвета.

Еще одна женщина, в одиночестве сидящая среди металлических колонн — скульптура «Карельская Мадонна» или «Спящая красавица», дар французского горо-

да Ла-Рошель. По мнению автора, эта скульптура отражает характер Петрозаводска, она олицетворяет богатства Карелии: ее леса, озера, недра. Петрозаводск — это вода и лес. Онежское озеро и карельский лес — для него футляр, поэтому автор изобразил в своей скульптуре женщину, которая лежит на озерных водах, спящих у подножия леса — его символизируют колонны. Эти колонны расположены подобно шпангоутам корпуса корабля. Корабль в свою очередь символизирует связь водными путями между людьми. И, наконец, скульптура «читается» с обеих сторон: со стороны набережной и со стороны дороги вдоль озера. Таким образом, она принадлежит и гуляющим и прохожим.

К 300-летию города набережная была про-

длена и дополнена серией скульптур из дерева, над разгадкой некоторых из них (вроде женщины-кошки или однокрылой Ники с крестом) мы бьемся до сих пор.

Юбилей Петрозаводска прошел незамеченным по причине 300-летия «старшего брата» — Санкт-Петербурга. Оба города были основаны примерно одновременно — в 1703 году. На самом деле, Петрозаводск на «брата» не похож. Мне кажется, что он имеет много общего с Прибалтикой и, может быть, Финляндией. Но это точка зрения автора, которая, как известно, не всегда совпадает... Вы можете сами составить свое впечатление о городе, разгадать тайны его скульптур, и не забудьте нашептать желание — сбудется обязательно! □

Не одно поколение зрителей выросло, наслаждаясь игрой Владимира Долинского в кино и на театральной сцене...

Дарите цветы

Кто из нас не видел «Графиню де Монсоро», где он блистателен в роли монаха Гранфло, картину «Тот самый Мюнхгаузен», «Зимняя вишня-2», «Агапэ»... Он — артист острохарактерный, разноплановый, убедителен в любой роли. «Лакомый кусочек» на ТВ смотрели из-за Долинского, так колоритно, виртуозно он в образе этакого холостяка воплощал на экране всевозможные кулинарные заморочки.

Совершенно невозможно остаться равнодушным к его игре, он обладает особым талантом — не только мастерски перевоплощаться, но и завоевывать сердца миллионов. Огромная сила воли, твердый характер, сердечность,

оптимизм, доброта и огромный талант присущ актеру и человеку Владимиру Долинскому.

— Владимир Абрамович, что нового в вашей творческой жизни?

— Репетирую в театре Сатиры спектакль в постановке Александра Ширвиндта «Генеральная репетиция» по пьесе Альдо Николаи к юбилею Ольги Александровны Аросевой, мы с Аросевой играем супружескую пару воров! Мне эта работа чрезвычайно интересна. Театр Сатиры — моя alma mater, после окончания Щукинского училища я, совсем молодой, начинал работать в этом прославленном театре. Играю в антрепризном спектакле

«Второе дыхание» по пьесе братьев Поздняковых с Татьяной Васильевой, она блистательная, на мой взгляд, актриса. Постановка получилась замечательная. Снимаюсь в музыкальном

работе в театре Антона Чехова под руководством Леонида Трушкина, в пьесе Григория Горина «Шалопай, или Кин Четвертый». Спектакль о дружбе и соперничестве короля Георга Четвертого и великого английского актера Эдмона Кина. Я играл четыре роли с секундными переодеваниями, такой райкинский прием, извините за нескромность, когда происходит мгновенная трансформация из образа в образ.

В LaTeатре играю в «Слухах» по Нилу Саймону. Феерическая комедия, полная реприз и курьезов. В ней захватывающий сюжет — со стрельбой, полицией, скандалами, интригами, любовью, ревностью, политикой. Четыре семейные пары собираются на светскую вечеринку, но загадочные выстрелы в спальне хозяина отзываются чередой невероятных событий и разоблачений. В «Слухах» мощная актерская

и аплодируйте!

фильме-сказке «Бедная крошка» по мотивам «Дюймовочки», у меня роль такого Болотного Президента. Режиссер — Евгений Гинзбург, костюмы — Валентина Юдашкина. Идут съемки полнометражной картины «Тупой жирный заяц», режиссер Вячеслав Рост. Фильм о непростой судьбе провинциального актера, у меня роль директора театра.

— Почему вы несколько лет назад ушли из стационарного театра и стали работать в антрепризах?

— Антрепризы, как правило, построены на договорной основе. Я сам решаю, устраивает ли меня режиссер, драматургия, финансовая сторона. Первой антрепризой стала для меня

команда — Ольга Волкова, Владимир Стеклов, Марина Могилевская, Андрей Ильин, Валентин Смирнитский.

— Вы играли миссис Боэл в спектакле «Мышеловка» по пьесе Агаты Кристи театрального агентства «Ле Кур»...

— Незадолго до своей смерти Виталий Соломин пригласил меня на роль судьи миссис Боэл, пьесе исполнилось уже 50 лет и она попала в книгу рекордов Гиннеса как пьеса, которую чаще всего ставят и играют на сценах мира. Так сложились обстоятельства, что из этого спектакля я вышел, как и Лариса Гузеева, как и Александр Филиппенко.

— Владимир Абрамович, как вам удастся на сцене перевоплощаться в женщину?

— Во-первых, я люблю женщин, во-вторых, как мне кажется, я знаю их повадки, манеру себя вести, поэтому то, что получилось на сцене, можно назвать собирательным образом. За эталон взял Фаину Георгиевну Раневскую и внутренне пытаюсь ей подражать...

— Как вы относитесь к штампам?

— У плохого актера в арсенале мало штампов, у хорошего — много, а у блистательного — великое множест-

во штампов! Он достает их из своего «запасника» и насыщает ими роль.

— Некоторые скептически воспринимают антрепризу. Как вы считаете, почему?

— В каком бы самом хорошем театре ни работал — никогда не встречусь с таким количеством блистательных актеров, как в антрепризе. Происходит творческое обогащение, мы, артисты, как обезьяны, воруем и дарим друг другу какие-то ходы, приемы, раскры-

ваем свои секреты мастерства. В антрепризе я сам выбираю свою судьбу, а не главный режиссер, который что скажет, с тем ты и обязан согласиться. Если режиссер стационарного театра может поставить любой спектакль, не задумываясь о его дальнейшей жизни, то режиссер антрепризы не имеет права на ошибки — спектакль должен оправдать себя и творчески, и финансово, он должен нравиться публике, а следовательно — быть хорошим.

— Вы легко садитесь на шпагат... Как держите форму?

— Дома занимаюсь физкультурой. У меня есть отличная шведская стенка, дюжина гантелей.

— Вас знают как замечательного ведущего передачи «Лакомый кусочек», вы придумывали кулинарные рецепты и на глазах у зрителей воплощали их на кухне. Почему расстались с этой передачей?

— Знаете, мне не хотелось бы, чтобы для большинства зрителей я ассоциировался с таким образом кулина-

ра. У меня много работы в театре, снимаюсь в кино.

— Вы гурман, а к плите подходите, если есть время?

— Готовить люблю, но катастрофически не хватает времени! Мои фирменные блюда — форшмак, овощной плов и кабачковая икра. Вообще, пицца должна готовиться с применением

фантазии и с любовью. Когда приезжаю с гастролей, съемок, хочется побаловать своих девчонок — жену Наталью и дочь Полину, блюдом особенным.

— Полина продолжает семейную династию, тоже будет актрисой...

— Учится сейчас в Щепкинском театральном училище. Ей нравится постигать азы актерской профессии, она вся в учебе. Я этому очень рад!

— Какой должна быть женщина, в вашем понимании?

— Самое главное, чтобы женщина была верной.

— Чем занимаетесь на досуге?

— Пишу книгу, которая состоит из монологов-размышлений, воспоминаний из моей жизни, и смешных, и печальных.

— Какая вам нравится публика?

— Непосредственная, открытая.

— Что бы вы пожелали зрителю?

— Будьте требовательны, искренни и непосредственны, как дети, честно и открыто выражайте свою радость и неудовольствие — ведь театр для того и создан. Не нравится — свистите и топайте ногами, а нравится — аплодируйте и дарите цветы! □

Беседовала **Елена Воробьева.**

Денис Логинов

ИМВО

в честь
Императора!

олландия. Городок Заандам. Тот самый, где Петр Первый осваивал премудрости кораблестроения. Заливные луга, тут и там со стародавних времен — ветряные мельницы. На центральной площади — памятник Ца-

рю-плотнику. Неподалеку, в переулке, его тогдашнее жилище — сейчас «Домик Петра».

Тщательно сберегаемый вот уже больше 300 лет простой деревенский сруб. Скромное убранство. Тесная кро-

вать, устроенная в шкафу, чтобы теплее было спать, тяжелые столы и стулья. Но больше всего поражают стекла в покосившихся оконных рамах. Точнее — надписи, оставленные посетителями. Не карандашами или углем выводили на неровных стеклах памятные надписи. Нет! Острыми и твердыми алмазными гранями бриллиантовых перстней выражали далеко не бедные посетители свое восхищение именитым учеником из возрождающейся тогда России.

Естественно, что именно здесь регулярно устраивают всякого рода праздники в честь знаменитого русского императора. А трехвековую годовщину Санкт-Петербурга отмечали с размахом необычайным. И хотя основные официальные торжественные мероприятия вроде бы окончились, голландцам не хватало чего-то уж совсем необычайного. И они сделали это. В свойственной жителям этой страны каналов, дамб и ветряных мельниц непринужденной манере.

Устроили фестиваль российского пива. Не перевелись еще в Голландии смелые люди, рискующие на местном плотном рынке выставлять российский сорта.

— Это довольно сложное дело, — сказал нам один из организаторов «Российского пивного фестиваля» Алекс Дирсма, — поскольку здесь на Западе представления не имеют, что Россия — пивопроизводящая страна. Приходится долго объяснять, что Россия — быстрорастущий игрок на международном пивном рынке.

По соображениям вполне понятным, не стану перечислять, какие именно сорта были представлены в эти пенные дни. Но то, что на бутылках были самые популярные российские этикетки, сомневаться не приходилось.

Под пиво, естественно, хорошо шли сувениры. Праздник привлек невиданное число любителей утолять жажду ячменным напитком, и поэтому орга-

низаторы запаслись целой толпой матрешек, шкатулок, деревянных плошек и расписных русских ложек.

Не остались в стороне от фестиваля и местные пивовары. В Голландии, где практически все пивоварение сосредоточено на крупных предприятиях, любители оригинальных рецептов гордо называют себя — «пивными экспериментаторами». Одна такая небольшая «альтернативная пивоварня» была представлена и в Заандаме.

Коронная ее продукция — пиво «Петр Первый». Тоже альтернативное. Уникальность его заключается в том, что оно шоколадное! В это трудно поверить и, чтобы убедиться, надо обязательно попробовать! И тогда наверняка все почувствуют, что оно действительно шоколадное! То есть сделано на основе горького порошка какао-бобов. Темное, густое с манящим ароматом и стойкой пеной, на которой, как говорят в России, «гривенник лежит». Правда, недостаток все же есть. Он, если так можно выразиться, странственный. Отведать этот, как теперь говорят, «эксклюзивный продукт» можно только здесь, в Заандаме.

Правда, почему имя императора Петра ассоциируется с шоколадом, нам втолковать так и не смогли. Успокоив только, что оно не сладкое. Скорее всего, великий император не был сластолюбив и вкушал только горький шоколад.

Невиданная для местных сортов крепость «Петра» пришлось, судя по тому, что кран не закрывался ни на секунду, по вкусу подавляющему числу страдающих от жажды и осенней заандамской жары.

Но оказалось, что пивным альтернативщикам этого было мало. По кругу на дегустацию пустили, как утверждали пивные спецы, совсем уж необычный, экспериментальный напиток. Рецепт оказался прост, как русские грабли. Это было обыкновенное голландское пиво с обыкновенной рус-

ской водкой. Пришлось разочаровать изобретателей сообщением, что в России эту смесь практикуют с давних времен. Чтобы не слишком расстраивать экспериментаторов, мы посоветовали, когда напиток пойдет в промышленное производство, назвать его выразительным словом «Ёрш».

На фестивале, как это и положено, не обошлось и без торжественной части. На нее, как водится, были приглашены российские дипломаты. Правда, задолго до официального открытия де-

густация широкого ассортимента уже началась, и голландцы, которые еще с петровских времен вообще с трудом произносят русские фамилии, тут уж стали читать их, что называется, «сильно по слогам».

К чести нашего российского представительства надо сказать, что оно поступило мудро, прислав на праздник молодых дипломатов. Надо думать, со здоровой печенью. Все-таки пивная Ассамблея. Почти как в петровские времена. □

Из песни

СЛОВ НЕ ВЫКИНЕШЬ

Братья Крестовские решили посвятить жизнь музыке, и не зря — ведь созданная ими группа «Уматурман» за два года стала невероятно популярной в России. Ребята удерживаются на первых местах всех хит-парадов, а на Московском кинофестивале им удалось исполнить свои песни самому Квентину Тарантину.

Владимир и Сергей Крестовские, скрывающиеся под псевдонимом «Уматурман», родились в Нижнем Новгороде. С детства оба занимались музыкой, и не просто разучивали гаммы и штудировали нотную грамоту, а сочиняли песни, делая к ним потрясающие аранжировки. Но, увы, несмотря на все усилия, музыкальная карьера как-то не складывалась. Будущим звездам пришлось здоро-

во папахать на ниве, весьма далекой от шоу-бизнеса.

Младший — Владимир окончил ПТУ, получил специальность электромонтера и решил заниматься предпринимательством, но и здесь дело не пошло. Тогда он поступил на курсы парикмахеров, однако за месяцы учебы успел возненавидеть эту профессию. Но, как ни крути, надо было зарабатывать чем-то на жизнь, поэтому за год Володя сменил около десятка рабочих мест — начиная от ночного санитара в морге и заканчивая заместителем директора дизайнерской фирмы. Несмотря на широкий диапазон перепробованных профессий, Владимир не забывал о музыке. И хотя он забросил ее, убеждение, что именно она — дело всей его жизни, не давало покоя. Накопив денег, Владимир отправился покорять шумную Москву. Здесь он стал предлагать звукозаписывающим компаниям свои песни. Но везде получил отказ. Даже группа «Тату», тогда еще совсем никому не известная, забраковала его творчество.

Жизнь старшего брата Сергея на тот момент тоже складывалась не самым лучшим образом. После школы он работал токарем, почтальоном, грузчиком на заводе шампанских вин, няней в детском саду и лишь изредка, для души, подрабатывал диджеем в местном ночном клубе или пел в ресторане. Правда, ему удалось собрать группу «Бродвей», записать с ней небольшой альбом и даже съездить на гастроли, но вскоре коллектив распался. Сергей не стал отчаиваться и принял участие в рок-фестивале вместе

с кантри-группой, которая спела его песни. Ребята заняли первое место и поехали в Германию.

За десять дней они дали пять концертов. Поначалу казалось, что долгожданная слава пришла. Но вскоре группу забыли, и Сергей прекратил с ней сотрудничать. А до рождения «Умытурман» еще было далеко.

— Лично я, — признается Владимир, — засунул свои амбиции касательно Москвы куда подальше. Продолжал писать песни и исполнять их под гитару в ночных клубах, ресторанах, на концертных площадках родного города. Но однажды мой брат Серега предложил сыграть в две гитары. И получилось просто здорово, новое музыкальное звучание буквально окрылило мое творчество. Я и брат создали группу «Не нашего мира». Это название мы позаимствовали с маленькой дощечки, неизвестно откуда появившейся в нашем доме. На ней был изображен инопланетянин, выжигающий именно эту фразу.

— Нас даже начали узнавать на улице и полюбили в пределах родного города, — вспоминает Сергей. — В общем, дело пошло на лад, и мы решили создать демо-альбом. На нижегородской студии записали пятнадцать Володькиных песен, с моей аранжировкой.

— Наконец-то, нашим творчеством заинтересовались некоторые московские студии и пригласили к себе на прослушивание, — подхватывает Владимир. — С этого момента, можно сказать, и начался взлет.

— Только было одно «но», — перебивает Сергей. — Название группы при-

шлось не по вкусу. Буквально за одну ночь надо было придумать что-то новое. Если честно, долго голову не ломали. У нас с Вовкой была любимая актриса, фильмы с ее участием мы знали наизусть — несравненная Ума Турман. В ее честь мы и назвали наш дуэт.

Первое публичное выступление состоялось в одном из московских клубов на концерте Земфиры. В день рождения Володи в декабре 2003 года.

— Сказать, что мы волновались, значит, ничего не сказать, — вспоминает Володя. — Выступать с такой звездой было страшно до ужаса. Даже не представляю, как сложилась бы наша дальнейшая судьба, если бы не было того концерта, согласия Земфиры спеть вместе с нами. Для меня она — самый талантливый человек в мире. И представляете, вдруг она обратила внимание на малоизвестных ребят, выступила вместе с ними. Фантастика. Но Земфира такая!

— Вскоре, после выхода в эфир первой песни и клипа, мы записали саундтрек к суперпопулярному, уже не только в России, но и в Европе, фильму «Ночной Дозор», — продолжает Сергей. — Все получилось как-то само собой. Наши песни понравились режиссеру Тимуру Бекмамбетову. И он предложил сочинить что-нибудь шокирующее и принципиально отличающееся от того, что принято считать саунд-треком. Музыка была написана, как ни странно, очень быстро. Записали мы ее в домашних условиях. Удивительно то, что Тимур принял именно эту версию, а не несколько других, записанных уже на профессио-

нальной студии. Бекмамбетов сказал, что на несовершенной демо-версии присутствует то самое настроение, которого он ждал от главной песни фильма.

— Думаю, очень важно передать в музыке настроение, атмосферу, тонкость ощущений, иронию, юмор. То же самое касается и текстов песен, — говорит Владимир. — Недавно нам удалось исполнить песню про Уму Турман на Московском кинофестивале самому Квентину Тарантину. Наше выступление сопровождал очень смешной клип, нарезанный из кадров фильмов с участием Умы Турман и отечественной киноклассики. Упомянутый в песне знаменитый кинорежиссер был весьма доволен преподнесенным сюрпризом. Он очень долго смеялся, глядя на экран и слушая синхронный перевод песни. Естественно, воспользовавшись случаем, мы с Сергеем передали Квентину посылочку для нашей «тезки», с диском и переводом песни про нее.

— А один известный журналист рассказывал нам, что как-то брал интервью у Умы и сообщил ей о нашем существовании в России, — добавляет Сергей. — Актриса scandalить по поводу нарушения своих прав не стала, а, наоборот, захотела познакомиться лично. Но пока знакомство, к сожалению, не состоялось, хотя мы и были приглашены в Англию, правда, не Умой Турман. Но я и Володя не отчаиваемся. Думаем, что рано или поздно это случится. Ведь из песни слов не выкинешь. □

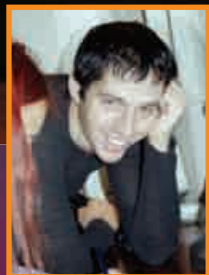

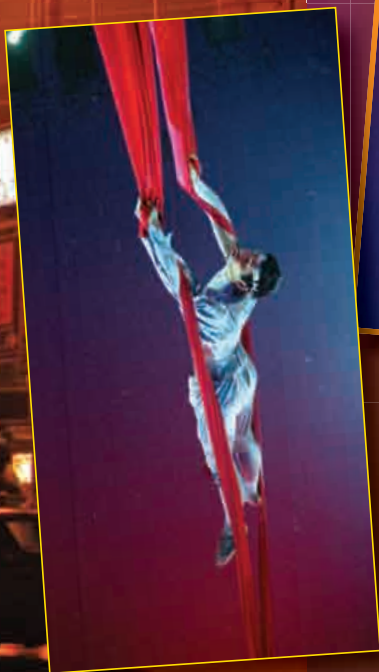
Фото Владимира Чейшвили

Икар

Ему двадцать с небольшим, но он уже покориł сердца миллионов любителей циркового искусства, сумев подчинить своей воле коварную тетиу проволоки, бесстрашно покориł пространство, взлетая ввысь, подобно птице, под самый купол цирка. Ловкость и грация кошки, мужество, мастерство, яркий артистизм, драматургия создаваемого образа, лучистая энергетика — такими словами можно кратко «написать» актерский портрет Евгения Ефремова.

— Евгений, как ты стал цирковым артистом, как начался твой путь в профессию?

— В цирке я не с детства, с малых лет мне нравилось танцевать, и свой путь в искусство начал с занятий хореографией, мечтал поступить в хореографическое училище, но в 18 лет поступил в эстрадно-цирковое. Выбрал сложный жанр — эквилибр на проволоке, этого мне показалось мало, и освоил еще второй — гимнаст на полотнах.

ным режиссером, и, как оказалось, она меня запомнила еще с конкурса и давно ждет. Очень благодарен ей, что ввела меня снова в профессию, научила стойко держать удар, и я понял, что, несмотря ни на что, нужно остаться верным самому себе.

— **Чему ты научился у Маковской?**

— Владеть собой, укрощать свое настроение, работать в любом состоянии души — плохо тебе или нет — нужно идти репетировать, приучать себя к самообладанию.

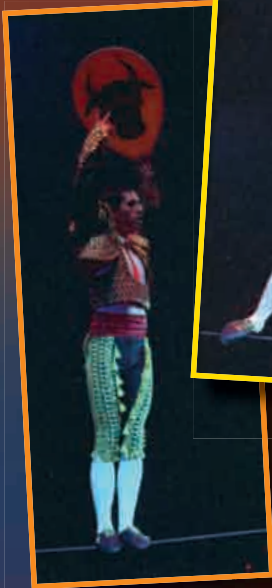
ПОД КУПОЛОМ

— **А в цирк на Цветном как попал?**

— После выпуска работал в Росгосцирке. На международном конкурсе в Саратове с партнершей взяли приз-дебют, но, увы, она была крупней по комплекции, и нам пришлось расстаться по этой причине. Я стал разочаровываться в профессии и ушел из цирка, два года танцевал в клубах. Может, это судьба, может, так совпали события, но мой друг работал в Цирке на Цветном и заговорил обо мне с Натальей Викторовной Маковской — глав-

— **У вас с режиссером монолог или диалог?**

— К процессу подходим творчески, если что-то нереально выполнить, тогда предлагаю свои варианты. Важно, когда режиссер формулирует задачу и умеет ее объяснить. Наталья Викторовна именно такой человек, еще и детально все обсудит, что очень важно для артиста. Маковская дала мне образ Тореадора и Икара, в училище я отбивался от них, как мог, тогда казалось — не мое, а Маковская

создала интересную композицию, и я понял, что смогу находиться в этих образах гармонично.

— Жень, ты смелый человек, танцуешь на проволоке без страховки, признайся, а страх испытываешь?

— Мой второй жанр — гимнаст на полотнах, если меня поднимут хоть на высоту 10 этажей, то страх не испытываю вообще, а когда меня подвешивают под купол цирка — страх появляется, как если подняться на 16 этаж и посмотреть вниз.

— Что за жанр эквилибр на проволоке?

— Этот жанр почему-то всегда путают с канатоходцами. Я же танцую на туго натянутой проволоке, метра два от земли. Эквилибр подобен, с точки зрения психологической, жонглированию, репетируешь — все хорошо, потом проходит день-два и проволоку нужно завоевывать снова, покорять, как в первый раз.

Главное — найти баланс с собой. Страх сейчас меньше. Конечно, бы-

вает страшно. Проволока тебя может выбросить в пространство в любую секунду, в любой миг.

— Бывало такое?

— Один раз было в училище на репетиции, во время прыжка соединил ноги и раз...пролетел! Прочесывает тебя проволока в этот момент по всему телу, обжигает страшно, тело горит. А чтобы челюсть при падении не сломать — нужно держать голову руками.

Через две недели после этого случая уже сдал экзамены, а перед тем, как я упал — моя партнерша сорвалась... После этого случая бывало тяжело психологически приступать к работе на проволоке. Вот бежишь по ней свободно, легко и вдруг раз...тормоз! Коварный жанр, как и жонглирование.

— Ты еще и жонглированием занимался?

— В училище осваивали все жанры — жонглирование, гимнастика, эквилибр, акробатика. А со второго курса начинается специализация.

— Какие ощущения, когда выходишь на арену?

— Волнуешься, нервничаешь, конечно, думаешь, как подать работу лучше, чтобы все получилось хорошо.

— **А гимнастический номер на полотнах?**

— На них просто летаю! И не только физически, но и душа моя в полете! Особая энергетика, прилив сил, гармония во всем! А лица зрителей! Чего стоит их увидеть в этот момент!

— **Ты видишь лица зрителей во время работы?**

— Конечно! Эмоции, энергетика, а какие глаза! Не поверите, но я чувствую, если в зале мои друзья. Такой импульс солнечной энергии испытываешь!

— **Как входил в образ Тореедора?**

— Смотрел кассеты с боями быков, тореро весит 48—50 кг, а бык — 500 кг, и вот этот парень один на один на арене с разъяренным животным, какое же мужество, бесстрашие, искусное владение своим телом, умение подать работу... Все на грани! Бой быков — поединок со смертью, в любой момент матадор может быть смертельно ранен, он редко уходит с арены без ранения, обязательно бык заденет, легко или серьезно. Матадор всегда рискует жизнью.

— **Не все понимают, насколько сложна и опасна профессия эквилибриста на проволоке, воздушный гимнаст, акробат, как ты на это реагируешь?**

— Раньше — болезненно, мне было досадно, что даже близкие люди этого не понимают, а сейчас отношусь спокойнее. Не собираюсь ничего объяснять.

— **Кто вдохновлял тебя как артиста из близких?**

— Бабушка! Она верила в меня с самого начала и верит по сей день. Всегда мне помогала во всем, бабушка — моя вторая мама, я ей очень благодарен за веру, за совет, за любовь, за понимание и поддержку. Она интуитивно чувствует, когда мне хорошо или плохо, и всегда придет на помощь.

— **Женя, а в цирке происходят чудеса?**

— Способность артистов перевоплощаться, нести красоту, вот это и есть чудо!

Большая заслуга режиссера в умении создать неповторимую атмосферу волшебства и сказки. Только в цирке актеры летают, парят под куполом цирка, легко танцуют на проволоке, жонглируют горящими факелами, демонстрируют красоту духа и тела, бесстрашие и ловкость! Я никогда не думал, что буду работать в Цирке на Цветном, и благодарен судьбе за это. □

Беседовала **Елена Феофанова.**

Ольга Павлюченко

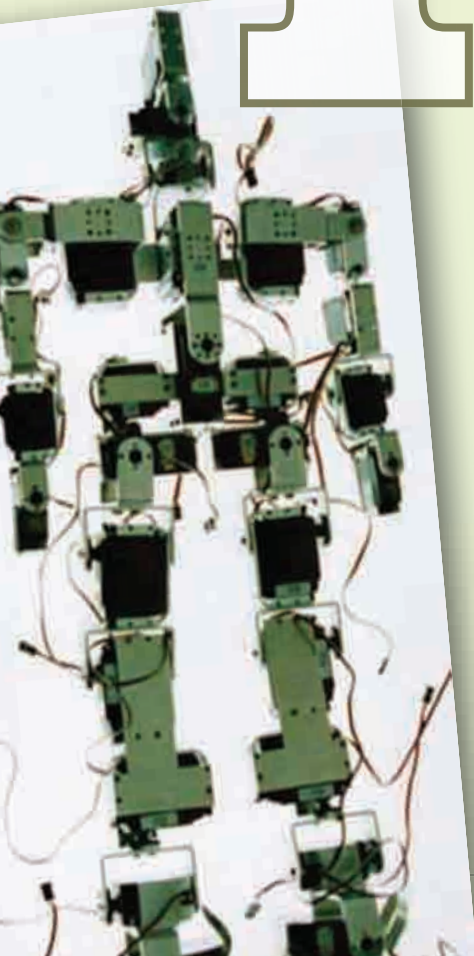

Р БОБОТ

Не так давно в японском городе Осака прошел уникальный чемпионат мира по футболу среди роботов. Это первый в мировой истории случай, когда командные соревнования состоялись среди электронных спортсменов.

Похоже, что роботы стремительно и настырно внедряются в различные области нашей жизни. Человек давно мечтал о помощнике, который мог бы заменить его там, где опасно, неинтересно, трудно или вообще невозможно работать. О механических или электронных «заменителях» homo sapiens фантасты писали задолго до того, как они появились в реальности. Само слово «робот» пришло к нам из произведения чешского писателя-фантаста Карела Чапека, который впервые использовал его еще в 1923 году. Оно происходит от чешского robota.

Как только прошла эйфория после создания и успешного применения пер-

В ФУТБОЛЕ

Организаторы уверены, что уже в 2050 году можно будет провести товарищеский матч между сборными людей и роботов. Подобные состязания в шахматах между Гарри Каспаровым и суперкомпьютером «Дип Блю»

И СЕКСЕ

уже принесли победу последнему. Так что, совсем не факт, что в футболе люди окажутся сильнее машин.

вых роботов технического назначения, изобретатели решили придумать что-нибудь поинтереснее. Так, появились электронные няньки, такие, например, как «американка» Rubi. Она может пересчитывать питомцев, различает их лица и понимает простые фразы, может разучивать с детьми песни и играть в интерактивные игры — посредством сенсорного экрана. Но основная идея эксперимента вовсе не в том, чтобы создать роботизированную няньку, которая будет подбирать за детьми носки и игрушки. Планы ученых куда более глобальные: научиться создавать машины, способные общаться с людьми на социальном уровне.

Одним из первых шагов к «кровному» сближению механизмов и людей стали роботы-врачи. Пентагон собирается вложить \$12 миллионов в разработку роботов с дистанционным управлением, которые смогут оперировать раненых прямо на поле боя под огнем противника, а затем эвакуировать в безопасное место. А новое японское изобретение заменит гематолога. Эта уникальная машина контролирует множество показателей донора и самостоятельно принимает решение о качестве крови и совместимости ее с кровью пациента. Правда, донор должен обладать твердым характером: позволить механизму ввести иглу себе в вену

и начать процедуру могут решиться не многие.

Отличились и хирурги из детской больницы Айовы, которые вместе со специалистами местного университета успешно провели автоматизированную хирургическую операцию девочке шести дней от роду, используя робота-хирурга «Да Винчи». «Да Винчи» может применяться даже для операций на сердце. Практические испытания показали, что пациенты, прооперированные роботом, как правило, теряют меньше крови и быстрее восстанавливаются.

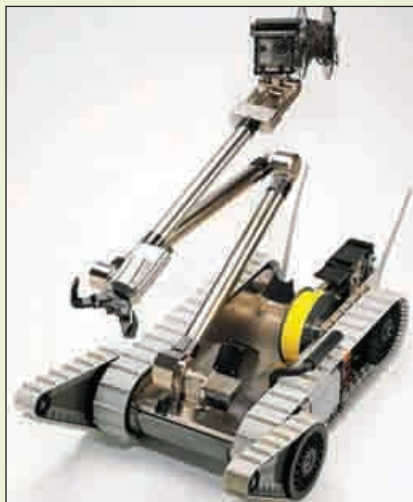
После удачного применения на медицинской ниве, роботам начали искать применение в других профессиях. В японском городе Фукуока на должность главы полицейского участка на один день

был назначен робот T63 Artemis. Оружия, конечно, ему пока не выдали, а лишь оснастили световыми и звуковыми сенсорами. А порядок Artemis охранял, бросая цветные шары в тех, кто, по его мнению, вел себя подозрительно.

Первый в мире робот-экскурсовод приступил к работе в археологическом музее города Агридженто на итальянском острове Сицилия. Электронный гид сконструирован учеными из университетов Палермо и Агридженто. Если «кибергид» успешно пройдет испытательный срок, то, возможно, его собратья появятся в стенах других итальянских и мировых музеев. А в недалеком будущем может стать бесполезной и профессия ночного сторожа. Шведские инженеры утверждают, что «сферический дройд», похожий на большой черный шар для боулинга — идеальный охранник. Этот «колобок» может кататься по сложному заданному маршруту внутри здания и, используя свои сверхчувствительные сенсоры, искать злоумышленников и воров.

Плодотворно потрудились ученые робототехники и на ниве развлечений. В Японии разработали робота, способного танцевать в паре с человеком. Partner Ballroom Dance Robot (PBDR) имеет жен-

ское лицо, датчики на запястьях и способен передвигаться в любом направлении на своих трех колесах. Робот начинает анализировать движения, как только партнер делает первые шаги. Машина вычисляет, каким образом подстроить под них движения своих плеч, рук, корпуса и шеи.

На танцах в компании Sony не оставились, создав двуногого человекоподобного робота Qrio, которого научили руководить целым коллективом живых музыкантов. Результат не заставил себя ждать: андроид выступил в качестве дирижера оркестра Токийской филармонии, исполнявшего Пятую симфонию Бетховена в концертном зале «Бункамура». Но одной из самых удачных разработок в области развлечений по праву считается игрушка Aibo, выпущенная все той же Sony в июне 1999 года. Это 27-сантиметровая робособака, которая может гулять, вилять хвостом и приносить тапочки. С настоящим щенком машина, естественно, не сравнится, но любители прогрессивной экзотики раскупили игрушку в рекордные сроки, несмотря на вполне по-собачьи кусающуюся цену.

Не забыли разработчики и про душу. Возможно, что скоро «человечные» ро-

боты из персонажей фантастических фильмов превратятся в повседневную реальность. Ученые NASA как раз разрабатывают нечто подобное для исследования Марса и Луны. Робота учат понимать и применять язык жестов. Психологи полагают, что смешанные команды астронавтов и «андронавтов» будут действовать намного эффективнее, чем экипажи, состоящие только из людей или только из роботов.

Китай тоже внес свою лепту в «оживление» механизмов — там создали первого в мире робота, способного выражать эмоции. Он имеет черты лица, как у мультипликационных персонажей: у него крупный нос, морщины и большие уши. Произнося фразы, робот может изгибать соответствующим образом рот, двигать шейю и головой. Но всех этих ученых-изобретателей наверняка превзойдет профессор из Южной Кореи, который намерен придать новое значение «киберсексу». Ким Чен Хван, директор ITRC (Intelligent Robot Research Centre), разработал серию искусственных хромосом, которые, по его словам, позволят роботам испытывать страсть, что, в итоге, может привести и к воспроизводству. По его словам, программа, которая будет инсталлирована в корпус робота, даст машине возможность чувствовать, размышлять и желать.

В общем, похоже, что если развитие робототехники и дальше пойдет по пути «очеловечивания» машин, то наши потомки будут жить в мире из фильмов «Терминатор», «Я робот» и «Двухсотлетний человек». □

Посеешь

CD

Просто Кир

podolak@rambler.ru

www.prostokir.pbnet.ru

За годы пользования компьютером у многих накопилось определенное количество информации (работа, музыка, фильмы, фотографии, книги и многое другое). Дискового пространства, как и денег, много не бывает. Непременно встанет вопрос сохранения данных на каком-нибудь носителе, желательно, максимально надежном. Для этих целей идеально подходят DVD-диски. Рассмотрим их надежность, перспективы и, в целом, как оптический носитель, активно вытесняющий привычные CD.

Немного истории

В конце 1994 года стало известно о разработке нового носителя информации. У него было несколько названий: Мульти-медийный Компакт Диск (MMCD — Multi Media Compact Disk); Цифровой Видео Диск Высокой Плотности (HD-DVD — High Density Digital Video Disk); Компакт Диск Высокой Плотности (HD-CD — High Density Compact Disk). Первопроходцами стали Sony и Philips. Разработки велись на основе обычных компакт-дисков. Стояла задача — сохранить прежние размеры носителя (12 см) и увеличить емкость в несколько раз.

Вскоре выяснилось, что разработками нового носителя занялись и другие компании во главе с Toshiba, представив Супер Плотный Цифровой Видео Диск (SD-DVD — Super Density Digital Video Disk) и просто Супер Плотный Диск (SDD — Super Density Disk).

Образовалось два конкурирующих лагеря (Sony & Philips VS Toshiba), готовых предложить целый букет новых оптических носителей информации. Но компании — лидеры индустрии развлечения — отказались выбирать между двумя похожими форматами и во главе с IBM настояли на создании единого универсального носителя, максимально защищенного от несанкционированного копирования. Требований было много, но все они, по большей части, решались путем увеличения объема диска (чем больше места, тем более качественные звук и видео можно записать). Споры никто затевать не стал, поэтому единый формат DVD официально утвердили в сентябре 1995 года.

ПОЖНЕШЬ

DVD

Объемы первых носителей различались от 2,4 Гб до 3,7 Гб. Ситуация похожа на CD, имевших поначалу доступный в массовой продаже объем 650 Мб, который позже увеличили до 700 Мб и сделали стандартом. У DVD же — современный стандарт — 4,7 Гб. Но эта цифра не совсем верна, так как служит маркетинговым целям, ведь реальный объем варьируется от 4,24 Гб до 4,48 Гб. Процесс производства не позволяет сделать абсолютно идентичные экземпляры, что, по большому счету, не так страшно. Шесть обычных CD всегда влезут на один DVD.

Есть еще один момент, который более точно объяснит, почему реальный объем меньше заявленного. Производители берут за один мегабайт не 1024 килобайта, а 1000, в результате, среднестатистическая дивиди-болванка вмещает 4,37 Гб.

Когда же они успокоятся?

Казалось бы, зачем спорить и придумывать очередной велосипед, ан нет — руки-то чешутся. Появились три разные группы разработчиков, поддерживающие разные направления DVD: дивиди минус — DVD Forum (230 компаний, образован в 1995 году), далее — дивиди плюс — DVD+RW Alliance и последний дивиди рэм — RAM Promotional Group (с 2003 года). Не редкость, когда одни и те же фирмы значатся одновременно в двух, а то и в трех объединениях, что позволяет им производить носители разного типа. Не хочется ведь терять влияние в различных сегментах рынка. Хотя главным все же остается DVD

Forum, который до сих пор не признал «+R» носители.

Все современные накопители понимают продукцию трех объединений. Остается только вопрос выбора между «+», «-» или RAM. Последний слишком дорого стоит для болванки (несколько сотен, а то и за тысячу рублей), поэтому лучше выбирать между первыми двумя.

DVD-R — дальнейшее развитие технологий CD-R. DVD+R — технология CD-RW, перенесенная на дивиди. DVD-RAM — интересная технология, позволяющая использовать носитель в качестве мини-жесткого диска. Не будем влезать в технические дебри каждого из форматов, так как в большинстве случаев это не является существенным.

В чем отличие от CD

Принципы записи и считывания — такие же, с единственной разницей — у DVD используется более короткая длина волны лазера (635—650 нанометров, против 780 у CD). Это и позволило увеличить плотность носителя более чем в шесть раз, говоря о CD-R 700 Мб и DVD-+R 4,7 Гб.

Новая технология позволяет делать как двухслойные (8,5 Гб), так и двусторонние (9,4 Гб) диски. Есть и двухслойные двусторонние варианты (17 Гб). Рядовому же пользователю выгодней брать односторонние однослойные DVD-+R (на «развес» — от 15 рублей, в коробочках от 20, против от 250 за двухслойный).

У нового носителя лучше продумана защита от пиратов. Но для России это неактуально, ведь наши пираты — всем

пиратам пираты. Взламывают все, поэтому цена фильмов (от 50 рублей), программного обеспечения (от 100 рублей, и пусть оно за границей стоит хоть несколько тысяч долларов), музыки (от 80 рублей). С точки зрения закона об авторском праве — это воровство, следовательно, дело подсудное.

И было в начале...

Первые DVD создавались как замена Video-CD, поэтому аббревиатура расшифровывалась как Digital Video Disk. Позже выяснилось, что на новом носителе можно хранить любые данные, как и на CD. Чтобы не смущать потребителей, слово Video заменили на Versatile (универсальный). Сейчас же DVD никак не расшифровывают, так как эти три буквы настолько запали в души людей, что в этом нет никакой надобности.

Универсальность носителя породила, помимо DVD-Video, еще два вида: DVD-ROM (Read Only Memory) — программы, игры; DVD-Audio — для музыки очень высокого качества — замена Audio-CD. Раз уж все настолько красиво, то почему бы и нам не воспользоваться новыми возможностями, благо современные DVD-резакки начинаются от 1225 рублей. А цена за 4-х гигаовую болванку просто смехотворная, пускай и стоит она в полтора или два раза дороже обычной, зато объем в шесть раз больше.

Спрос на DVD-носители растет в геометрической прогрессии. Производители не успевают выкладывать на прилавки очередные партии, как их тут же разбирают. Поэтому в ближайшее время аналитики предсказывают рост цен на дивиди болванки на 10—15 процентов.

Надежность и долговечность

Теоретически DVD-диск, как утверждают разработчики, безумно надежен. Он не портится от частого проигрывания, в отличие от CD; срок хранения информации превышает 100 лет, против 30—

50 у CD. Короче, все шоколадно! Но всегда есть «НО», так как теория и практика порой разнятся. Да и потом, эти данные действительно только для записанных в заводских условиях дисках (лицензионные фильмы, музыка, программы и так далее). А почему, сейчас поймете.

У CD и DVD разные способы нанесения информационного слоя. У первого все просто: круглый кусок пластика 1,2 мм толщиной, информационный слой, а сверху и по краям — слой лака. Нравится? Или что-то смущает? Правильно — смущает. Царапнул лак и «хана» данным, хотя частично их можно будет восстановить. От частого воздействия тепла или холода лак может отслаиваться вместе с «драгоценным слоем». Конечно, это крайности, но кто знает, что может случиться. Если вы не торопитесь переходить на DVD, то хотя бы подписывайте диски специальным маркером, чтобы лак не разъедало.

У второго с этим продумано лучше: два круглых куска пластика по 0,6 мм. На одном — непрозрачный отражающий, а на другом — информационный слой, и все это склеивают по краям, в результате, площадь возможного опасного повреждения уменьшается в два раза — остается только сторона считывания и торец.

У каждого производителя — своя оригинальная технология защиты стороны считывания у диска: TDK — Scratch Proof (лучшая защита от царапин, жаль только болванки с этой технологией дорогостояты), Verbatim — AZO или Advanced AZO (относительно приличная защита от механических повреждений), SmartBuy — Metal AZO (по качеству стоит между Scratch Proof и AZO, а по тестам ближе к первому). Есть и другие производители, они же просто советуют аккуратно обращаться с дисками и не царапать, что только говорит об отсутствии какой бы то ни было приличной защиты от повреждений.

Продолжаем разговор

Допустим, если взять обычный диск TDK и поводить по нему пальцем или ножни-

цами, то останутся еле заметные следы, не влияющие на качество считываний. Для получения царапины нужно приложить усилие. То же касается и дисков фирмы Verbatim, которые тоже надо специально царапать, чтобы испортить.

Вопрос надежности и долговечности обоих носителей еще очень спорный, ведь технологии относительно молоды и проверить максимальный срок службы пока невозможно — долго ждать, а к тому времени уже будет что-то более совершенное.

Подумайте, сколько лет прошло между популяризацией записи на CD (примерно, с 2000 года) и DVD (с 2004 года) — имеется в виду период, когда накопители (приводы) и носители (диски) стали доступны практически всем желающим. Выходит четыре года. То есть, если раньше человек хранил все на 700 МБ, то сегодня он переводит старую и пишет новую на 4,7 ГБ. Возникает тогда вопрос — кому нужны эти расчетные 50—100 лет? Для пользователя важно, чтобы данные сохранялись не менее 10 лет, все равно каждые 4—5 лет все переносится на более современный и емкий носитель. Наверняка, уже через два или три года вы перенесете все дивиденды на HD-DVD (20 ГБ — на одном слое) или Blu-Ray (25 ГБ — если однослойный).

Требуя продолжения банкета!

Качественная CD-R болванка живет не менее 10 лет — проверено. Про DVD-R такого пока сказать нельзя. Хорошие продержатся 2—3 года, а дальше — как повезет. Есть случаи, когда DVD-болванки переставали читаться уже через полгода или год, поэтому расчетный период их жизни можно воспринимать с улыбкой (опять же маркетинг), ведь реальный еще не известен.

Дело еще в том, что длительность хранения информации указана для заводских носителей (DVD-Video, -Audio и -ROM). Их делают по-другому, нежели R, так

как в основе их информационного слоя лежит еще и металл, а у записываемых экземпляров — органический слой, который подвержен гниению, старению и выцветанию. Конечно, если следовать всем мерам предосторожности и хранить диски в идеальных условиях, то все должно быть нормально — не факт. Даже при таких условиях DVD-болванка может испортиться. Исходя из этого, все приличные организации, архивы, музеи каждые два года переписывают все CD, а теперь и DVD, на более свежие болванки, причем в двух экземплярах. Как вы думаете, если бы носители жили действительно 50—100 лет, стали бы они так делать? Еще Билл Гейтс как-то сказал, что существующие оптические носители информации еще слишком ненадежны для архивного хранения данных, так как полимеры, составляющие основную часть информационного слоя, очень быстро стареют.

Британская ассоциация по защите прав потребителей провела исследование дивиденд-болванок 20 разных фирм. Половина отсыялась после первого же теста. Лишь четыре носителя достигли почти средних показателей. Худшие результаты показал диск от Verbatim с AZO, а лучшие — TDK Scratch Proof.

Эпилог

Не все так плохо, как кажется на первый взгляд. Технология еще слишком новая, и требовать от нее чего-то сверхъестественного не следует. Надо надеяться, что через некоторое время производители уделят больше внимания процессу старения полимеров, и за сохранность информации беспокоиться не придется. Осталось расположить в порядке убывания по качеству основных производителей: TDK, SmartBuy, Philips, Verbatim. Чтобы сделать правильный выбор, следует взять несколько разных фирм, каждый ее носитель промыть с помощью «Фейри», просушить на солнце, а потом проверить на читабельность — и лучший использовать для хранения данных. □

А ЧТО СОБИРАЕТЕ ВЫ?

Увлечение коллекционированием различных предметов возникло в эпоху Возрождения. Оно представляло собой целенаправленное собирательство, как правило, однородных предметов, имеющих научную, историческую или художественную ценность. Это могли быть памятники материальной и духовной культуры: рукописи, монеты, почтовые марки. Произведения изобразительного искусства или же, например, объекты природы — минералы, растения, насекомые.

Так, в замке знаменитой семьи Медичи во Флоренции, помимо уникальных произведений искусств, собраны редкие камни и минералы, найденные в самых дальних уголках земного шара. Коллекционировали редкости и Людовик XIV, и французские кардиналы Ришелье и Мазарини, папы Юлий II и Лев X, император Карл V и многие, многие другие исторические личности.

В России в конце восемнадцатого века известным коллекционером древнерусских рукописей и книг был граф А.И. Мушин-Пушкин.

Чуть позже это увлечение перекинулось на представителей буржуазии и разночинной интеллигенции. Многие коллекции потом, спустя годы, легли в основу известных музеев. Собиратели русской и зарубежной живописи, владельцы текстильных предприятий братья Павел и Сергей Третьяковы подарили Москве и всему миру Третьяковскую галерею. Меценат Щукин за бесценок покупал отвергнутую французами живопись в стиле импрессионизма. Он любил приглашать к себе на чай студентов из художественного училища, расположенного рядом с его домом, и беседовать с ними об искусстве. Многие преподаватели этого училища возмущались Щукинскими чаепитиями и запрещали посе-

щать их своим ученикам. Они считали, что у студентов воспитывается дурной вкус, ибо живопись, собираемую меценатом, нельзя даже назвать искусством. Все эти Матиссы, Дега, Моне, Ренуары — полная безвкусица и полное отсутствие профессионализма. Но мы-то теперь знаем, какой бесценной коллекцией обладает Музей изобразительных искусств имени Пушкина. Даже французы, вздыхая, признают: «Лучшее из импрессионизма — у вас».

ордена, медали, солдатские медальоны, чтобы затем продать находки собирателям военных трофеев. Любители-археологи бродят с миноискателями по следам древних греков в Крыму. Они охотятся за этнографическими и археологическими памятниками. Многие из них, к сожалению, дилетанты, не имеющие возможности по достоинству оценить найденную вещь. Поэтому очень часто настоящие археологические ценности уплы-

Конечно, можно вспомнить и знаменитую Румянцевскую библиотеку, впоследствии названную именем вождя мирового пролетариата — Ленина. Коллекция Румянцева — одна из крупнейших и уникальных библиотек в мире.

В середине двадцатого столетия популярным увлечением стало коллекционирование. Развитию этого вида собирательства способствовал выпуск широко доступных объектов: открыток, значков, этикеток, грампластинок, марок. Появилось даже первое в СССР Всесоюзное общество филателистов.

Сейчас интерес российских коллекционеров направлен в основном на антикварные изделия, украшения, иконы. Очень модно собирательство русской живописи XIX, начала XX веков. Так называемые черные кладоискатели ищут на местах отгремевших боев

вают за бесценнок иностранным собирателям.

В наше время появились не только новые русские, но и новые коллекционеры. Это не фанатики живописи и не филателисты, готовые отдать последнюю рубашку за новую марку, а собиратели дорогих вещей. Их коллекции автомобилей, яхт, живописи и т.д. собираются ради хвастовства.

Например, совсем недавно один богатый человек отдал двести тысяч долларов за книгу в золотом переплете и с бриллиантами на обложке, даже не ознакомившись с ее содержанием.

Существует и совершенно замечательная категория коллекционеров, собирающих совсем обыденные вещи, ради собственного удовольствия и изумления, граничащего с недоумением, окружающих. Например, житель Осло Ян Солберг собрал триста

пятьдесят тысяч различных этикеток от пива. А самая большая в мире коллекция подставок под пивные кружки принадлежит жителю Вены Лео Писакеру. В его коллекции сто сорок тысяч подставок из ста пятидесяти пяти стран мира. И что странно, сам Лео пива не пьет.

В коллекции Дэвида Маунда из города Упхема, что находится в Великобритани, более тридцати тысяч миниатюрных бутылочек из Duty Free.

Петербуржец Борис Ванеев, ни разу не выезжавший за пределы своей родины, уже двадцать лет неустанно «путешествует» по Европе, досконально изучив схемы и планы городов ми-

Рассказывают, что однажды в офисе этой компании, где подобные шедевры украшают стены, один из клиентов умолял, за огромные деньги, продать ему картину. Получив категорический отказ, он подкупил охранника, и тот выкрал для него предмет сомнительного искусства. Однако особой гордостью собирателей фишек являются фишки, раздобытые в нелегальных игорных домах, то есть привезенные из стран, где казино запрещено законодательством. Так, например, в Израиле официально нет казино, но у настоящего любителя приключений найдется фишка какого-нибудь подпольного клуба Тель-Авива, о существова-

ра по путеводителям, а достопримечательности — по открыткам. Коллекционер на память знает все памятники архитектуры Лондона и может объяснить любому, как, например, в Париже попасть с Елисейских полей на площадь Бастилии.

Есть люди, собирающие фишки казино. Конечно же, подобные коллекционеры — прежде всего, игроки. Многие из них разъезжают по всему миру, чтобы испытать чувство азарта, а заодно и приобрести новые экземпляры для своей коллекции.

Безусловно, человеческая фантазия не знает границ.

Один из владельцев предприятия по изготовлению игорного оборудования, не просто коллекционирует фишки, а делает из них целые картины.

нии которого израильские власти не подозревают.

Достаточно часто казино практикуют выпуск фишек, приуроченных к какому-либо празднику, например, ко Дню Всех Святых или к юбилею самого игорного дома. Эти фишки выпускаются ограниченным тиражом и тут же становятся украшениями частных коллекций.

Очень популярным любительским коллекционированием с недавних времен стало собирательство пластиковых карт. От дисконтных до банковских.

На данный момент, в коллекции москвича Андрея Борова более трех тысяч пятасот карточек из Мексики, Новой Зеландии, Швейцарии, Венгрии, Германии, Болгарии, Израиля и Турции.

Потрясающей коллекцией бабочек обладает Светлана Чуева из Нижнего Новгорода.

— Коллекция бабочек — это прекрасное украшение вашей квартиры. Правда, многие считают такое собирательство бесчеловечным. Я биолог по образованию и знаю совершенно точно, что природе нет дела до гибели отдельных живых существ. Несколько пойманных экземпляров какого-то многочисленного вида ничего в худшую сторону не изменят. Окружающая среда страдает от ядовитых газов, дыма городов, изменений ландшафта, пролетающих самолетов, наконец. Но не от горстки коллекционеров бабочек!

На мой взгляд, это занятие намного гуманней, чем охота или рыбная ловля, — утверждает Светлана.

Правда, порхающие над цветами бабочки выглядят все-таки намного лучше.

Трудно даже представить, сколько еще существует видов коллекционирования, и какие они имеют названия! Например, арктофилия означает коллекционирование мягких игрушек. Бестиаризм — книг о животных. Бонистика — накопительство разнообразных денежных банкнот. Вексиллология — коллекционирование плакатов и флагов. Вектуризм — жетонов на метро. Дологизм — собирательство птичьих яиц.

Лепидоптерия — вышеупомянутых бабочек. Плангонология — коллекцио-

нирование кукол. Фалеристика — увлечение значками, медалями, орденами. Филография — автографами. Филокартия — почтовыми открытками. Филофония — музыкальными записями.

Чего только ни придумано!

В Нью-Йорке даже открылся музей самых необычных в мире собраний. Здесь представлены: коллекция молочных зубов, коллекция взглядов на закат солнца, коллекция новых впечатлений, возникающих при слушании музыки, коллекция запахов, салфеток, оттенков голубого цвета, записок для памяти. Собрание скульптур из цикла «Форма и мыло», коллекция загадочных событий, фиалок, использованных спичек, коллекция нераспакованных карт, собрание миниатюр, имеющих форму сердца и многое-многое другое. А что собираете вы? □

Алла Люден

УКРАШЕНИЯ

страшная сила

На палец — кольцо, в уши — клипсы или серьги, на шею — бусы, и вперед — вы прекрасны! Кто из нас не любит украшения? Встречаются, конечно, очень редко, этикие аскетки, но это не наши люди. А мы от милых сердцу мелочей отказываться не собираемся.

Но, между прочим, были в нашей стране такие годы после революции, когда украшения считались невероятным мещанством, пережитком прошлого и чуть не оказались на грани исчезновения из женского гардероба. Видимо, боялись, что они помешают построить новую прекрасную жизнь. Но расстаться с ними невозможно. А носить их начали, похоже, еще в первобытном обществе. Прародителями украшений можно считать цветы, воткнутые в волосы, сплетенные из них веночки, красивые камушки, повешенные на шею. А потом, по мере развития цивилизации, начали использовать для их изготовления самые разные материалы: металлы, жемчуг и кораллы (там, где они водятся), драгоценные и полудрагоценные камни, потом научились изготавливать эмаль и стали украшать ею металлические изделия.

Вообще-то, об истории развития ювелирного искусства можно рассказывать долго, настолько богатая у него история. Поэтому оставим все это до другого раза. А сейчас предлагаем поговорить о бижутерии. Ведь не у каждого есть возможность покупать дорогие вещишки из золота, бриллиантов и так далее. Да и знатоки утверждают, что девушкам с хорошим вкусом не стоит носить драгоценности постоянно. Сейчас настало

время бижутерии. И ее так много продается, что можно удовлетворить любой вкус, размеры кошелька и желание. Присмотритесь к бижутерии, которая настолько по внешнему виду похожа на драгоценности, что совсем не нужно выпрашивать у мамы или бабушки их дорогие серьги и кольца. К тому же есть один секрет в таких украшениях: они прибавят вам возраст и солидность, что не всегда приятно.

Стоит знать, что бижутерия имеет свой язык. Это знак, способ общения, а также возможность заявить о своих

намерениях и о характере. И хотя мода на украшения меняется не очень часто, необходимо учесть, что все-таки главное — быть не такой, как все, индивидуальности всегда почет.

Одна из актуальных тенденций этого года — вещь в стиле «винтаж». Вот их-то как раз можно найти в старых бабушкиных шкапулках. Все эти брошки, кулончики, сережки, сделанные из простых металлов, с обычными стекляшками или из пластмассы, но такие интересные, эксклюзивные и красивые, подойдут и к деловой одежде, и к нарядной.

Всегда приятно надеть украшения из природных материалов. Здесь мы не ушли далеко от наших первобытных предков. Деревянные браслеты, бусы — материал теплый и греет не только кожу, но и душу. И совсем не обязательно, чтобы они сохраняли свой естественный цвет: бежевый, черный или коричневый. Очень хорошо смотрятся разноцветные, покрытые яркой блестящей краской всевозможные фенечки на руках, шее и даже на ногах. А это уже африканский стиль. Правда, теплые дни у нас закончились, но на будущее имейте в виду — этот стиль еще долго процветает, и к следующему лету подготовьте заранее не только удобные сандалии на абсолютно плоской подошве, но и браслеты, которые можно надеть на щиколотки. Кстати, многие их видели и на модницах из

Индии. Там это просто ритуальные украшения. А на руках африканские браслеты можно носить круглый год. Методика стиля проста: сначала надеваете светлый браслет, потом темный, потом опять светлый, ну и так далее, в зависимости от фантазии, количества имеющихся у вас браслетов и, разумеется, рук. Браслеты должны быть крупными, но можно между ними иногда вставлять и тоненькие. Знаменитые дизайнеры Дольче и Габбана рекомендуют носить их не только на ногах и руках, но и на шее — на манер темнокожих девушек на выданье, живущих в малоцивилизованных африканских племенах. Из материалов предпочтительнее металлы, дерево и бисер.

Бисер и крохотные стеклянные бусинки сейчас особенно в почете. Длинные нити, повешенные в несколько рядов разной длины или перевитые в жгуты, браслетки из множества стеклянных ниточек со вставленными между бусинками смешными фигурками или цветочками смотрятся очень хиппово и весело.

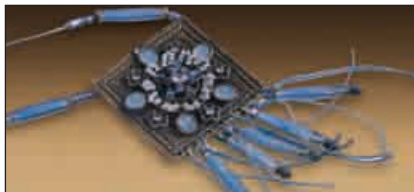
Уже много сотен лет считается, что бисер, особенно венецианский, обладает мистическими свойствами. У различных народов эти крохотные стеклянные бусинки используются как амулеты. Индейцы майя, например, считали, что бисер умеет настраиваться на частоту вибраций человека и регулирует и стабилизирует их. Такие изделия будто бы раскрывают «третий глаз». Витиеватые переплетения кристалликов с хорошо и правильно подобранными цветовыми сочетаниями помогают обрести романтическую любовь. Девушки, обратите на это предсказание внимание. А вдруг правда?

Этнический стиль все больше появляется в коллекциях именитых дизайнеров. Ну вот, например, очень популярен цыганский стиль. Оригинальные серьги-кольца, особенно огромные, просто сметаются с прилавков. Не менее привлекательны монисто и браслеты с крупными монетами, россыпи бус из различных камней, особенно кораллов и бирюзы. Только, пожалуйста, не думайте, что эти полудрагоценные камни должны быть обязательно настоящими. Пластик, дорогие мои, пластик. Все демократично в модном мире.

Если этнические мотивы не в вашем вкусе, можно поискать, предположим, брошку в форме жука, лягушки, бабочки, а еще моднее — в виде божьей коровки. Лягушки были модны особенно в прошлом сезоне, но и сейчас их с удовольствием носят, даже на серьгах и колечках. А вот наши любимые ярко-красные в черный горошек божьи коровки — самый супер! И растительные мотивы, как то: цветочки, фрукты, ягоды, собранные из разноцветных камешков, из пластмассы, металла с эмалью — одно из самых модных направлений. И совсем не важно, что это вроде бы летние мотивы. Наоборот, в нашем сером и унылом зимнем сезоне такие украшения согрют и вас, и окружающих. Бижутерию надо носить весело, чтобы создать хорошее настроение.

Но вот чего не надо делать, так это надевать на себя весь запас своих украшений сразу. Попадают у нас такие любительницы, ни с одной своей штучкой не могут расстаться. В результате, даже летом ходят по улицам «новогодние елки». Не хочется быть занудой, но все-таки чувство стиля и меры — великая штука.

Украшения сами по себе — не самоцель. Главное, каким способом они нас могут украсить. Их всего три.

Во-первых, все эти брошки, бусы, колечки, цепочки — вносят в туалет последний штрих, будучи его дополнением, а не самостоятельной частью. Например, на кружевной, шелковой блузке уместны брошки или кулоны тонкой «паутиной» работы. Их могут заменить (именно заменить, а не дополнить!) крупные, но не аляповатые серьги-подвески, клипсы или кольца. Строгий деловой костюм дополняют простой формы однотонные брошки и клипсы, крупные перстни, но только по одному, а не сразу несколько, как это часто мы видим. А всевозможные ажурные подвески, тонкие колечки с разноцветными камешками, цепочки лучше оставить для романтического вечера.

Во-вторых, украшения делают женщину неповторимой и подчеркивают привлекательность. Но не стоит в офисе акцентировать внимание на своей женской прелести. Поэтому все должно быть умеренно. Если цепочка на шее, то — короткая. И никаких излишеств.

В-третьих, украшения подчеркивают тип красоты: утонченный, кокетливый, смелый или вызывающий, или строгий. Этого можно достигнуть подбором материала, цвета, дизайна, вида украшений.

Если вы работаете в серьезной компании, то, конечно, и выглядеть надо серьезно и достойно. Лучше носить что-нибудь серебряного цвета.

Серьги — практически единственный позволительный намек на женственность. Говорят так: уши делают внешность. Мужчины, не пугайтесь! Конечно, это только женщин касается. Выбор формы серег зависит от формы лица, но в любом случае они не должны быть огромными и броскими, чтобы не отвлекать внимания от самого лица.

Строгий однотонный костюм можно украсить стильной брошью. Но нужно подобрать что-то очень элегантно. Только не советую носить сразу весь ансамбль из брошки и серег. Почему-то, с психологической точки зрения, он придаст всему облику впечатление неуверенности в себе.

Заменить брошь может узкое ожерелье «по шейке». Особенно эффектно оно смотрится с жакетом без воротника. Если шея длинная или средняя, подойдет ожерелье в виде ошейника. При короткой лучше выбрать намеренно длинное.

Несколько рядов узких бус под жемчуг визуально шею удлинят, но и здесь главный принцип — не перестараться.

Что касается колец, то деловая женщина не должна подтверждать такую смешную шутку, что, надевая много и сразу, женщины становятся похожими

на деревья, и по их кольцам можно определить количество прожитых лет. На работе лучше носить только одно кольцо.

И важной деталью в украшении себя и костюма, конечно, можно считать часы. Тем более, сейчас такой большой выбор и так много красивого дизайна в этой деловой сфере. Часы надо носить. Иначе психологи говорят, женщина без часов выглядит не умеющей распоряжаться своим временем. Часы должны быть пропорциональны запястью и лучше классической формы. Потому что вы находитесь на работе. Для отдыха, вне рабочей обстановки, можно купить какие-нибудь нарядные, веселенькие образчики. А на работе — только строгие. Но если часы слишком маленькие, они будут выглядеть мелкими и принизят ваш имидж. Если же часы слишком большие и тяжелые, особенно для хрупкой девичьей ручки, то задавят ваш облик.

Избегайте часов с таймерами, звуковыми сигналами, несколькими циферблатами. Чем выше занимаемая вами должность, тем качественнее и проще по форме должны быть часы. Кстати, золотые часы — самый модный дамский аксессуар нашего сезона.

Сколько же советов и рекомендаций услышишь, если захочешь классно выглядеть! Голова идет кругом. А что делать-то? Опять учиться, и так всю жизнь. □

Евгения Гордиенко

ОТ ДИМ-СУМ

ДО РАВИОЛИ

Давайте-ка прикинем, какой самый популярный ужин у большинства россиян? А вот и не курица-гриль! Согласно опросам, это пельмени. Но не всегда это любимое нашими людьми блюдо можно было найти в супермаркете. Раньше (вы не поверите!) пельмени лепили вручную. По несколько сотен штук сразу и замораживали впрок на долгую зиму. В моей памяти еще сохранилась идиллическая картина всей моей семьи, дружно лепящей пельмени за столом в залитой теплым светом кухне. А какие разговоры возникают за легкой пельменей! Литературные салоны и философские обще-

ства просто меркнут. Обзор творчества Канта, религия скандинавских народов и завоевания Аттилы — вот далеко не полный перечень тем...

Но если вы с присущим всем нашим людям патриотизмом думаете, что пельмени — исконно русская еда, то я вас огорчу. Аналоги пельменей есть почти в каждой кухне мира. Видимо, идея совместить тесто и мясо пришла с небес одновременно всем народам. Но каждый воплотил ее по-своему. Одно многообразие названий чего стоит: грузинские хинкали, армянские бораки, узбекские манты, туркменский балык-берек, италья-

янские ravioli, украинские вареники, китайские дим-сум, бурятские позы (но не те, которые в Камасутре!)... И у каждого — свои особенности. Например, в борках начинку предварительно обжаривают, а сами они сначала варятся до полуготовности, а потом тоже обжариваются в масле. Манты готовят на пару, в специальной многоярусной кастрюле — манты-каскане, которая у нас в доме носила демократичное название «мантышница». А китайцы, кстати, все-таки именно они признаны изобретателями пельменей, готовят их не только с мясом, но и с овощами, морепродуктами... Чаще их жарят, но иногда и готовят на пару. По форме они напоминают мешочки, завязанные сверху. Но в Китае с выбором дим-сум придется не просто — их около двух тысяч. Равиоли многие считают просто одной из разновидностей пасты. Ну и пусть. Мы-то знаем, что это пельмени, просто они маскируются под местный колорит...

Но несмотря на заморские разносолы, нашему русскому сердцу все же близок настоящий сибирский пельмень. Нежно-кремовый, гладкий, с кручеными краешками и свернутый «ушком». По-моему, у кого-то уже потекли слюнки.

С пельменями связано немало легенд и забавных историй. Расскажу одну из них. В 1970 году в Карловых Варах проходил кинофестиваль. Нас там сильно не любили, понятно, почему. Тогда, в целях восстановления братской советско-чешской дружбы, глава советской киноделегации режиссер Сергей Герасимов решил побаловать чехов своими знаменитыми пельменями «по-герасимовски». Лично отправился на карлсбадский ба-

зар, где прикупил говяжью ляжку, шматок мягкой свининки с жирком и курдючного бараньего сала (личный прием маэстро). На следующий день в зале приемов русского консульства сервировали роскошный прием на 3000 пельменей. Говорят, их лепили все ныне народные артисты, бывшие тогда в делегации. В трех штуках были бобы «на счастье». После этого застолья советско-чешские отношения резко потеплели...

А вот теперь и рецепт. Не на три тысячи пельменей, конечно, но тоже ничего себе. Итак, все просто до неприличия. Для теста берем полкило муки, просеиваем ее и насыпаем горкой. Этакой Фудзиямой. Теперь наверху делаем лунку (кратер), вбиваем туда яйцо (из Фудзиямы потекла лава). Теперь все это солим и хорошенько вымешиваем тесто. Ему надо дать отлежаться 20—30 минут, чтобы поостыло от эмоций... Фарш делается и того проще. По 300 гр. баранины и свинины (можно взять говядину и свинину, главное, чтобы было 2 разных вида мяса) пропустить через мясорубку с мелкой решеткой, добавить 2—3 столовые ложки воды. Все перемешать, чтобы даже самый пытливый едок не различил, где баранина, а где свинина, затем посолить и поперчить по вкусу... Но вернемся к нашему заскучавшему тесту. Раскатываем его тонким пластом и вырезаем кружочки. Куда вы понеслись за циркулем? Берем стаканчик (ничего туда не наливать, это потом) и его краешками выдавливаем кружочки искомого диаметра. На каждый кладем по чайной ложечке начинки, залепливаем края и склеиваем их «ушком». На этом этапе их можно сложить на посыпанную

мукой доску и положить в морозилку до лучших времен. А можно прямо сейчас кинуть в кипяточек, потом полить маслом, сметанкой или кетчупом, посыпать перцем и прикрыть глаза от удовольствия...

Помните советский лозунг: «Русский с китайцем — братья навек»? Теперь можете проверить это на собственных вкусовых рецепторах и ответить... китайские пельмени дим-сум с креветками!

Тесто готовим точно так же, как на наши пельмени, но без яйца. Все нормально смешается, не волнуйтесь, только немного более постным получится. Много вы видели толстых китайцев? А вот начинка там пооригинальнее будет: пропустить через мясорубку полкило креветок (сама знаю, что лучше с пивом, но мы готовим пельмени — помните об этом), порезать 100 грамм консервированных шампиньонов, перемешать, добавить 2 столовые ложки соевого соуса, 2 столовые ложки сладкого белого вина

(в идеале — рисового, но вкус изменится не радикально, так что можете не буржуйствовать). Туда же положим половину ложки сахара, полторы ложки крахмала и немного перца. Соливать не надо, соевого соуса вполне достаточно. Начинку кладем на кружочки из теста, вырезанные отечественным методом, но залепливаем не «ушком», а сделаем мешочек, чтобы сверху осталось «горлышко». Готовить в пароварке на сильном огне 5 минут. Если пароварки у вас не случилось, то можно быстро обжарить их на сковородке в соевом соусе на большом огне. Посуда для обжаривания должна быть глубокой, а дим-сум надо постоянно перемешивать, чтобы обжарились со всех сторон. Это порция штук на 30, так что максимум на двоих, а то и в одиночку справитесь.

Честно скажу — как будет «приятного аппетита» по-китайски, я не знаю, но оно вам надо? Кушайте, гости дорогие, пельмешки! Вот это по-нашему. □

Д.Б. Бриллиантовый В.М.

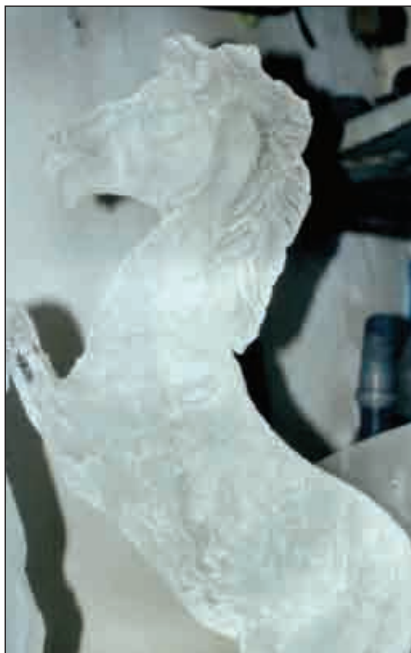
Максим Башкеев

*Чувство прекрасного в человеке не-
истребимо. Иначе как объяснить,
что за тысячи лет были созданы
многочисленные произведения ис-
кусства, которыми не перестают
восхищаться до сих пор. И тем
восторженнее и трепетнее отно-
ситься к шедевру, которому самим
автором уготовано неминуемое и,
к сожалению, быстрое таяние.
Я говорю о ледяной скульптуре.*

Где зародилась снежная и ледяная скульптура — доподлинно не известно. Но многие исследователи склонны считать, что родиной недолговечного строительства является Япония. Самое известное ледяное сооружение России — возведенный в 1740 году в Петербурге «Ледяной дом», который построили по повелению императрицы Анны Иоанновны для свадьбы шута Голицына и шутихи Бужениновой.

«Выступив из мрака ночи со своими огнями, ледяной дом сиял металлическим блеском и далеко бросал от себя свет на Луговую линию», — писал об этом удивительном сооружении Лажечников. Из льда были сделаны не только стены дома, но и вся мебель и утварь, вплоть до колоды карт на столе. У входа стоял ледяной слон с ледяным же погонщиком. Днем из хобота била вода, а ночью — фонтан горячей нефти. Ледяные дельфины извергали фейерверки. На окрестных деревьях сидели с особым искусством вырезанные ледяные птицы. Ночью дом освещался множеством свечей, а в камине горели ледяные дрова, предварительно политые нефтью. Искусно сделанные ледяные пушки на потеху публике стреляли ледяными ядрами. Чтобы придать конструкции нужную прозрачность, лед было необходимо «прогладить». В буквальном смысле, утюгом. А какие тогда были утюги? Чугунные, на углях. Представляете, сколько мороки?

С тех пор ледяную скульптуру надолго и незаслуженно забыли. За это время пальму первенства в ледостроительстве успели захватить скандинавы. Там почти в каждом городке проходит свой ежегодный конкурс «холодной» скульптуры. К слову, в 2003 году в честь празднования 300-летия Петербурга был сооружен второй «ледяной дом», общей массой более 60 тонн. Что характерно, строили его шведы. У них же, кстати, есть и своя диковина. Неподалеку от городка Кируны каждый год строят ледяной отель с кинотеатром, баром и даже собственной церковью. Есть и сауна. Правда, вместо

обычного бассейна там несколько прорубей прямо в ледяном полу. Туристы в восторге. В России различных фестивалей и конкурсов ледяной и снежной скульптуры пока только около двадцати, дело, однако, идет в гору семимильными шагами. Уже сейчас в нашей стране есть мастера с мировым именем. Недаром с 1997 года российские художники стабильно занимают призы-

вые места на различных международных соревнованиях.

Технология с восемнадцатого века принципиально не изменилась. Разве что лед теперь выпиливают бензопилами. Да и электрический уют в разы уменьшает трудозатраты. В остальном... все то же самое. Правда, в распоряжении скульпторов есть еще и искусственный лед. Справедливости ради стоит сказать, что большинство специалистов его недолюбливают за то, что от него трудно добиться идеальной прозрачности. В силу объективных причин физического свойства в середине искусственно намороженной глыбы всегда останется мутное пятно. Инструменты для работы со льдом до безобразия просты, чем-то похожи на резцы и стамески, используемые для аналогичных работ по дереву.

Единственным несомненным преимуществом прогресса являются холодильные камеры, позволяющие создавать ледяные скульптуры даже летом. Выставленная на всеобщее обозрение композиция вряд ли проживет больше двенадцати часов, зато впечатлений у страдающей от жары публики будет море.

Ледяную композицию можно создать всего двумя путями: из заранее изготовленных деталей или из массива, постепенно отсекая все лишнее. Первый способ и дешевле, и быстрее, но начисто убивает творческий процесс, а местами и вообще смахивает на детский конструктор «сделай сам». Поэтому все по-настоящему достойные с художественной точки зрения проекты осуществляются по второму сценарию. Из глыб объемом до половины кубического метра собирают силуэт будущего творения, после чего автор приступает непосредственно к работе. Лед при этом подходит не всякий. Речной обычно слоистый, как пирог, да и необходимой толщины достигает только в конце декабря. Другое дело — лед озерный или прудовой. Возведенная в декабре композиция простоит без изменений до марта, а если повезет, то и до апреля, а потом станет источником

очередного веселого весеннего ручейка. Если только ее не уберут раньше, чтобы люди не видели столь печальный финал.

Особый шик композиции придает подсветка, которая может быть как внешней, так и внутренней. Внешняя, конечно, дешевле, и ее проще выставить. Зато какое сказочное впечатление производит скульптура, лучащаяся неповторимым волшебным внутренним светом... Здесь главное — не проколоться в деталях. Лампы для такой подсветки ни в коем случае не должны быть греющимися — убьют красоту изнутри.

Другой враг ледяного шедевра — погода. И если небольшую оттепель (до плюс пяти) скульптура переживет без ощутимых потерь, то дождь может нанести непоправимый урон. Можно, конечно, принять превентивные меры: соорудить шатер, замотать все полиэтиленовой пленкой. Но зачем? Ведь в том-то и состоит прелесть, что эта красота недолговечна...

Сегодня ледяную сказку можно наблюдать не только на главной городской площади, но и, если очень хочется, то и на своем загородном участке или во дворе. Главное — грамотно выбрать место. Иначе по весне уютного уголка сада или участка газона просто не узнаете. Лед — тяжелый строительный материал, и даже композиция средних размеров давит на грунт с внушительной силой.

У опытного резчика на фигуру в человеческий рост уйдет пару часов, на композицию два на два метра — несколько дней, а проект в сотню кубометров льда займет более недели. Цена? На любой вкус. От ста пятидесяти американских денег за полуметровую фигурку Деда Мороза, до полутора десятков тысяч за сказочный замок с подсветкой и обилием персонажей в «полный рост». Дороговато? За удивительное хрустальное сияние, сверкающую на солнце мириадами бриллиантов причудливую резьбу, за прекрасную голубизну природного материала, спорящего по красоте с бездонным небом... ничуть. □

Екатерина Кочеткова

Девочка-зима

Вечно мы, женщины, выискиваем для себя идеалы якобы бесспорной, безупречной внешности. Увидим в глянцевом журнале какое-то замороженное существо, выдаваемое глумливыми стилистами за эталон неземной красоты, — и все. Пропали. Все силы, время, деньги, достойные лучшего применения, тратим, чтобы приблизиться к заветному образу. Меняем все, и кардинально. Пере-

краиваем, режем, красим, добавляем, убавляем... Стиснув зубы, молча рыдая, шаг за шагом приближаемся к заветной цели. Да так, что и мама родная не в состоянии узнать собственную дочурку. Что уж говорить о друзьях-товарищах-любимых.

Один остроумный человек, конечно, мужчина, сказал: «Все бабы дуры», а подумав, добавил: «Умные — тоже». Ну что тут воз-

разишь? Ведь прав, стервец.

Но что же делать? Природа-то так несовершенна. Ей, видите ли, нравится разнообразие. Потому и выдает, скорее всего наугад, одной — пусто, а другой — густо. И наплевать ей на эталоны, шаблоны, клише и прочие штампы, придуманные, как правило, джентльменами, по естеству своему ненавидящими и презирающими нас, жен-

щин, таких милых, очаровательных, привлекательных, обаятельных и пр. Причем заметьте, мы такие и есть. Все, без исключения. Загвоздка в том, осознаем ли мы это на самом деле. Зачем следовать стереотипам, копировать кого-то чужого, чья внешность совершенно не соответствует вашей индивидуальности? Стоит задуматься и, по здравом размышлении, создать свой образ, который бы гармонично сочетался с вашим внутренним миром.

В астрологии есть деление по знакам зодиака. В психологии — по типам темперамента: холерик,

сангвиник, флегматик и меланхолик. В искусстве шарма есть четыре образа женской красоты: зима, весна, лето и осень. Ведь наши далёкие предки считали верховным богом небо, а верховной богиней — землю с её сменой времён года...

К какому священическому образу женского начала вы себя отнесёте — зависит от вашего внутреннего ощущения и — от той внешности, которой наградила вас природа. Любой женщине дано более чем достаточно, чтобы покорять вершины и мужские сердца. Надо только раскрыть это так, чтобы ваш внутренний

мир полностью соответствовал внешнему. Ведь это и есть истинная красота!

Для начала — расслабьтесь. Отрешитесь от всего суетного. Думайте только о себе, любимой. И вот, наконец, додумались. У вас спокойный, ровный характер, редко теряете самообладание. Избегаете каких-либо выяснений отношений, и уж тем более громких скандалов, с битьем посуды и дикими визгами. Считаете подобные сцены глупыми, недостойными. Вы — рациональны, подчас прагматичны и всегда трезво и холодно оцениваете ситуацию. К тому же прекрасно знаете, что вам нужно. Если все выше перечисленное свойственно вам — не сомневайтесь: вы — Девочка-зима.

А вот теперь — внимание! Определитесь со своим внутренним ощущением, кто вы есть на самом деле, нелишне подкрепить его и внешними

признаками. Для полнейшей гармонии, так сказать. Понятие «зима» уже само по себе предполагает что-то холодное, застывшее, безусловно, белое. Но в то же время солнечное, искрящееся, даже ослепительное. Со множеством оттенков, нюансов... Девочка-зима — само совершенство, очаровательное в своей загадочности, недоступности (на первый взгляд), мнимой холодности (не стоит забывать об оттепели). Поэтому Девочке-зиме нелишне использовать следующие рекомендации.

Итак, подкрепляем внутренние ощущения, как говорилось выше, внешним проявлением, дабы не было расхождений.

Главное, конечно, лицо.

Когда-то барышни для «интересной бледности» употребляли известь. Вот

ведь мода какая была: нездоровая бледность, и чуть что — хлопаться в обморок. Бедняжки. В просвещенном XXI веке такие жертвы совершенно излишни. Достаточно задействовать кисломолочные продукты. А именно: кефир, сметану, творог, ну и то, что к ним отнесится. Причем не только в качестве масок на прелестное личико, но и внутрь. А какой эффект! Никакого деревенского, здорового румянца «кровь с молоком» на всю щеку. Получается исключительно аристократическая «интересная бледность». А еще полезно протирать лицо кубиками льда, сделанными из красных соков: гранатового или свекольного. Девочке-зиме рекомендуется также мыть-каше чистым снегом.

Не на последнем месте уход за волосами. Какие они у Девочки-зимы? Если светлые — смело употребляйте желток яйца или ржаной хлеб. Ну, желток понятно — символ мироздания, начало всего сущего. Да и с рожью тоже понятно. Когда-то на Руси все поголовно мыли голову хлебным ржаным квасом. Или еще чем-то подобным. Не жаловались. И цвет волос преобладал русский, а уж густота и колосистость превосходили самые смелые ожидания. Но вдруг у Девочки-зимы волосы от природы смоляные или рыжие? Не огорчайтесь. Бог с ним, в смысле, с цветом. Главное — быть, а не казаться. Но позаботьтесь, чтобы ваши шампуни содержали яйцо или злаки. А там природа сама разберется, какой оттенок волосам придать.

Теперь перейдем к гардеробу. Немаловажная часть имиджа. Исходя из образа, Девочке-зиме подойдут холодные пастельные тона. Хотя не стоит пренебрегать серебристым, голубым и белым. К лицу будет бежевый, салатный, светло-сиреневый, бледно-золотой и жемчужно-розовый. Господи, да, за редким исключением, почти все оттенки снега. Вот в чем секрет — в от-

тенках, а потому выбирайте себе одежду по всей радуге, только не яркой.

Аксессуары. Очень важны. О! Девочка-зима прямо-таки создана для мехов, впрочем, кто ж для них не создан... Как принято считать, лучшие друзья девушек — меха и бриллианты. Но не будем о бриллиантах, Бог с ними. Поговорим о прозе нашего бытия, то бишь о мехах. Они же разные бывают: от драной помоечной кошки (прости, почившая в бозе и злого умысла Мурка) до изысканной шиншиллы. Хотя какие же это аксессуары? Ан нет. Именно они и есть аксессуары, считают наши просвещенные стилисты. Это, когда мехом оторочены обшлага рукавов, ворота, края сумочек, рукавиц, шляпок — вот оно! Девочке-зиме как раз к лицу. И еще, Девочка-зима, не забывай окутывать себя только белым мехом (для полноты образа). Ну, с мехами все уяснили. Теперь, собственно, об аксессуарах. Дерево или кожа — только светлых тонов. Металл — серебро, а если золото, то только белое. Червонное противопоказано — и тяжелит, и старит... А если выбрали янтарь, то опять-таки светлый, а коралл — бледно-пастельный.

Девочка-зима, возьми на заметку правильный выбор своего образа жизни. Работу, увлечения, круг друзей. Здесь все зависит только от твоего мировосприятия, чувства юмора и того самопожертвования, порог которого сама определила для себя.

Вот такой он, один из женских образов, — Зимний. Спокойный, холодный, уравновешенный. Полный достоинства, самоуважения, но без кокетливой самоустраненности... Ведь ты в данном случае — Снежная королева. Какие уж там эмоции!

А в других номерах мы продолжим эту тему и расскажем, какие они — Девочка-весна, лето и осень. □

Зима

Максуд Хундамов

за морозы, а мужик —

за праздники!

Что мы знаем о Новом годе? Старый стиль, новый стиль, царь Петр-реформатор — вот, пожалуй, и все. А знаете ли вы, что до X века Новый год на Руси начинался с полнолуния в первые теплые дни, близкие к весеннему равноденствию? После принятия христианства пришлось использовать византийский юлианский календарь. Новый год стал приходиться в страну 1 марта, по новому стилю — 14 марта (день Евдокии Плю-

щии). И только с 1492 года Новый год в России отмечали по церковному календарю — 1 сентября.

От тех далеких времен мало что сохранилось даже в музеях. Что уж говорить о вещах нематериальных. Кто может достоверно рассказать, как наши предки встречали рождение Нового года тысячу лет назад? Сегодня, пожалуй, никто. А вот полтора века назад, если бы мы приехали в любую российскую деревню, нам бы с удовольствием рассказали, а может, и показали, какими были народные обычаи, ведущие свою историю из эпохи глубокого язычества — святки и колядки.

Одни исследователи полагают, что до принятия христианства святки на Руси были праздником Святовита — одно из имен верховного бога неба. Другие считают, что название народного торжества произошло от старославянского свиатки — души предков.

С колядой все понятнее, у древних славян это был праздник, связанный с началом нового солнечного года. Что интересно, само слово имеет латинские корни. В переводе *calendae* означает начало нового цикла: года или месяца. Отсюда и наш календарь. Славянский корень коло означает круг, колесо. Потому и колобок, кольцо, околица. Но гораздо интересней другое, оказывается, праздники, посвященные солнцевороту, проходили не только на Руси. В Римской империи был праздник рождения непобедимого солнца, а древние англосаксы

праздновали самую длинную ночь в году. Считалось, что в эту ночь рождается новое солнце, знаменующее своим появлением наступление Нового года. А вот в Скандинавии святки — праздник летний, июльский. Июль в переводе — колесо, то есть в самую короткую ночь, год колесом поворачивается. С тех далеких времен отождествления колеса и солнца в нашем языке сохранилась поговорка: «Жили в лесу, молились колесу».

Многие обычаи затерялись в веках, но, по словам историографов, еще за несколько десятков лет до революции почти в каждом деревенском доме в России к Рождеству готовили из пшеничного теста фигурки животных: коров, быков, овец, — их ставили на столы и окна, посылали в подарок родным. Любая хозяйка хранила фигурки до Крещения, а после водосвятия размачивала их в святой воде и давала скоту. Считалось, что это на весь год оградит домашних животных от хвори и болезней.

Святки праздновались всеми, но по большей части это праздник молодежи. По всей стране был распространен обычай новогоднего обхода домов — колядок. В Рязанской губернии впереди всех шла девица, называемая мехоноской, она несла мешок, куда собирались дары, а потом занималась дележом сбора. Обходов таких обычно было три: в Сочельник, под Новый год и накануне Крещения.

После шумного и веселого колядования молодежь собиралась в «посиделочной» избе и устраивала общую пирушку —

начисто съедали все, что собрали за ночь. Заметьте, только ели, и ничего не пили. Начинались посиделки. Устраивались разные игры и забавы. Парни и девчата присматривались друг к другу. Одежды надевались самые шикарные. Кто не имел наряда (из тех, кто победнее), брал его у более состоятельных односельчан. Конечно, приходилось потом отработать, но прийти на праздник без праздничного наряда было просто не принято. За ночь несколько раз переодевались, каждый раз к новому игрищу. Меняли сарафан и платок, обязательно самых ярких расцветок. Считалось, что этим можно напугать злых духов.

Но особенно любили на Руси ряженых, у которых, в свою очередь, имелись любимые маски. Так, на Псковщине в особом почете была маска медведя, уж и не известно, с чем это связано, может, медведей водилось много... Медведь показывал, как «бабы по воду ходят», как «девки в зеркальце смотрятся» и как «ребятня горох ворует».

В чести был и «журав». Чтобы изобразить журавля, парень набрасывал на себя вывернутую наизнанку шубу, в один из рукавов которой вставлял палку с крючком на конце. Это — клюв. «Журав» бегал за девушками и бил их клювом. Чтобы откупиться от назойливой птицы, они бросали на землю конфеты, орехи, пряники, которые журавль и подбирал.

Частенько в избу влетала целая толпа «нечисти». Ребята любили наряжаться в белые длинные рубахи с рукавами до пола, надевали страшные маски и с криками принимались пугать девушек. Те, оправившись от первого испуга, начинали отбиваться от «нечисти» и постепенно выгоняли ее из дома. Забава имела в том числе и магический смысл: выгнав, пусть и ряженую, но все же нечисть, хозяева дома расчищали путь Новому году.

Какие же святки без гаданий? Особенно в «страшные» вечера (между Новым годом и Крещением). Ходили «слушать» за деревню на перекресток дорог. В какой стороне залает собака, оттуда и

жди суженого. Подслушивали под окнами. Если ругаются — в плохой дом выйдешь, смеются — в хороший. Благосостояние суженого выясняли другим гаданием. Предварительно сняв крест, девушка отправлялась к амбару и говорила: «суженый-ряженный, приходи рожь мерить!» Если послышится, что внутри амбара пересыпают зерно — быть за богатым, метут пол веником — за бедным. Или же другой способ: выдернуть наугад из стога колосок — попадетсся с зерном — богатый жених будет.

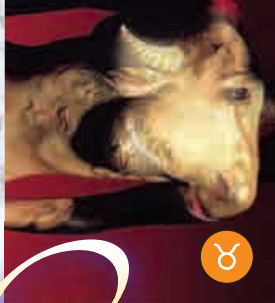
Но самым верным и самым страшным считалось гадание ночью в пустой бане. Когда на стол ставили свечу, а перед ней — зеркало, в котором девушка должна была разглядеть суженого.

Считалось, что в страшные вечера нечисть становится особенно активна. И деревенские парни, дабы не ставить под вопрос древнее убеждение, начинали всячески чудить. То поленицы порассыпают, то ворота чем-нибудь подопрут, да так, что из дома не выйти. Или забрались кому-нибудь на крышу и закладывали досками печные трубы. Вся деревня знала, чьих это рук дело, но к «нечисти» относились миролюбиво, благо, что после Крещения все прорделки прекращались.

Чтобы окончательно избавиться от злых духов, накануне Крещения, в Богоявленскую ночь, толпа молодых людей носилась по всем дворам и била кнутами и метлами по всем темным углам — всюду, где могли бы спрятаться черти и прочие кикиморы. Кроме того, на всех окнах, дверях и ставнях мелом рисовали кресты.

А заканчивались святки по всей стране одинаково — Иорданью. Так называлось освящение воды в Крещение. Все русские люди считали своей непременной задачей окунуться в прорубь и смыть с себя грехи святочных игр, ряжения и масок... □

Новогодний

*Теперь мы все по гороскопу
Сверяем нашей жизни ход,
И знаки учим, точно ноты,
И каждый на свой лад поет.
(Особенно под Новый год).
Начнем, пожалуй, тост заздравный
Про Млечный путь и звездный след,
Сужденный молодым и старым
Причудливой игрой планет.*

♈ Вот **Овн**. Сей знак силен и ярок,
Упрям, тщеславен и умен.
Но в жизни... В общем, не подарок,
Практически, игра с огнем.
Зато он пылок и отважен.
Так выбирайте, что вам важно.

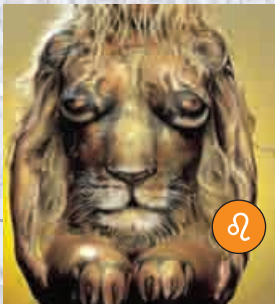
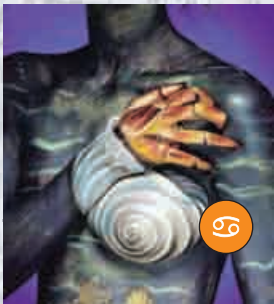
♉ **Телец** серьезен и практичен,
Ему важней всего покой.
Но втайне очень романтичен
И суверен... Хоть порой,
Когда задеты честь и сердце,
Задать способен крепко перца.

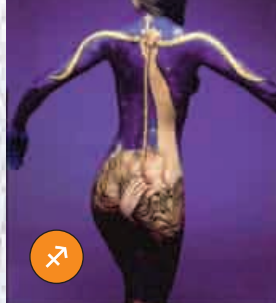
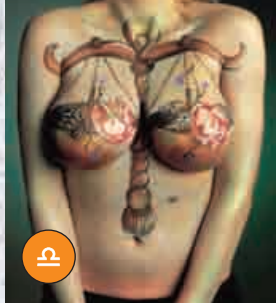
♊ Ох, **Близнецы!** Ох, мотыльки!
Они себя не понимают,
Чужими судьбами играют,
Да и своими... Игроки,
Двуликое очарованье —
Двойное разочарованье.

♋ **Рак** положительно умен,
Расчетлив, предан и надежен,
И все-таки довольно сложен
В семейной жизни. Ибо он
Не понимает компромиссов
И не приветствует сюрпризов.

♌ **Лев** — царь, но только не зверей.
Он царь по жизни и ухваткам:
Самодержавная повадка
И гордость царственных кровей.
Всегда при свите и короне.
Он... страшно одинок на троне.

♍ Понять загадочную **Деву** —
Почти невыполнимый труд.
Ей по плечу любое дело,
Но не по вкусу уют,
Аврал, бардак и суматоха.
Где хорошо другим — ей плохо.

гороскоп

Светлана Иль

♎ Весы... Спокойны лишь наружно,
 На самом деле — пыл и страсть
 Сегодня. Завтра — лед и стужа,
 Попробуй в унисон попасть.
 Раз вам налево — им направо,
 И не найти на них управы.

♏ Поберегитесь Скорпиона:
 Сей бесподобный лицедей
 Заманит вас в тенета споров
 И бросит так же без затей.
 Он щедр и скуп, он лед и пламень,
 А главное — он так коварен!

♐ Стрелец всегда и вечно верен
 Одной любви... Увы, к себе.
 Во всем широк и неумерен
 И хорошо ему везде.
 Он мил, талантлив и восторжен...
 Но, Боже мой, так ненадежен!

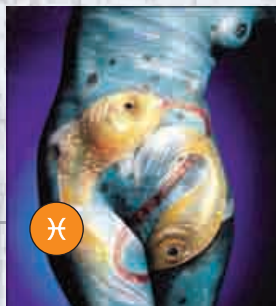
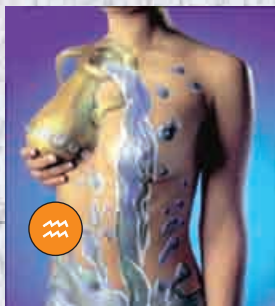
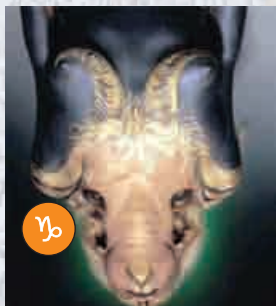
♑ Другая песня — Козерог.
 Он верен и самоуверен,
 Последовательный, точно рок,
 Упрям, но честен и примерен.
 Тем, кто не любит перемен,
 Предписан Козерога плен.

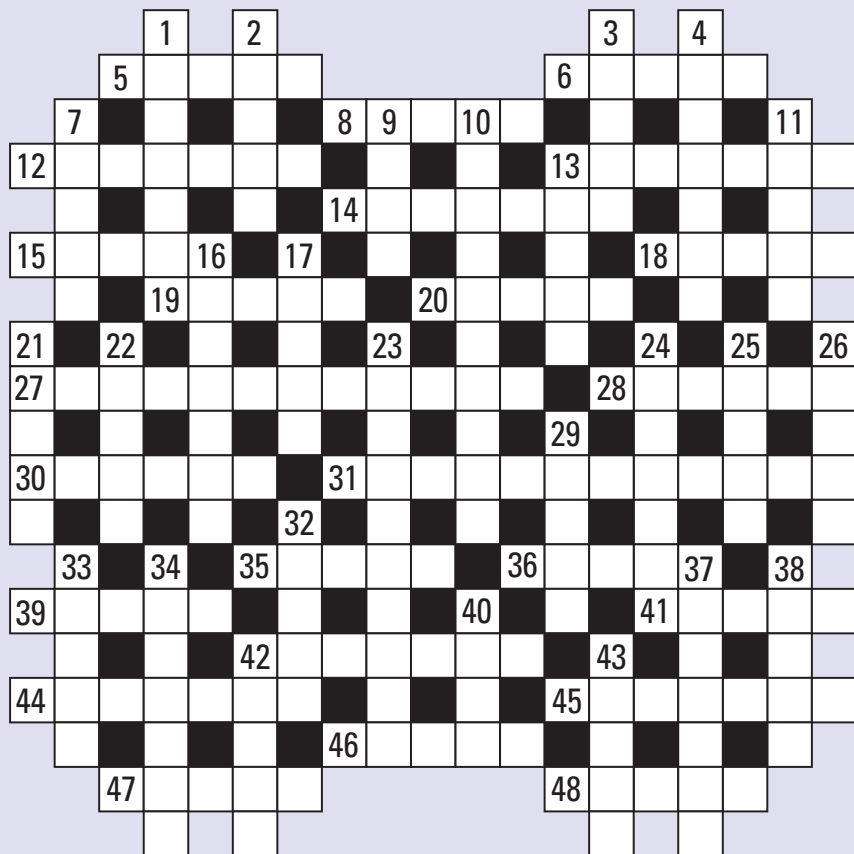
♒ Теперь перед нами — **Водолей.**
 Не знак: загадка из загадок.
 Смешенье света и теней,
 Головоломка и шарада.
 Его любить — почти фатально.
 Расстаться? Просто нереально.

♓ А **Рыбы** плещутся привольно,
 Блестящая яркой чешуей,
 И привлекают взгляд невольню
 Своей русалочьей игрой.
 Но осторожно! Ледяная
 Вода и кровь их... голубая.

*Конечно, это шутки.
 Зодиак, на самом деле,
 Непростая штука,
 И каждый в нем
 Присутствующий знак —
 Судьба, характер, целая наука.
 Но Новый год — веселый карнавал,
 Нарядное и пышное застолье,
 В котором легкий гороскопный бал
 Всего лишь развлечение.*

Не более.

По горизонтали. 5. Самая послушная предписанному часть коллектива в советские времена. **6.** Пламенная оргия, какой весьма любил любоваться И. Крылов. **8.** Сказочный герой, поглощение русской лени. **12.** Верхняя часть неба, наполненная огнем, в античной натурфилософии. **13.** Сословно-податной разряд купечества. **14.** Европейская страна, из-за внутренних распрей в середине XV века завоеванная Турцией и лишь к началу XVIII века освобожденная австрийцами. **15.** Японское стихотворение, самым

знаменитым мастером которого был поэт Мацуо Басё. **18.** «Сердце государства» (Пьер Буаст). **19.** Морская мясорубка. **20.** Рыбий коллектив. **27.** Политик, противодействующий правящей партии. **28.** Человек, которому легко заткнуть рот. **30.** Химический элемент, названный в честь Франции. **31.** Нередкое свойство плагиатора по отношению к литературе. **25.** Коктейль в мире животных. **36.** Трава; настой или отвар из ее корней используют в лечении дыхательных путей. **39.** «Достойный и хитрый крючоктвор,

огласитель жалоб, начетчик и буквоед» (Г. Болингброк). **41.** «...Растеряевой улицы» — одна из лучших книг Г. Успенского. **42.** Выброшенная экстравагантность. **44.** Вязаная спортивная одежда, ставшая повседневной. **45.** Изобретение, задолго до которого был известен ход конем. **46.** Мистический шепот природы. **47.** Самая длинная в Евразии река. **48.** «Внешняя совесть» (А. Шопенгауэр).

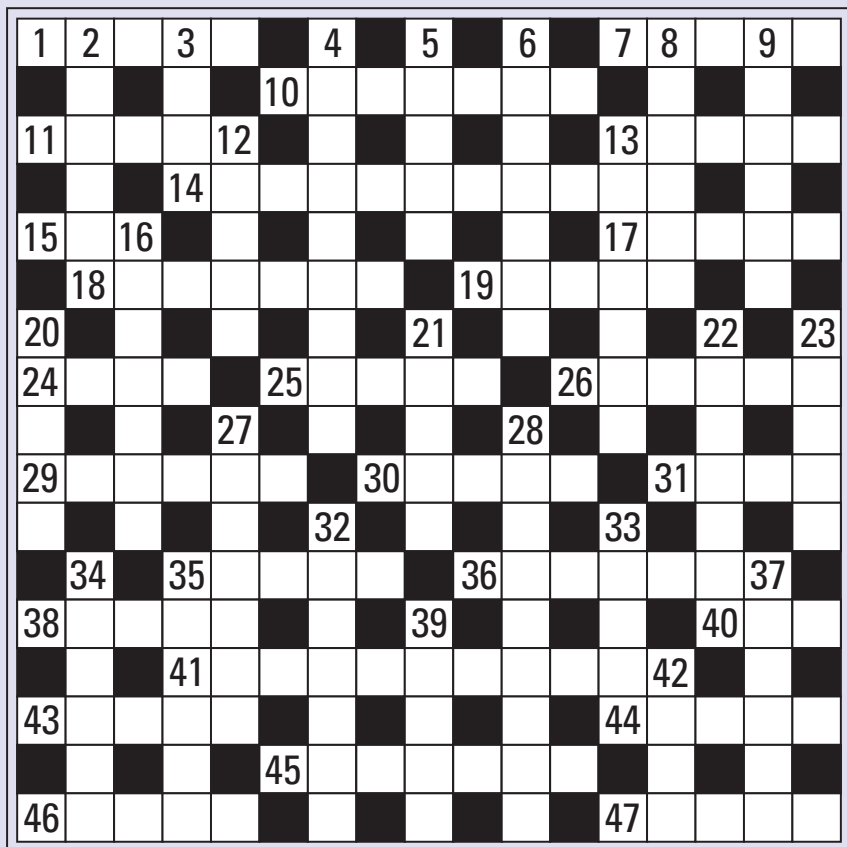
По вертикали. 1. «Вдова Паганини» по своей сути. **2.** Предмет одежды, обязательный для кучера пиражского фиакра. **3.** Столица страны, где лев залезает в бумажник. **4.** Французский писатель, которого словно бы чуть не поголовно читали россияне и бросились угощать описанную им жажду денег вешей. **7.** Возвышение в церкви, откуда священники произносят молитвы и проповеди. **9.** Остров в Адриатическом море, побывав на котором, по старинному поверью, влюбленные обретут счастье. **10.** «Слабость в мужчине, но сила в ребенке» (Ч. Лэм). **11.** Субстанция Коцця, которую не будет страховать ни одна компания. **13.** Дядя... — московский «король ре-

портеров», 50 лет проживший в Столешниковом переулке. **16.** Наставник, порой надоедливый. **17.** Черпак в лодке для вычерпывания попавшей в нее воды. **21.** О глупце говорят, что у него ... не на месте. **22.** Тяжелый брус, какой «нянчили» женщины на советских железных дорогах. **23.** Жорж Санд как писательница. **24.** Актер Голливуда, в первых 12 фильмах снявшийся под своей настоящей фамилией Бучински. **25.** Заносчивость, кичливость, которую можно сбить. **26.** Весьма прямолинейная фигура. **29.** «...чернит с пользой, а злой человек с удовольствием» (Козьма Прутков). **32.** Приятный мужской голос, пока он не доходит до высоких нот. **33.** Неровность, прерывистость голоса от волнения, огорчения. **34.** Четыре четверика на Руси. **37.** «Рай раба» (Пьер Буаст). **38.** Подарок будущей жене с расчетом приучить ее к венуку. **40.** Город, близ которого зеленеет Никитский ботанический сад. **42.** Разбойник на доске в клетку. **43.** Занятие, где мужчина часто носит женщину на руках и ходит перед ней на цыпочках.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 12

По горизонтали. 1. Клуб. **6.** Втык. **9.** Волхв. **13.** Унтер. **15.** Арал. **17.** Леди. **18.** Рожа. **19.** Ложе. **21.** Халифат. **22.** Ерменёв. **23.** Монархист. **24.** Оклад. **27.** Фишка. **29.** Агроном. **32.** Эвглена. **33.** Серебро. **34.** Индий. **35.** Хмырь. **36.** Пародия. **37.** Зубец. **39.** Ссуда. **41.** Конклав. **43.** Бастион. **45.** Жакерия. **48.** Черви. **51.** Ранчо. **52.** Чентезимо. **54.** Ганджур. **56.** Империя. **59.** Осин. **60.** Шнек. **61.** Осса. **62.** Нокс. **63.** Виньи. **64.** Транс. **65.** Брак. **66.** Атаи.

По вертикали. 1. Крах. **2.** Увал. **3.** Боливар. **4.** Цветонос. **5.** Мужество. **6.** Веление. **7.** Трон. **8.** Киев. **10.** Хлам. **11.** Мираж. **12.** Брюхо. **14.** Нарт. **16.** Рамка. **20.** Жёнка. **25.** Лгун. **26.** Доницетти. **27.** Фломастер. **28.** Шнур. **30.** Мегафон. **31.** Щекотка. **32.** Эрмитаж. **38.** Удар. **40.** Джин. **41.** Коперник. **42.** ...вахмистр. **43.** Бекас. **44.** Сводник. **46.** Равенна. **47.** Ячник. **49.** Этика. **50.** Взлом. **52.** Чушь. **53.** Омар. **54.** Горб. **55.** Нива. **57.** Рост. **58.** Ясли.

По горизонтали. 1. Гаремыка. **7.** Единотроубный брат Геракла. **10.** Обувь Ван Гога времени Боринажа, которую он всегда возил с собой и не раз писал. **11.** Традиционная «национальная живопись» Китая. **13.** Иконописный символ апостола Луки. **14.** Композитор, подбивший М. Врубеля выпить последний — запретный — бокал вина, что сыграло роковую роль в жизни художника. **15.** Одномачтовое судно, на котором поморы в старину доходили до Обской губы. **17.** Немецкий химик и врач, автор флогис-

тонной теории, позже отвергнутой А. Лавуазье. **18.** Топленое молоко, приготовленное медленным выпариванием и заправленное сметаной. **19.** В Древнем Риме были луцеры, рамны и тации (каждая из групп граждан). **24.** Часть сонат А. Вивальди, А. Корелли, Ж. Рамо. **25.** Состояние, от которого, по мнению Фигаро, «жиреют лишь дураки». **26.** Японская борьба, где главное — отбить у противника охоту нападать. **29.** Самоцвет, ножи и топоры из которого служили древним людям многие столетия.

30. Царь, запретивший слова «гражданин» и «отечество», а также фракки и лакированные туфли. **31.** Болгарский народный круговой танец, близкий к румынской сырбе. **35.** Английский философ, чья «бритва» отрезает как ненужные избыточные доказательства и постулаты. **36.** Сейчас помесь животных — гибрид, а еще при А. Чехове по-русски — ... **38.** Озеро, открытое не Д. Ливингстоном, как сказано в бездарном энциклопедическом справочнике «Африка», а португальцем Ж. Монтейру. **40.** Фамилия яблока, на самом деле упавшего на голову Ньютона. **41.** Стилистическая фигура в строке песни петровского времени: «Стопочкой по столику стук-постук». **43.** Самый большой в Европе жук. **44.** Народное название кукушкиных слезок. **45.** Длинная женская накидка без рукавов, мода на которую (в 1870-е годы) очень не нравилась Ф. Достоевскому. **46.** Хан Золотой Орды, сделавший ислам государственной религией. **47.** Часть воеводства в Польше.

По вертикали. 2. Исследователь Воронежского края, «первооткрыватель» поэта И. Никитина. **3.** Пользование чужой вещью в римском праве. **4.** Знаменитый клоун, в создании репертуара которого участвовал В. Маяковский. **5.** Стиль в искусстве, родившийся во Франции при Наполеоне. **6.** Фат, франт, а то и наглец (по В. Далю). **8.** Панов инструмент.

9. Крепость внутри города на Руси (в летописи впервые упомянута в 1331 году). **12.** Профессиональный спортсмен в Древней Греции; победителя соревнований ждали почести и привилегии, вплоть до освобождения от налогов. **13.** Семья немецких художников — больше десяти; среди них Магдалена Маргарета — «живописица цветов». **16.** Американский биохимик родом из Черновцов, чьи работы помогли Ф. Крику и Д. Уотсону построить модель ДНК. **20.** Кувшинное рыло арабских сказок. **21.** Титан греческой мифологии, которому его жена Тефида родила три тысячи сыновей и столько же дочерей. **22.** Грибник в научном смысле. **23.** Стоит за французским «бру-ха-ха». **27.** Инструмент, всегда возвращающийся на круги своя. **28.** Художник, о котором К. Брюллов говорил, что он похитил солнечный луч. **32.** Вычурный, замысловатый оборот речи. **33.** Суфий, беспрекословно подчинившийся имаму или шейху. **34.** Самоцвет, какой в России называли хруликом, а ювелиры Западной Европы — восточным аквамарином. **35.** Пахота сохой в былинные времена. **37.** Поэт и музыкант, которого Ф. Сологуб прозвал «заикающимся соловьем». **39.** Птица, лучше певшая, когда ей выкалывали глаза. **42.** «...он барщины старинной оброком легким заменил; и раб судьбу благословил» («Евгений Онегин»).

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 12

По горизонтали. 1. Шнека. **7.** Ящер. **11.** Скорбут. **12.** Иштван. **13.** Хлеб. **14.** Жиробус. **15.** Лыстец. **17.** Токо. **18.** Зенит. **19.** Кларк. **24.** Танец. **25.** Прерафаэлит. **27.** Бабничество. **28.** Отчим. **31.** Шаири. **32.** Чуче. **36.** Гран. **38.** Азалия. **39.** Берлиоз. **40.** Дюфи. **41.** Акинак. **42.** Вишнут. **43.** Йорк. **44.** Мятёж...

По вертикали. 2. Натиск. **3.** Куарез. **4.** Эквилибрист. **5.** Гриот. **6.** Нукуалофа. **8.** Щелчок. **9.** Ребров. **10.** Виола. **16.** Цех. **17.** Траэтта. **20.** Марат. **21.** Фейнман. **22.** Чревоугодие. **23.** Пиния. **26.** Очернение. **29.** Тха. **30.** Угедей. **31.** Шамфор. **33.** Езекия. **34.** Юление. **35.** Лямка. **37.** Глина.

— *Василий, многие зрители вас знают как собкора НТВ. Что заставило вас заняться переводами?*

— Дело в том, что я, строго говоря, не занимаюсь переводом конкретно романа Фюера. Что касается пьесы «Монологи вагины», которую я перевел пять лет назад, тогда это было вызвано необходимостью самому что-то процитировать — я работал над статьей. Перевел один монолог, потом еще один, а потом уже и всю пьесу — она не такая уж и большая. Перевел в свое время статью из «Ньюйоркера», когда толь-

В Арканов Василий

ко-только появилась информация, что Стейси Шифф написала книгу о Вере Набоковой и называлась она «Вера». В «Ньюйоркере» была опубликована глава. Мне она страшно понравилась, и я попытался ее перевести.

— *Почему вы взялись за перевод Фюера?*

— Побудительные мотивы всегда одни и те же — понравилась книга и захотелось с кем-нибудь поделиться.

— *Как вы работали над переводом Фюера? С какими трудностями столкнулись во время работы?*

— Трудности очевидны: книга написана на нестандартном английском. Она состоит из двух частей, и одна из них написана ломаным языком, английским, на котором якобы говорят русские люди. Но это не так, все ошибки, которые делает главный герой Алекс, придуманы. И в этом определенная прелесть этой книжки.

ПОЖНЕШЬ

DVD

Объемы первых носителей различались от 2,4 Гб до 3,7 Гб. Ситуация похожа на CD, имевших поначалу доступный в массовой продаже объем 650 Мб, который позже увеличили до 700 Мб и сделали стандартом. У DVD же — современный стандарт — 4,7 Гб. Но эта цифра не совсем верна, так как служит маркетинговым целям, ведь реальный объем варьируется от 4,24 Гб до 4,48 Гб. Процесс производства не позволяет сделать абсолютно идентичные экземпляры, что, по большому счету, не так страшно. Шесть обычных CD всегда влезут на один DVD.

Есть еще один момент, который более точно объяснит, почему реальный объем меньше заявленного. Производители берут за один мегабайт не 1024 килобайта, а 1000, в результате, среднестатистическая дивиди-болванка вмещает 4,37 Гб.

Когда же они успокоятся?

Казалось бы, зачем спорить и придумывать очередной велосипед, ан нет — руки-то чешутся. Появились три разные группы разработчиков, поддерживающие разные направления DVD: дивиди минус — DVD Forum (230 компаний, образован в 1995 году), далее — дивиди плюс — DVD+RW Alliance и последний дивиди рэм — RAM Promotional Group (с 2003 года). Не редкость, когда одни и те же фирмы значатся одновременно в двух, а то и в трех объединениях, что позволяет им производить носители разного типа. Не хочется ведь терять влияние в различных сегментах рынка. Хотя главным все же остается DVD

Forum, который до сих пор не признал «+R» носители.

Все современные накопители понимают продукцию трех объединений. Остается только вопрос выбора между «+», «-» или RAM. Последний слишком дорого стоит для болванки (несколько сотен, а то и за тысячу рублей), поэтому лучше выбирать между первыми двумя.

DVD-R — дальнейшее развитие технологий CD-R. DVD+R — технология CD-RW, перенесенная на дивиди. DVD-RAM — интересная технология, позволяющая использовать носитель в качестве мини-жесткого диска. Не будем влезать в технические дебри каждого из форматов, так как в большинстве случаев это не является существенным.

В чем отличие от CD

Принципы записи и считывания — такие же, с единственной разницей — у DVD используется более короткая длина волны лазера (635—650 нанометров, против 780 у CD). Это и позволило увеличить плотность носителя более чем в шесть раз, говоря о CD-R 700 Мб и DVD-/+R 4,7 Гб.

Новая технология позволяет делать как двухслойные (8,5 Гб), так и двусторонние (9,4 Гб) диски. Есть и двухслойные двусторонние варианты (17 Гб). Рядовому же пользователю выгодней брать односторонние однослойные DVD-/+R (на «развес» — от 15 рублей, в коробочках от 20, против от 250 за двухслойный).

У нового носителя лучше продумана защита от пиратов. Но для России это неактуально, ведь наши пираты — всем

пиратам пираты. Взламывают все, поэтому цена фильмов (от 50 рублей), программного обеспечения (от 100 рублей, и пусть оно за границей стоит хоть несколько тысяч долларов), музыки (от 80 рублей). С точки зрения закона об авторском праве — это воровство, следовательно, дело подсудное.

И было в начале...

Первые DVD создавались как замена Video-CD, поэтому аббревиатура расшифровывалась как Digital Video Disk. Позже выяснилось, что на новом носителе можно хранить любые данные, как и на CD. Чтобы не смущать потребителей, слово Video заменили на Versatile (универсальный). Сейчас же DVD никак не расшифровывают, так как эти три буквы настолько запали в души людей, что в этом нет никакой надобности.

Универсальность носителя породила, помимо DVD-Video, еще два вида: DVD-ROM (Read Only Memory) — программы, игры; DVD-Audio — для музыки очень высокого качества — замена Audio-CD. Раз уж все настолько красиво, то почему бы и нам не воспользоваться новыми возможностями, благо современные DVD-резакки начинаются от 1225 рублей. А цена за 4-х гигаовую болванку просто смехотворная, пускай и стоит она в полтора или два раза дороже обычной, зато объем в шесть раз больше.

Спрос на DVD-носители растет в геометрической прогрессии. Производители не успевают выкладывать на прилавки очередные партии, как их тут же разбирают. Поэтому в ближайшее время аналитики предсказывают рост цен на дивиди болванки на 10—15 процентов.

Надежность и долговечность

Теоретически DVD-диск, как утверждают разработчики, безумно надежен. Он не портится от частого проигрывания, в отличие от CD; срок хранения информации превышает 100 лет, против 30—

50 у CD. Короче, все шоколадно! Но всегда есть «НО», так как теория и практика порой разнятся. Да и потом, эти данные действительно только для записанных в заводских условиях дисках (лицензионные фильмы, музыка, программы и так далее). А почему, сейчас поймете.

У CD и DVD разные способы нанесения информационного слоя. У первого все просто: круглый кусок пластика 1,2 мм толщиной, информационный слой, а сверху и по краям — слой лака. Нравится? Или что-то смущает? Правильно — смущает. Царапнул лак и «хана» данным, хотя частично их можно будет восстановить. От частого воздействия тепла или холода лак может отслаиваться вместе с «драгоценным слоем». Конечно, это крайности, но кто знает, что может случиться. Если вы не торопитесь переходить на DVD, то хотя бы подписывайте диски специальным маркером, чтобы лак не разъедало.

У второго с этим продумано лучше: два круглых куска пластика по 0,6 мм. На одном — непрозрачный отражающий, а на другом — информационный слой, и все это склеивают по краям, в результате, площадь возможного опасного повреждения уменьшается в два раза — остается только сторона считывания и торец.

У каждого производителя — своя оригинальная технология защиты стороны считывания у диска: TDK — Scratch Proof (лучшая защита от царапин, жаль только болванки с этой технологией дороговаты), Verbatim — AZO или Advanced AZO (относительно приличная защита от механических повреждений), SmartBuy — Metal AZO (по качеству стоит между Scratch Proof и AZO, а по тестам ближе к первому). Есть и другие производители, они же просто советуют аккуратно обращаться с дисками и не царапать, что только говорит об отсутствии какой бы то ни было приличной защиты от повреждений.

Продолжаем разговор

Допустим, если взять обычный диск TDK и поводить по нему пальцем или ножни-

цами, то останутся еле заметные следы, не влияющие на качество считываний. Для получения царапины нужно приложить усилие. То же касается и дисков фирмы Verbatim, которые тоже надо специально царапать, чтобы испортить.

Вопрос надежности и долговечности обоих носителей еще очень спорный, ведь технологии относительно молоды и проверить максимальный срок службы пока невозможно — долго ждать, а к тому времени уже будет что-то более совершенное.

Подумайте, сколько лет прошло между популяризацией записи на CD (примерно, с 2000 года) и DVD (с 2004 года) — имеется в виду период, когда накопители (приводы) и носители (диски) стали доступны практически всем желающим. Выходит четыре года. То есть, если раньше человек хранил все на 700 МБ, то сегодня он переводит старую и пишет новую на 4,7 ГБ. Возникает тогда вопрос — кому нужны эти расчетные 50—100 лет? Для пользователя важно, чтобы данные сохранялись не менее 10 лет, все равно каждые 4—5 лет все переносится на более современный и емкий носитель. Наверняка, уже через два или три года вы перенесете все дивидишки на HD-DVD (20 ГБ — на одном слое) или Blu-Ray (25 ГБ — если однослойный).

Требуя продолжения банкета!

Качественная CD-R болванка живет не менее 10 лет — проверено. Про DVD- \backslash +R такого пока сказать нельзя. Хорошие продержатся 2—3 года, а дальше — как повезет. Есть случаи, когда DVD-болванки переставали читаться уже через полгода или год, поэтому расчетный период их жизни можно воспринимать с улыбкой (опять же маркетинг), ведь реальный еще не известен.

Дело еще в том, что длительность хранения информации указана для заводских носителей (DVD-Video, -Audio и -ROM). Их делают по-другому, нежели \backslash +R, так

как в основе их информационного слоя лежит еще и металл, а у записываемых экземпляров — органический слой, который подвержен гниению, старению и выцветанию. Конечно, если следовать всем мерам предосторожности и хранить диски в идеальных условиях, то все должно быть нормально — не факт. Даже при таких условиях DVD-болванка может испортиться. Исходя из этого, все приличные организации, архивы, музеи каждые два года переписывают все CD, а теперь и DVD, на более свежие болванки, причем в двух экземплярах. Как вы думаете, если бы носители жили действительно 50—100 лет, стали бы они так делать? Еще Билл Гейтс как-то сказал, что существующие оптические носители информации еще слишком ненадежны для архивного хранения данных, так как полимеры, составляющие основную часть информационного слоя, очень быстро стареют.

Британская ассоциация по защите прав потребителей провела исследования дивиди-болванок 20 разных фирм. Половина отсыялась после первого же теста. Лишь четыре носителя достигли почти средних показателей. Худшие результаты показал диск от Verbatim с AZO, а лучшие — TDK Scratch Proof.

Эпилог

Не все так плохо, как кажется на первый взгляд. Технология еще слишком новая, и требовать от нее чего-то сверхъестественного не следует. Надо надеяться, что через некоторое время производители уделят больше внимания процессу старения полимеров, и за сохранность информации беспокоиться не придется. Осталось расположить в порядке убывания по качеству основных производителей: TDK, SmartBuy, Philips, Verbatim. Чтобы сделать правильный выбор, следует взять несколько разных фирм, каждый ее носитель промыть с помощью «Фейри», просушить на солнце, а потом проверить на читабельность — и лучший использовать для хранения данных. □

А ЧТО СОБИРАЕТЕ ВЫ?

Увлечение коллекционированием различных предметов возникло в эпоху Возрождения. Оно представляло собой целенаправленное собирательство, как правило, однородных предметов, имеющих научную, историческую или художественную ценность. Это могли быть памятники материальной и духовной культуры: рукописи, монеты, почтовые марки. Произведения изобразительного искусства или же, например, объекты природы — минералы, растения, насекомые.

Так, в замке знаменитой семьи Медичи во Флоренции, помимо уникальных произведений искусств, собраны редкие камни и минералы, найденные в самых дальних уголках земного шара. Коллекционировали редкости и Людовик XIV, и французские кардиналы Ришелье и Мазарини, папы Юлий II и Лев X, император Карл V и многие, многие другие исторические личности.

В России в конце восемнадцатого века известным коллекционером древнерусских рукописей и книг был граф А.И. Мушин-Пушкин.

Чуть позже это увлечение перекинулось на представителей буржуазии и разночинной интеллигенции. Многие коллекции потом, спустя годы, легли в основу известных музеев. Собиратели русской и зарубежной живописи, владельцы текстильных предприятий братья Павел и Сергей Третьяковы подарили Москве и всему миру Третьяковскую галерею. Меценат Щукин за бесценок покупал отвергнутую французами живопись в стиле импрессионизма. Он любил приглашать к себе на чай студентов из художественного училища, расположенного рядом с его домом, и беседовать с ними об искусстве. Многие преподаватели этого училища возмущались Щукинскими чаепитиями и запрещали посе-

щать их своим ученикам. Они считали, что у студентов воспитывается дурной вкус, ибо живопись, собираемую меценатом, нельзя даже назвать искусством. Все эти Матиссы, Дега, Моне, Ренуары — полная безвкусица и полное отсутствие профессионализма. Но мы-то теперь знаем, какой бесценной коллекцией обладает Музей изобразительных искусств имени Пушкина. Даже французы, вздыхая, признают: «Лучшее из импрессионизма — у вас».

ордена, медали, солдатские медальоны, чтобы затем продать находки собирателям военных трофеев. Любители-археологи бродят с миноискателями по следам древних греков в Крыму. Они охотятся за этнографическими и археологическими памятниками. Многие из них, к сожалению, дилетанты, не имеющие возможности по достоинству оценить найденную вещь. Поэтому очень часто настоящие археологические ценности уплы-

Конечно, можно вспомнить и знаменитую Румянцевскую библиотеку, впоследствии названную именем вождя мирового пролетариата — Ленина. Коллекция Румянцева — одна из крупнейших и уникальных библиотек в мире.

В середине двадцатого столетия популярным увлечением стало коллекционирование. Развитию этого вида собирательства способствовал выпуск широко доступных объектов: открыток, значков, этикеток, грампластинок, марок. Появилось даже первое в СССР Всесоюзное общество филателистов.

Сейчас интерес российских коллекционеров направлен в основном на антикварные изделия, украшения, иконы. Очень модно собирательство русской живописи XIX, начала XX веков. Так называемые черные кладоискатели ищут на местах отгремевших боев

вают за бесценнок иностранным собирателям.

В наше время появились не только новые русские, но и новые коллекционеры. Это не фанатики живописи и не филателисты, готовые отдать последнюю рубашку за новую марку, а собиратели дорогих вещей. Их коллекции автомобилей, яхт, живописи и т.д. собираются ради хвастовства.

Например, совсем недавно один богатый человек отдал двести тысяч долларов за книгу в золотом переплете и с бриллиантами на обложке, даже не ознакомившись с ее содержанием.

Существует и совершенно замечательная категория коллекционеров, собирающих совсем обыденные вещи, ради собственного удовольствия и изумления, граничащего с недоумением, окружающих. Например, житель Осло Ян Солберг собрал триста

пятьдесят тысяч различных этикеток от пива. А самая большая в мире коллекция подставок под пивные кружки принадлежит жителю Вены Лео Писакеру. В его коллекции сто сорок тысяч подставок из ста пятидесяти пяти стран мира. И что странно, сам Лео пива не пьет.

В коллекции Дэвида Маунда из города Упхема, что находится в Великобритании, более тридцати тысяч миниатюрных бутылочек из Duty Free.

Петербуржец Борис Ванеев, ни разу не выезжавший за пределы своей родины, уже двадцать лет неустанно «путешествует» по Европе, досконально изучив схемы и планы городов ми-

Рассказывают, что однажды в офисе этой компании, где подобные шедевры украшают стены, один из клиентов умолял, за огромные деньги, продать ему картину. Получив категорический отказ, он подкупил охранника, и тот выкрал для него предмет сомнительного искусства. Однако особой гордостью собирателей фишек являются фишки, раздобытые в нелегальных игорных домах, то есть привезенные из стран, где казино запрещено законодательством. Так, например, в Израиле официально нет казино, но у настоящего любителя приключений найдется фишка какого-нибудь подпольного клуба Тель-Авива, о существова-

ра по путеводителям, а достопримечательности — по открыткам. Коллекционер на память знает все памятники архитектуры Лондона и может объяснить любому, как, например, в Париже попасть с Елисейских полей на площадь Бастилии.

Есть люди, собирающие фишки казино. Конечно же, подобные коллекционеры — прежде всего, игроки. Многие из них разъезжают по всему миру, чтобы испытать чувство азарта, а заодно и приобрести новые экземпляры для своей коллекции.

Безусловно, человеческая фантазия не знает границ.

Один из владельцев предприятия по изготовлению игорного оборудования, не просто коллекционирует фишки, а делает из них целые картины.

нии которого израильские власти не подозревают.

Достаточно часто казино практикуют выпуск фишек, приуроченных к какому-либо празднику, например, ко Дню Всех Святых или к юбилею самого игорного дома. Эти фишки выпускаются ограниченным тиражом и тут же становятся украшениями частных коллекций.

Очень популярным любительским коллекционированием с недавних времен стало собирательство пластиковых карт. От дисконтных до банковских.

На данный момент, в коллекции москвича Андрея Борова более трех тысяч пятисот карточек из Мексики, Новой Зеландии, Швейцарии, Венгрии, Германии, Болгарии, Израиля и Турции.

Потрясающей коллекцией бабочек обладает Светлана Чуева из Нижнего Новгорода.

— Коллекция бабочек — это прекрасное украшение вашей квартиры. Правда, многие считают такое собирательство бесчеловечным. Я биолог по образованию и знаю совершенно точно, что природе нет дела до гибели отдельных живых существ. Несколько пойманных экземпляров какого-то многочисленного вида ничего в худшую сторону не изменят. Окружающая среда страдает от ядовитых газов, дыма городов, изменений ландшафта, пролетающих самолетов, наконец. Но не от горстки коллекционеров бабочек!

На мой взгляд, это занятие намного гуманней, чем охота или рыбная ловля, — утверждает Светлана.

Правда, порхающие над цветами бабочки выглядят все-таки намного лучше.

Трудно даже представить, сколько еще существует видов коллекционирования, и какие они имеют названия! Например, арктофилия означает коллекционирование мягких игрушек. Бестиаризм — книг о животных. Бонистика — накопительство разнообразных денежных банкнот. Вексиллология — коллекционирование плакатов и флагов. Вектуризм — жетонов на метро. Дологизм — собирательство птичьих яиц.

Лепидоптерия — вышеупомянутых бабочек. Плангонология — коллекцио-

нирование кукол. Фалеристика — увлечение значками, медалями, орденами. Филография — автографами. Филокартия — почтовыми открытками. Филофония — музыкальными записями.

Чего только ни придумано!

В Нью-Йорке даже открылся музей самых необычных в мире собраний. Здесь представлены: коллекция молочных зубов, коллекция взглядов на закат солнца, коллекция новых впечатлений, возникающих при слушании музыки, коллекция запахов, салфеток, оттенков голубого цвета, записок для памяти. Собрание скульптур из цикла «Форма и мыло», коллекция загадочных событий, фиалок, использованных спичек, коллекция нераспакованных карт, собрание миниатюр, имеющих форму сердца и многое-многое другое. А что собираете вы? □

Алла Люден

УКРАШЕНИЯ

страшная сила

На палец — кольцо, в уши — клипсы или серьги, на шею — бусы, и вперед — вы прекрасны! Кто из нас не любит украшения? Встречаются, конечно, очень редко, этикие аскетки, но это не наши люди. А мы от милых сердцу мелочей отказываться не собираемся.

Но, между прочим, были в нашей стране такие годы после революции, когда украшения считались невероятным мещанством, пережитком прошлого и чуть не оказались на грани исчезновения из женского гардероба. Видимо, боялись, что они помешают построить новую прекрасную жизнь. Но расстаться с ними невозможно. А носить их начали, похоже, еще в первобытном обществе. Прародителями украшений можно считать цветы, воткнутые в волосы, сплетенные из них веночки, красивые камушки, повешенные на шею. А потом, по мере развития цивилизации, начали использовать для их изготовления самые разные материалы: металлы, жемчуг и кораллы (там, где они водятся), драгоценные и полудрагоценные камни, потом научились изготавливать эмаль и стали украшать ею металлические изделия.

Вообще-то, об истории развития ювелирного искусства можно рассказывать долго, настолько богатая у него история. Поэтому оставим все это до другого раза. А сейчас предлагаем поговорить о бижутерии. Ведь не у каждого есть возможность покупать дорогие вещишки из золота, бриллиантов и так далее. Да и знатоки утверждают, что девушкам с хорошим вкусом не стоит носить драгоценности постоянно. Сейчас настало

время бижутерии. И ее так много продается, что можно удовлетворить любой вкус, размеры кошелка и желание. Присмотритесь к бижутерии, которая настолько по внешнему виду похожа на драгоценности, что совсем не нужно выпрашивать у мамы или бабушки их дорогие серьги и кольца. К тому же есть один секрет в таких украшениях: они прибавят вам возраст и солидность, что не всегда приятно.

Стоит знать, что бижутерия имеет свой язык. Это знак, способ общения, а также возможность заявить о своих

намерениях и о характере. И хотя мода на украшения меняется не очень часто, необходимо учесть, что все-таки главное — быть не такой, как все, индивидуальности всегда почет.

Одна из актуальных тенденций этого года — вещь в стиле «винтаж». Вот их-то как раз можно найти в старых бабушкиных шкапулках. Все эти брошки, кулончики, сережки, сделанные из простых металлов, с обычными стекляшками или из пластмассы, но такие интересные, эксклюзивные и красивые, подойдут и к деловой одежде, и к нарядной.

Всегда приятно надеть украшения из природных материалов. Здесь мы не ушли далеко от наших первобытных предков. Деревянные браслеты, бусы — материал теплый и греет не только кожу, но и душу. И совсем не обязательно, чтобы они сохраняли свой естественный цвет: бежевый, черный или коричневый. Очень хорошо смотрятся разноцветные, покрытые яркой блестящей краской всевозможные фенечки на руках, шее и даже на ногах. А это уже африканский стиль. Правда, теплые дни у нас закончились, но на будущее имейте в виду — этот стиль еще долго процветает, и к следующему лету подготовьте заранее не только удобные сандалии на абсолютно плоской подошве, но и браслеты, которые можно надеть на щиколотки. Кстати, многие их видели и на модницах из

Индии. Там это просто ритуальные украшения. А на руках африканские браслеты можно носить круглый год. Методика стиля проста: сначала надеваете светлый браслет, потом темный, потом опять светлый, ну и так далее, в зависимости от фантазии, количества имеющихся у вас браслетов и, разумеется, рук. Браслеты должны быть крупными, но можно между ними иногда вставлять и тоненькие. Знаменитые дизайнеры Дольче и Габбана рекомендуют носить их не только на ногах и руках, но и на шее — на манер темнокожих девушек на выданье, живущих в малоцивилизованных африканских племенах. Из материалов предпочтительнее металлы, дерево и бисер.

Бисер и крохотные стеклянные бусинки сейчас особенно в почете. Длинные нити, повешенные в несколько рядов разной длины или перевитые в жгуты, браслетки из множества стеклянных ниточек со вставленными между бусинками смешными фигурками или цветочками смотрятся очень хиппово и весело.

Уже много сотен лет считается, что бисер, особенно венецианский, обладает мистическими свойствами. У различных народов эти крохотные стеклянные бусинки используются как амулеты. Индейцы майя, например, считали, что бисер умеет настраиваться на частоту вибраций человека и регулирует и стабилизирует их. Такие изделия будто бы раскрывают «третий глаз». Витиеватые переплетения кристалликов с хорошо и правильно подобранными цветовыми сочетаниями помогают обрести романтическую любовь. Девушки, обратите на это предсказание внимание. А вдруг правда?

Этнический стиль все больше появляется в коллекциях именитых дизайнеров. Ну вот, например, очень популярен цыганский стиль. Оригинальные серьги-кольца, особенно огромные, просто сметаются с прилавков. Не менее привлекательны монисто и браслеты с крупными монетами, россыпи бус из различных камней, особенно кораллов и бирюзы. Только, пожалуйста, не думайте, что эти полудрагоценные камни должны быть обязательно настоящими. Пластик, дорогие мои, пластик. Все демократично в модном мире.

Если этнические мотивы не в вашем вкусе, можно поискать, предположим, брошку в форме жука, лягушки, бабочки, а еще моднее — в виде божьей коровки. Лягушки были модны особенно в прошлом сезоне, но и сейчас их с удовольствием носят, даже на серьгах и колечках. А вот наши любимые ярко-красные в черный горошек божьи коровки — самый супер! И растительные мотивы, как то: цветочки, фрукты, ягоды, собранные из разноцветных камешков, из пластмассы, металла с эмалью — одно из самых модных направлений. И совсем не важно, что это вроде бы летние мотивы. Наоборот, в нашем сером и унылом зимнем сезоне такие украшения согреют и вас, и окружающих. Бижутерию надо носить весело, чтобы создать хорошее настроение.

Но вот чего не надо делать, так это надевать на себя весь запас своих украшений сразу. Попадают у нас такие любительницы, ни с одной своей штучкой не могут расстаться. В результате, даже летом ходят по улицам «новогодние елки». Не хочется быть занудой, но все-таки чувство стиля и меры — великая штука.

Украшения сами по себе — не самоцель. Главное, каким способом они нас могут украсить. Их всего три.

Во-первых, все эти брошки, бусы, колечки, цепочки — вносят в туалет последний штрих, будучи его дополнением, а не самостоятельной частью. Например, на кружевной, шелковой блузке уместны брошки или кулоны тонкой «паутиной» работы. Их могут заменить (именно заменить, а не дополнить!) крупные, но не аляповатые серьги-подвески, клипсы или кольца. Строгий деловой костюм дополняют простой формы однотонные брошки и клипсы, крупные перстни, но только по одному, а не сразу несколько, как это часто мы видим. А всевозможные ажурные подвески, тонкие колечки с разноцветными камешками, цепочки лучше оставить для романтического вечера.

Во-вторых, украшения делают женщину неповторимой и подчеркивают привлекательность. Но не стоит в офисе акцентировать внимание на своей женской прелести. Поэтому все должно быть умеренно. Если цепочка на шее, то — короткая. И никаких излишеств.

В-третьих, украшения подчеркивают тип красоты: утонченный, кокетливый, смелый или вызывающий, или строгий. Этого можно достигнуть подбором материала, цвета, дизайна, вида украшений.

Если вы работаете в серьезной компании, то, конечно, и выглядеть надо серьезно и достойно. Лучше носить что-нибудь серебряного цвета.

Серьги — практически единственный позволительный намек на женственность. Говорят так: уши делают внешность. Мужчины, не пугайтесь! Конечно, это только женщин касается. Выбор формы серег зависит от формы лица, но в любом случае они не должны быть огромными и броскими, чтобы не отвлекать внимания от самого лица.

Строгий однотонный костюм можно украсить стильной брошью. Но нужно подобрать что-то очень элегантно. Только не советую носить сразу весь ансамбль из брошки и серег. Почему-то, с психологической точки зрения, он придаст всему облику впечатление неуверенности в себе.

Заменить брошь может узкое ожерелье «по шейке». Особенно эффектно оно смотрится с жакетом без воротника. Если шея длинная или средняя, подойдет ожерелье в виде ошейника. При короткой лучше выбрать намеренно длинное.

Несколько рядов узких бус под жемчуг визуально шею удлинят, но и здесь главный принцип — не перестараться.

Что касается колец, то деловая женщина не должна подтверждать такую смешную шутку, что, надевая много и сразу, женщины становятся похожими

на деревья, и по их кольцам можно определить количество прожитых лет. На работе лучше носить только одно кольцо.

И важной деталью в украшении себя и костюма, конечно, можно считать часы. Тем более, сейчас такой большой выбор и так много красивого дизайна в этой деловой сфере. Часы надо носить. Иначе психологи говорят, женщина без часов выглядит не умеющей распоряжаться своим временем. Часы должны быть пропорциональны запястью и лучше классической формы. Потому что вы находитесь на работе. Для отдыха, вне рабочей обстановки, можно купить какие-нибудь нарядные, веселенькие образчики. А на работе — только строгие. Но если часы слишком маленькие, они будут выглядеть мелкими и принизят ваш имидж. Если же часы слишком большие и тяжелые, особенно для хрупкой девичьей ручки, то задавят ваш облик.

Избегайте часов с таймерами, звуковыми сигналами, несколькими циферблатами. Чем выше занимаемая вами должность, тем качественнее и проще по форме должны быть часы. Кстати, золотые часы — самый модный дамский аксессуар нашего сезона.

Сколько же советов и рекомендаций услышишь, если захочешь классно выглядеть! Голова идет кругом. А что делать-то? Опять учиться, и так всю жизнь. □

Евгения Гордиенко

ОТ ДИМ-СУМ

ДО РАВИОЛИ

Давайте-ка прикинем, какой самый популярный ужин у большинства россиян? А вот и не курица-гриль! Согласно опросам, это пельмени. Но не всегда это любимое нашими людьми блюдо можно было найти в супермаркете. Раньше (вы не поверите!) пельмени лепили вручную. По несколько сотен штук сразу и замораживали впрок на долгую зиму. В моей памяти еще сохранилась идиллическая картина всей моей семьи, дружно лепящей пельмени за столом в залитой теплым светом кухне. А какие разговоры возникают за легкой пельменей! Литературные салоны и философские обще-

ства просто меркнут. Обзор творчества Канта, религия скандинавских народов и завоевания Аттилы — вот далеко не полный перечень тем...

Но если вы с присущим всем нашим людям патриотизмом думаете, что пельмени — исконно русская еда, то я вас огорчу. Аналоги пельменей есть почти в каждой кухне мира. Видимо, идея совместить тесто и мясо пришла с небес одновременно всем народам. Но каждый воплотил ее по-своему. Одно многообразие названий чего стоит: грузинские хинкали, армянские бораки, узбекские манты, туркменский балык-берек, италья-

янские ravioli, украинские вареники, китайские дим-сум, бурятские позы (но не те, которые в Камасутре!)... И у каждого — свои особенности. Например, в борках начинку предварительно обжаривают, а сами они сначала варятся до полуготовности, а потом тоже обжариваются в масле. Манты готовят на пару, в специальной многоярусной кастрюле — манты-каскане, которая у нас в доме носила демократичное название «мантышница». А китайцы, кстати, все-таки именно они признаны изобретателями пельменей, готовят их не только с мясом, но и с овощами, морепродуктами... Чаще их жарят, но иногда и готовят на пару. По форме они напоминают мешочки, завязанные сверху. Но в Китае с выбором дим-сум придется не просто — их около двух тысяч. Равиоли многие считают просто одной из разновидностей пасты. Ну и пусть. Мы-то знаем, что это пельмени, просто они маскируются под местный колорит...

Но несмотря на заморские разносолы, нашему русскому сердцу все же близок настоящий сибирский пельмень. Нежно-кремовый, гладкий, с кручеными краешками и свернутый «ушком». По-моему, у кого-то уже потекли слюнки.

С пельменями связано немало легенд и забавных историй. Расскажу одну из них. В 1970 году в Карловых Варах проходил кинофестиваль. Нас там сильно не любили, понятно, почему. Тогда, в целях восстановления братской советско-чешской дружбы, глава советской киноделегации режиссер Сергей Герасимов решил побаловать чехов своими знаменитыми пельменями «по-герасимовски». Лично отправился на карлсбадский ба-

зар, где прикупил говяжьей ляжку, шматок мягкой свининки с жирком и курдючного бараньего сала (личный прием маэстро). На следующий день в зале приемов русского консульства сервировали роскошный прием на 3000 пельменей. Говорят, их лепили все ныне народные артисты, бывшие тогда в делегации. В трех штуках были бобы «на счастье». После этого застолья советско-чешские отношения резко потеплели...

А вот теперь и рецепт. Не на три тысячи пельменей, конечно, но тоже ничего себе. Итак, все просто до неприличия. Для теста берем полкило муки, просеиваем ее и насыпаем горкой. Этакой Фудзиямой. Теперь наверху делаем лунку (кратер), вбиваем туда яйцо (из Фудзиямы потекла лава). Теперь все это солим и хорошенько вымешиваем тесто. Ему надо дать отлежаться 20—30 минут, чтобы поостыло от эмоций... Фарш делается и того проще. По 300 гр. баранины и свинины (можно взять говядину и свинину, главное, чтобы было 2 разных вида мяса) пропустить через мясорубку с мелкой решеткой, добавить 2—3 столовые ложки воды. Все перемешать, чтобы даже самый пытливый едок не различил, где баранина, а где свинина, затем посолить и поперчить по вкусу... Но вернемся к нашему заскучавшему тесту. Раскатываем его тонким пластом и вырезаем кружочки. Куда вы понеслись за циркулем? Берем стаканчик (ничего туда не наливать, это потом) и его краешками выдавливаем кружочки искомого диаметра. На каждый кладем по чайной ложечке начинки, залепливаем края и склеиваем их «ушком». На этом этапе их можно сложить на посыпанную

мукой доску и положить в морозилку до лучших времен. А можно прямо сейчас кинуть в кипяточек, потом полить маслом, сметанкой или кетчупом, посыпать перцем и прикрыть глаза от удовольствия...

Помните советский лозунг: «Русский с китайцем — братья навек»? Теперь можете проверить это на собственных вкусовых рецепторах и ответить... китайские пельмени дим-сум с креветками!

Тесто готовим точно так же, как на наши пельмени, но без яйца. Все нормально смешается, не волнуйтесь, только немного более постным получится. Много вы видели толстых китайцев? А вот начинка там пооригинальнее будет: пропустить через мясорубку полкило креветок (сама знаю, что лучше с пивом, но мы готовим пельмени — помните об этом), порезать 100 грамм консервированных шампиньонов, перемешать, добавить 2 столовые ложки соевого соуса, 2 столовые ложки сладкого белого вина

(в идеале — рисового, но вкус изменится не радикально, так что можете не буржуйствовать). Туда же положим половину ложки сахара, полторы ложки крахмала и немного перца. Соливать не надо, соевого соуса вполне достаточно. Начинку кладем на кружочки из теста, вырезанные отечественным методом, но залепливаем не «ушком», а сделаем мешочек, чтобы сверху осталось «горлышко». Готовить в пароварке на сильном огне 5 минут. Если пароварки у вас не случилось, то можно быстро обжарить их на сковородке в соевом соусе на большом огне. Посуда для обжаривания должна быть глубокой, а дим-сум надо постоянно перемешивать, чтобы обжарились со всех сторон. Это порция штук на 30, так что максимум на двоих, а то и в одиночку справитесь.

Честно скажу — как будет «приятного аппетита» по-китайски, я не знаю, но оно вам надо? Кушайте, гости дорогие, пельмешки! Вот это по-нашему. □

Д.Б. Бриллиантовый В.М.

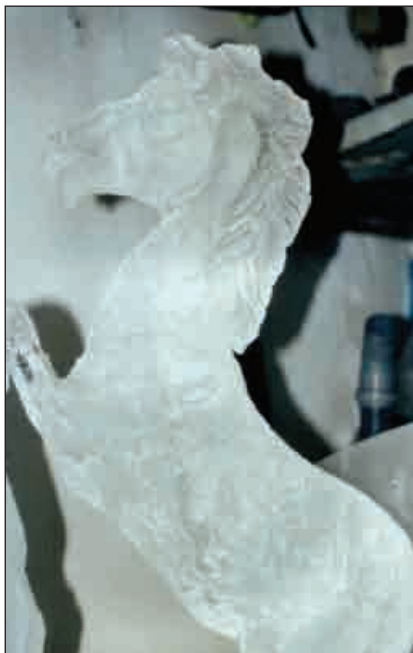
Максим Башкеев

*Чувство прекрасного в человеке не-
истребимо. Иначе как объяснить,
что за тысячи лет были созданы
многочисленные произведения ис-
кусства, которыми не перестают
восхищаться до сих пор. И тем
восторженнее и трепетнее отно-
ситься к шедевру, которому самим
автором уготовано неминуемое,
к сожалению, быстрое таяние.
Я говорю о ледяной скульптуре.*

Где зародилась снежная и ледяная скульптура — доподлинно не известно. Но многие исследователи склонны считать, что родиной недолговечного строительства является Япония. Самое известное ледяное сооружение России — возведенный в 1740 году в Петербурге «Ледяной дом», который построили по повелению императрицы Анны Иоанновны для свадьбы шута Голицына и шутихи Бужениновой.

«Выступив из мрака ночи со своими огнями, ледяной дом сиял металлическим блеском и далеко бросал от себя свет на Луговую линию», — писал об этом удивительном сооружении Лажечников. Из льда были сделаны не только стены дома, но и вся мебель и утварь, вплоть до колоды карт на столе. У входа стоял ледяной слон с ледяным же погонщиком. Днем из хобота била вода, а ночью — фонтан горячей нефти. Ледяные дельфины извергали фейерверки. На окрестных деревьях сидели с особым искусством вырезанные ледяные птицы. Ночью дом освещался множеством свечей, а в камине горели ледяные дрова, предварительно политые нефтью. Искусно сделанные ледяные пушки на потеху публике стреляли ледяными ядрами. Чтобы придать конструкции нужную прозрачность, лед было необходимо «прогладить». В буквальном смысле, утюгом. А какие тогда были утюги? Чугунные, на углях. Представляете, сколько мороки?

С тех пор ледяную скульптуру надолго и незаслуженно забыли. За это время пальму первенства в ледостроительстве успели захватить скандинавы. Там почти в каждом городке проходит свой ежегодный конкурс «холодной» скульптуры. К слову, в 2003 году в честь празднования 300-летия Петербурга был сооружен второй «ледяной дом», общей массой более 60 тонн. Что характерно, строили его шведы. У них же, кстати, есть и своя диковина. Неподалеку от городка Кируны каждый год строят ледяной отель с кинотеатром, баром и даже собственной церковью. Есть и сауна. Правда, вместо

обычного бассейна там несколько прорубей прямо в ледяном полу. Туристы в восторге. В России различных фестивалей и конкурсов ледяной и снежной скульптуры пока только около двадцати, дело, однако, идет в гору семимильными шагами. Уже сейчас в нашей стране есть мастера с мировым именем. Недаром с 1997 года российские художники стабильно занимают призы-

вые места на различных международных соревнованиях.

Технология с восемнадцатого века принципиально не изменилась. Разве что лед теперь выпиливают бензопилами. Да и электрический уют в разы уменьшает трудозатраты. В остальном... все то же самое. Правда, в распоряжении скульпторов есть еще и искусственный лед. Справедливости ради стоит сказать, что большинство специалистов его недолюбливают за то, что от него трудно добиться идеальной прозрачности. В силу объективных причин физического свойства в середине искусственно замороженной глыбы всегда останется мутное пятно. Инструменты для работы со льдом до безобразия просты, чем-то похожи на резцы и стамески, используемые для аналогичных работ по дереву.

Единственным несомненным преимуществом прогресса являются холодильные камеры, позволяющие создавать ледяные скульптуры даже летом. Выставленная на всеобщее обозрение композиция вряд ли проживет больше двенадцати часов, зато впечатлений у страдающей от жары публики будет море.

Ледяную композицию можно создать всего двумя путями: из заранее изготовленных деталей или из массива, постепенно отсекая все лишнее. Первый способ и дешевле, и быстрее, но начисто убивает творческий процесс, а местами и вообще смахивает на детский конструктор «сделай сам». Поэтому все по-настоящему достойные с художественной точки зрения проекты осуществляются по второму сценарию. Из глыб объемом до половины кубического метра собирают силуэт будущего творения, после чего автор приступает непосредственно к работе. Лед при этом подходит не всякий. Речной обычно слоистый, как пирог, да и необходимой толщины достигает только в конце декабря. Другое дело — лед озерный или прудовой. Возведенная в декабре композиция простоит без изменений до марта, а если повезет, то и до апреля, а потом станет источником

очередного веселого весеннего ручейка. Если только ее не уберут раньше, чтобы люди не видели столь печальный финал.

Особый шик композиции придает подсветка, которая может быть как внешней, так и внутренней. Внешняя, конечно, дешевле, и ее проще выставить. Зато какое сказочное впечатление производит скульптура, лучащаяся неповторимым волшебным внутренним светом... Здесь главное — не проколоться в деталях. Лампы для такой подсветки ни в коем случае не должны быть греющимися — убьют красоту изнутри.

Другой враг ледяного шедевра — погода. И если небольшую оттепель (до плюс пяти) скульптура переживет без ощутимых потерь, то дождь может нанести непоправимый урон. Можно, конечно, принять превентивные меры: соорудить шатер, замотать все полиэтиленовой пленкой. Но зачем? Ведь в том-то и состоит прелесть, что эта красота недолговечна...

Сегодня ледяную сказку можно наблюдать не только на главной городской площади, но и, если очень хочется, то и на своем загородном участке или во дворе. Главное — грамотно выбрать место. Иначе по весне уютного уголка сада или участка газона просто не узнаете. Лед — тяжелый строительный материал, и даже композиция средних размеров давит на грунт с внушительной силой.

У опытного резчика на фигуру в человеческий рост уйдет пару часов, на композицию два на два метра — несколько дней, а проект в сотню кубометров льда займет более недели. Цена? На любой вкус. От ста пятидесяти американских денег за полуметровую фигурку Деда Мороза, до полутора десятков тысяч за сказочный замок с подсветкой и обилием персонажей в «полный рост». Дороговато? За удивительное хрустальное сияние, сверкающую на солнце мириадами бриллиантов причудливую резьбу, за прекрасную голубизну природного материала, спорящего по красоте с бездонным небом... ничуть. □

Екатерина Кочеткова

Девочка-зима

Вечно мы, женщины, выискиваем для себя идеалы якобы бесспорной, безупречной внешности. Увидим в глянцево-журнальном каком-то заморенном существо, выдаваемое глумливыми стилистами за эталон неземной красоты, — и все. Пропали. Все силы, время, деньги, достойные лучшего применения, тратим, чтобы приблизиться к заветному образу. Меняем все, и кардинально. Пере-

краиваем, режем, красим, добавляем, убавляем... Стиснув зубы, молча рыдая, шаг за шагом приближаемся к заветной цели. Да так, что и мама родная не в состоянии узнать собственную дочурку. Что уж говорить о друзьях-товарищах-любимых.

Один остроумный человек, конечно, мужчина, сказал: «Все бабы дуры», а подумав, добавил: «Умные — тоже». Ну что тут воз-

разишь? Ведь прав, стервец.

Но что же делать? Природа-то так несовершенна. Ей, видите ли, нравится разнообразие. Потому и выдает, скорее всего наугад, одной — пусто, а другой — густо. И наплевать ей на эталоны, шаблоны, клише и прочие штампы, придуманные, как правило, джентльменами, по естеству своему ненавидящими и презирающими нас, жен-

щин, таких милых, очаровательных, привлекательных, обаятельных и пр. Причем заметьте, мы такие и есть. Все, без исключения. Загвоздка в том, осознаем ли мы это на самом деле. Зачем следовать стереотипам, копировать кого-то чужого, чья внешность совершенно не соответствует вашей индивидуальности? Стоит задуматься и, по здравом размышлении, создать свой образ, который бы гармонично сочетался с вашим внутренним миром.

В астрологии есть деление по знакам зодиака. В психологии — по типам темперамента: холерик,

сангвиник, флегматик и меланхолик. В искусстве шарма есть четыре образа женской красоты: зима, весна, лето и осень. Ведь наши далёкие предки считали верховным богом небо, а верховной богиней — землю с её сменой времён года...

К какому священному образу женского начала вы себя отнесёте — зависит от вашего внутреннего ощущения и — от той внешности, которой наградила вас природа. Любой женщине дано более чем достаточно, чтобы покорять вершины и мужские сердца. Надо только раскрыть это так, чтобы ваш внутренний

мир полностью соответствовал внешнему. Ведь это и есть истинная красота!

Для начала — расслабьтесь. Отрешитесь от всего суетного. Думайте только о себе, любимой. И вот, наконец, додумались. У вас спокойный, ровный характер, редко теряете самообладание. Избегаете каких-либо выяснений отношений, и уж тем более громких скандалов, с битьем посуды и дикими визгами. Считаете подобные сцены глупыми, недостойными. Вы — рациональны, подчас прагматичны и всегда трезво и холодно оцениваете ситуацию. К тому же прекрасно знаете, что вам нужно. Если все выше перечисленное свойственно вам — не сомневайтесь: вы — Девочка-зима.

А вот теперь — внимание! Определитесь со своим внутренним ощущением, кто вы есть на самом деле, нелишне подкрепить его и внешними

признаками. Для полнейшей гармонии, так сказать. Понятие «зима» уже само по себе предполагает что-то холодное, застывшее, безусловно, белое. Но в то же время солнечное, искрящееся, даже ослепительное. Со множеством оттенков, нюансов... Девочка-зима — само совершенство, очаровательное в своей загадочности, недоступности (на первый взгляд), мнимой холодности (не стоит забывать об оттепели). Поэтому Девочке-зиме нелишне использовать следующие рекомендации.

Итак, подкрепляем внутренние ощущения, как говорилось выше, внешним проявлением, дабы не было расхождений.

Главное, конечно, лицо.

Когда-то барышни для «интересной бледности» употребляли известь. Вот

ведь мода какая была: нездоровая бледность, и чуть что — хлопаться в обморок. Бедняжки. В просвещенном XXI веке такие жертвы совершенно излишни. Достаточно задействовать кисломолочные продукты. А именно: кефир, сметану, творог, ну и то, что к ним относится. Причем не только в качестве масок на прелестное личико, но и внутрь. А какой эффект! Никакого деревенского, здорового румянца «кровь с молоком» на всю щеку. Получается исключительно аристократическая «интересная бледность». А еще полезно протирать лицо кубиками льда, сделанными из красных соков: гранатового или свекольного. Девочке-зиме рекомендуется также мыть-каше чистым снегом.

Не на последнем месте уход за волосами. Какие они у Девочки-зимы? Если светлые — смело употребляйте желток яйца или ржаной хлеб. Ну, желток понятно — символ мироздания, начало всего сущего. Да и с рожью тоже понятно. Когда-то на Руси все поголовно мыли голову хлебным ржаным квасом. Или еще чем-то подобным. Не жаловались. И цвет волос преобладал русский, а уж густота и колосистость превосходили самые смелые ожидания. Но вдруг у Девочки-зимы волосы от природы смоляные или рыжие? Не огорчайтесь. Бог с ним, в смысле, с цветом. Главное — быть, а не казаться. Но позаботьтесь, чтобы ваши шампуни содержали яйцо или злаки. А там природа сама разберется, какой оттенок волосам придать.

Теперь перейдем к гардеробу. Немаловажная часть имиджа. Исходя из образа, Девочке-зиме подойдут холодные пастельные тона. Хотя не стоит пренебрегать серебристым, голубым и белым. К лицу будет бежевый, салатный, светло-сиреневый, бледно-золотой и жемчужно-розовый. Господи, да, за редким исключением, почти все оттенки снега. Вот в чем секрет — в от-

тенках, а потому выбирайте себе одежду по всей радуге, только не яркой.

Аксессуары. Очень важны. О! Девочка-зима прямо-таки создана для мехов, впрочем, кто ж для них не создан... Как принято считать, лучшие друзья девушек — меха и бриллианты. Но не будем о бриллиантах, Бог с ними. Поговорим о прозе нашего бытия, то бишь о мехах. Они же разные бывают: от драной помоечной кошки (прости, почившая в бозе и злого умысла Мурка) до изысканной шиншиллы. Хотя какие же это аксессуары? Ан нет. Именно они и есть аксессуары, считают наши просвещенные стилисты. Это, когда мехом оторочены обшлага рукавов, ворота, края сумочек, рукавиц, шляпок — вот оно! Девочке-зиме как раз к лицу. И еще, Девочка-зима, не забывай окутывать себя только белым мехом (для полноты образа). Ну, с мехами все уяснили. Теперь, собственно, об аксессуарах. Дерево или кожа — только светлых тонов. Металл — серебро, а если золото, то только белое. Червонное противопоказано — и тяжелит, и старит... А если выбрали янтарь, то опять-таки светлый, а коралл — бледно-пастельный.

Девочка-зима, возьми на заметку правильный выбор своего образа жизни. Работу, увлечения, круг друзей. Здесь все зависит только от твоего мировосприятия, чувства юмора и того самопожертвования, порог которого сама определила для себя.

Вот такой он, один из женских образов, — Зимний. Спокойный, холодный, уравновешенный. Полный достоинства, самоуважения, но без кокетливой самоустраненности... Ведь ты в данном случае — Снежная королева. Какие уж там эмоции!

А в других номерах мы продолжим эту тему и расскажем, какие они — Девочка-весна, лето и осень. □

Зима

Максуд Хундамов

За морозы, а мужик —

За праздники!

Что мы знаем о Новом годе? Старый стиль, новый стиль, царь Петр-реформатор — вот, пожалуй, и все. А знаете ли вы, что до X века Новый год на Руси начинался с полнолуния в первые теплые дни, близкие к весеннему равноденствию? После принятия христианства пришлось использовать византийский юлианский календарь. Новый год стал приходиться в страну 1 марта, по новому стилю — 14 марта (день Евдокии Плю-

щии). И только с 1492 года Новый год в России отмечали по церковному календарю — 1 сентября.

От тех далеких времен мало что сохранилось даже в музеях. Что уж говорить о вещах нематериальных. Кто может достоверно рассказать, как наши предки встречали рождение Нового года тысячу лет назад? Сегодня, пожалуй, никто. А вот полтора века назад, если бы мы приехали в любую российскую деревню, нам бы с удовольствием рассказали, а может, и показали, какими были народные обычаи, ведущие свою историю из эпохи глубокого язычества — святки и колядки.

Одни исследователи полагают, что до принятия христианства святки на Руси были праздником Святовита — одно из имен верховного бога неба. Другие считают, что название народного торжества произошло от старославянского свиатки — души предков.

С колядой все понятнее, у древних славян это был праздник, связанный с началом нового солнечного года. Что интересно, само слово имеет латинские корни. В переводе *calendae* означает начало нового цикла: года или месяца. Отсюда и наш календарь. Славянский корень коло означает круг, колесо. Потому и колобок, кольцо, околица. Но гораздо интересней другое, оказывается, праздники, посвященные солнцевороту, проходили не только на Руси. В Римской империи был праздник рождения непобедимого солнца, а древние англосаксы

праздновали самую длинную ночь в году. Считалось, что в эту ночь рождается новое солнце, знаменующее своим появлением наступление Нового года. А вот в Скандинавии святки — праздник летний, июльский. Июль в переводе — колесо, то есть в самую короткую ночь, год колесом поворачивается. С тех далеких времен отождествления колеса и солнца в нашем языке сохранилась поговорка: «Жили в лесу, молились колесу».

Многие обычаи затерялись в веках, но, по словам историографов, еще за несколько десятков лет до революции почти в каждом деревенском доме в России к Рождеству готовили из пшеничного теста фигурки животных: коров, быков, овец, — их ставили на столы и окна, посылали в подарок родным. Любая хозяйка хранила фигурки до Крещения, а после водосвятия размачивала их в святой воде и давала скоту. Считалось, что это на весь год оградит домашних животных от хвори и болезней.

Святки праздновались всеми, но по большей части это праздник молодежи. По всей стране был распространен обычай новогоднего обхода домов — колядок. В Рязанской губернии впереди всех шла девица, называемая мехоноской, она несла мешок, куда собирались дары, а потом занималась дележом сбора. Обходов таких обычно было три: в Сочельник, под Новый год и накануне Крещения.

После шумного и веселого колядования молодежь собиралась в «посиделочной» избе и устраивала общую пирушку —

начисто съедали все, что собрали за ночь. Заметьте, только ели, и ничего не пили. Начинались посиделки. Устраивались разные игры и забавы. Парни и девушки присматривались друг к другу. Одежды надевались самые шикарные. Кто не имел наряда (из тех, кто победнее), брал его у более состоятельных односельчан. Конечно, приходилось потом отработать, но прийти на праздник без праздничного наряда было просто не принято. За ночь несколько раз переодевались, каждый раз к новому игрищу. Меняли сарафан и платок, обязательно самых ярких расцветок. Считалось, что этим можно напугать злых духов.

Но особенно любили на Руси ряженых, у которых, в свою очередь, имелись любимые маски. Так, на Псковщине в особом почете была маска медведя, уж и не известно, с чем это связано, может, медведей водилось много... Медведь показывал, как «бабы по воду ходят», как «девки в зеркальце смотрятся» и как «ребятня горох ворует».

В чести был и «журав». Чтобы изобразить журавля, парень набрасывал на себя вывернутую наизнанку шубу, в один из рукавов которой вставлял палку с крючком на конце. Это — клюв. «Журав» бегал за девушками и бил их клювом. Чтобы откупиться от назойливой птицы, они бросали на землю конфеты, орехи, пряники, которые журавль и подбирал.

Частенько в избу влетала целая толпа «нечисти». Ребята любили наряжаться в белые длинные рубахи с рукавами до пола, надевали страшные маски и с криками принимались пугать девушек. Те, оправившись от первого испуга, начинали отбиваться от «нечисти» и постепенно выгоняли ее из дома. Забава имела в том числе и магический смысл: выгнав, пусть и ряженую, но все же нечисть, хозяева дома расчищали путь Новому году.

Какие же святки без гаданий? Особенно в «страшные» вечера (между Новым годом и Крещением). Ходили «слушать» за деревню на перекресток дорог. В какой стороне залает собака, оттуда и

жди суженого. Подслушивали под окнами. Если ругаются — в плохой дом выйдешь, смеются — в хороший. Благосостояние суженого выясняли другим гаданием. Предварительно сняв крест, девушка отправлялась к амбару и говорила: «суженый-ряженный, приходи рожь мерить!» Если послышится, что внутри амбара пересыпают зерно — быть за богатым, метут пол веником — за бедным. Или же другой способ: выдернуть наугад из стога колосок — попадется с зерном — богатый жених будет.

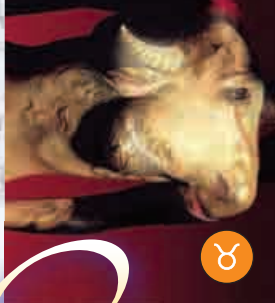
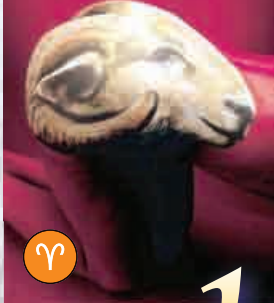
Но самым верным и самым страшным считалось гадание ночью в пустой бане. Когда на стол ставили свечу, а перед ней — зеркало, в котором девушка должна была разглядеть суженого.

Считалось, что в страшные вечера нечисть становится особенно активна. И деревенские парни, дабы не ставить под вопрос древнее убеждение, начинали всячески чудить. То поленицы порассыпают, то ворота чем-нибудь подопрут, да так, что из дома не выйти. Или забрались кому-нибудь на крышу и закладывали досками печные трубы. Вся деревня знала, чьи это рук дело, но к «нечисти» относились миролюбиво, благо, что после Крещения все прорделки прекращались.

Чтобы окончательно избавиться от злых духов, накануне Крещения, в Богоявленскую ночь, толпа молодых людей носилась по всем дворам и била кнутами и метлами по всем темным углам — всюду, где могли бы спрятаться черти и прочие кикиморы. Кроме того, на всех окнах, дверях и ставнях мелом рисовали кресты.

А заканчивались святки по всей стране одинаково — Иорданью. Так называлось освящение воды в Крещение. Все русские люди считали своей непременной задачей окунуться в прорубь и смыть с себя грехи святочных игр, ряжения и масок... □

Новогодний

*Теперь мы все по гороскопу
Сверяем нашей жизни ход,
И знаки учим, точно ноты,
И каждый на свой лад поет.
(Особенно под Новый год).
Начнем, пожалуй, тост заздравный
Про Млечный путь и звездный след,
Сужденный молодым и старым
Причудливой игрой планет.*

♈ Вот **Овн**. Сей знак силен и ярок,
Упрям, тщеславен и умен.
Но в жизни... В общем, не подарок,
Практически, игра с огнем.
Зато он пылок и отважен.
Так выбирайте, что вам важно.

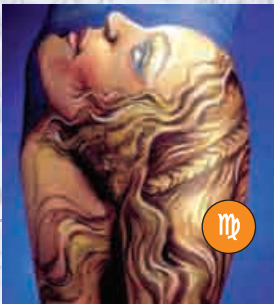
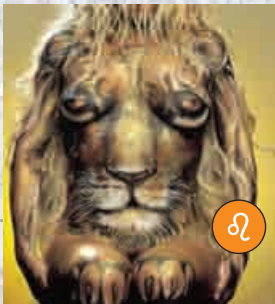
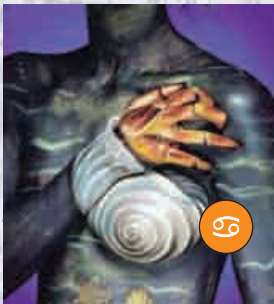
♉ **Телец** серьезен и практичен,
Ему важней всего покой.
Но втайне очень романтичен
И суверен... Хоть порой,
Когда задеты честь и сердце,
Задать способен крепко перца.

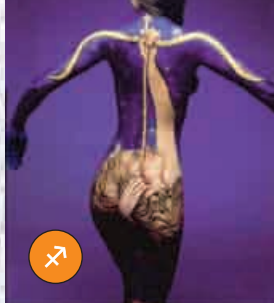
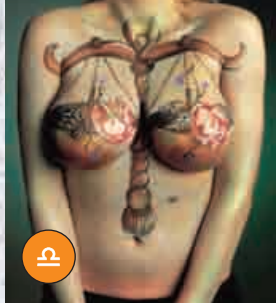
♊ Ох, **Близнецы!** Ох, мотыльки!
Они себя не понимают,
Чужими судьбами играют,
Да и своими... Игроки,
Двуликое очарованье —
Двойное разочарованье.

♋ **Рак** положительно умен,
Расчетлив, предан и надежен,
И все-таки довольно сложен
В семейной жизни. Ибо он
Не понимает компромиссов
И не приветствует сюрпризов.

♌ **Лев** — царь, но только не зверей.
Он царь по жизни и ухваткам:
Самодержавная повадка
И гордость царственных кровей.
Всегда при свите и короне.
Он... страшно одинок на троне.

♍ Понять загадочную **Деву** —
Почти невыполнимый труд.
Ей по плечу любое дело,
Но не по вкусу уют,
Аврал, бардак и суматоха.
Где хорошо другим — ей плохо.

гороскоп

Светлана Иль

♏ Весы... Спокойны лишь наружно,
На самом деле — пыл и страсть
Сегодня. Завтра — лед и стужа,
Попробуй в унисон попасть.
Раз вам налево — им направо,
И не найти на них управы.

♏ Поберегитесь Скорпиона:
Сей бесподобный лицедей
Заманит вас в тенета споров
И бросит так же без затей.
Он щедр и скуп, он лед и пламень,
А главное — он так коварен!

♐ Стрелец всегда и вечно верен
Одной любви... Увы, к себе.
Во всем широк и неумерен
И хорошо ему везде.
Он мил, талантлив и восторжен...
Но, Боже мой, так ненадежен!

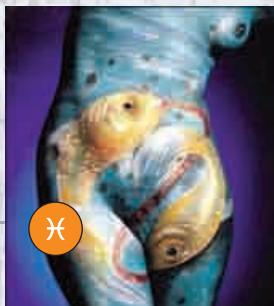
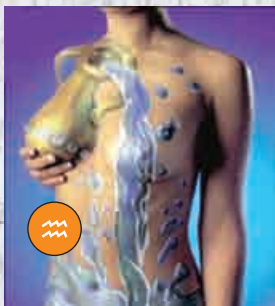
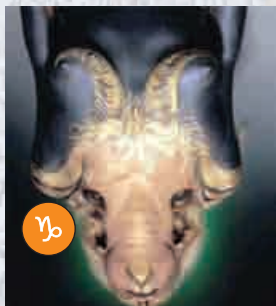
♑ Другая песня — Козерог.
Он верен и самоуверен,
Последовательный, точно рок,
Упрям, но честен и примерен.
Тем, кто не любит перемен,
Предписан Козерога плен.

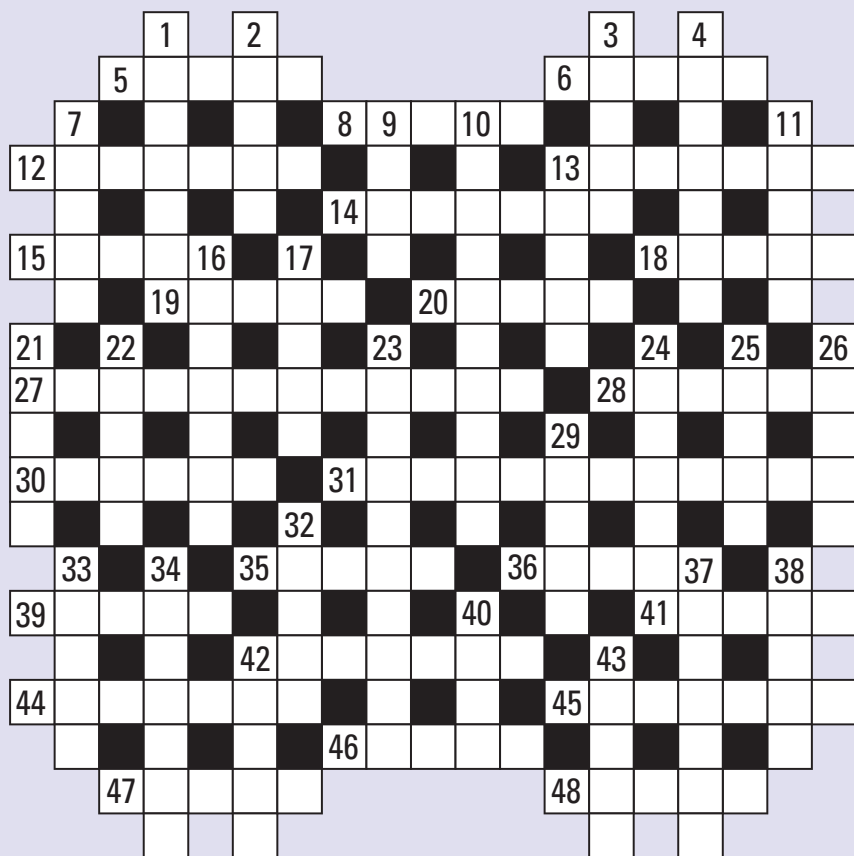
♒ Теперь пред нами — **Водолей.**
Не знак: загадка из загадок.
Смешенье света и теней,
Головоломка и шарада.
Его любить — почти фатально.
Расстаться? Просто нереально.

♓ А **Рыбы** плещутся привольно,
Блестящая яркой чешуей,
И привлекают взгляд невольню
Своей русалочьей игрой.
Но осторожно! Ледяная
Вода и кровь их... голубая.

*Конечно, это шутки.
Зодиак, на самом деле,
Непростая штука,
И каждый в нем
Присутствующий знак —
Судьба, характер, целая наука.
Но Новый год — веселый карнавал,
Нарядное и пышное застолье,
В котором легкий гороскопный бал
Всего лишь развлечение.*

Не более.

По горизонтали. 5. Самая послушная предписанному часть коллектива в советские времена. **6.** Пламенная оргия, какой весьма любил любоваться И. Крылов. **8.** Сказочный герой, поглощение русской лени. **12.** Верхняя часть неба, наполненная огнем, в античной натурфилософии. **13.** Сословно-податной разряд купечества. **14.** Европейская страна, из-за внутренних распрей в середине XV века завоеванная Турцией и лишь к началу XVIII века освобожденная австрийцами. **15.** Японское стихотворение, самым

знаменитым мастером которого был поэт Мацуо Басё. **18.** «Сердце государства» (Пьер Буаст). **19.** Морская мясорубка. **20.** Рыбий коллектив. **27.** Политик, противодействующий правящей партии. **28.** Человек, которому легко заткнуть рот. **30.** Химический элемент, названный в честь Франции. **31.** Нередкое свойство плагиатора по отношению к литературе. **25.** Коктейль в мире животных. **36.** Трава; настой или отвар из ее корней используют в лечении дыхательных путей. **39.** «Достойный и хитрый крючоктвор,

огласитель жалоб, начетчик и буквоед» (Г. Болингброк). **41.** «...Растеряевой улицы» — одна из лучших книг Г. Успенского. **42.** Выброшенная экстравагантность. **44.** Вязаная спортивная одежда, ставшая повседневной. **45.** Изобретение, задолго до которого был известен ход конем. **46.** Мистический шепот природы. **47.** Самая длинная в Евразии река. **48.** «Внешняя совесть» (А. Шопенгауэр).

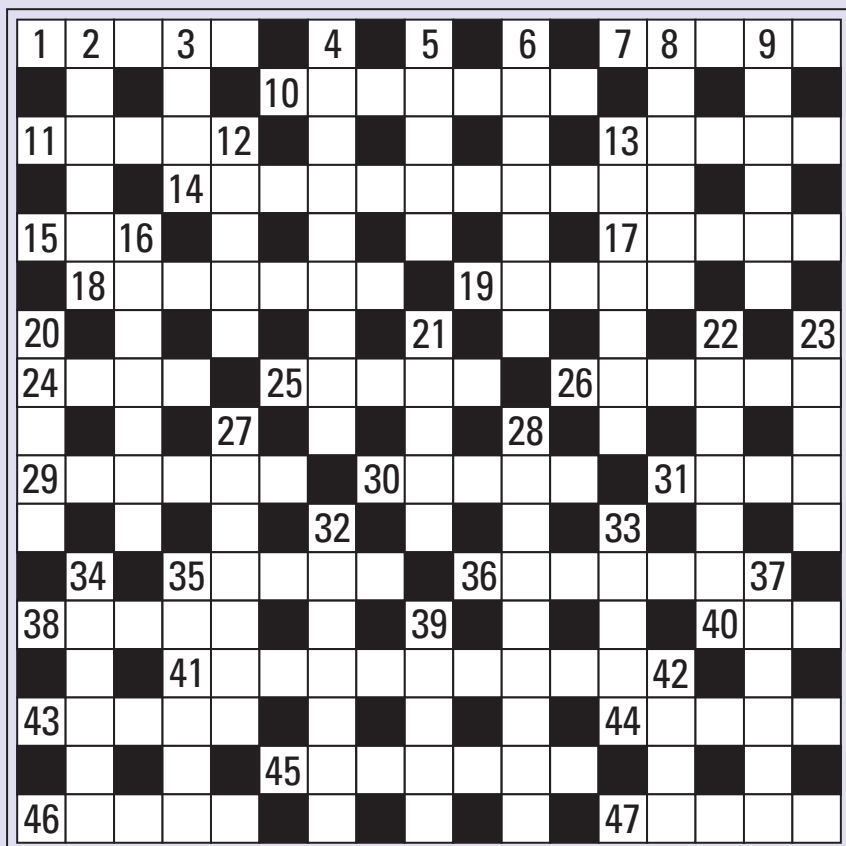
По вертикали. 1. «Вдова Паганини» по своей сути. **2.** Предмет одежды, обязательный для кучера пиражского фиакра. **3.** Столица страны, где лев залезает в бумажник. **4.** Французский писатель, которого словно бы чуть не поголовно читали россияне и бросились угощать описанную им жажду денег вешней. **7.** Возвышение в церкви, откуда священники произносят молитвы и проповеди. **9.** Остров в Адриатическом море, побывав на котором, по старинному поверью, влюбленные обретут счастье. **10.** «Слабость в мужчине, но сила в ребенке» (Ч. Лэм). **11.** Субстанция Коцця, которую не будет страховать ни одна компания. **13.** Дядя... — московский «король ре-

портеров», 50 лет проживший в Столешниковом переулке. **16.** Наставник, порой надоедливый. **17.** Черпак в лодке для вычерпывания попавшей в нее воды. **21.** О глупце говорят, что у него ... не на месте. **22.** Тяжелый брус, какой «нянчили» женщины на советских железных дорогах. **23.** Жорж Санд как писательница. **24.** Актер Голливуда, в первых 12 фильмах снявшийся под своей настоящей фамилией Бучински. **25.** Заносчивость, кичливость, которую можно сбить. **26.** Весьма прямолинейная фигура. **29.** «...чернит с пользой, а злой человек с удовольствием» (Козьма Прутков). **32.** Приятный мужской голос, пока он не доходит до высоких нот. **33.** Неровность, прерывистость голоса от волнения, огорчения. **34.** Четыре четверика на Руси. **37.** «Рай раба» (Пьер Буаст). **38.** Подарок будущей жене с расчетом приучить ее к венуку. **40.** Город, близ которого зеленеет Никитский ботанический сад. **42.** Разбойник на доске в клетку. **43.** Занятие, где мужчина часто носит женщину на руках и ходит перед ней на цыпочках.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 12

По горизонтали. 1. Клуб. **6.** Втык. **9.** Волхв. **13.** Унтер. **15.** Арал. **17.** Леди. **18.** Рожа. **19.** Ложе. **21.** Халифат. **22.** Ерменёв. **23.** Монархист. **24.** Оклад. **27.** Фишка. **29.** Агроном. **32.** Эвглена. **33.** Серебро. **34.** Индий. **35.** Хмырь. **36.** Пародия. **37.** Зубец. **39.** Ссуда. **41.** Конклав. **43.** Бастион. **45.** Жакерия. **48.** Черви. **51.** Ранчо. **52.** Чентезимо. **54.** Ганджур. **56.** Империя. **59.** Осин. **60.** Шнек. **61.** Осса. **62.** Нокс. **63.** Виньи. **64.** Транс. **65.** Брак. **66.** Атаи.

По вертикали. 1. Крах. **2.** Увал. **3.** Боливар. **4.** Цветонос. **5.** Мужество. **6.** Веление. **7.** Трон. **8.** Киев. **10.** Хлам. **11.** Мираж. **12.** Брюхо. **14.** Нарт. **16.** Рамка. **20.** Жёнка. **25.** Лгун. **26.** Доницетти. **27.** Фломастер. **28.** Шнур. **30.** Мегафон. **31.** Щекотка. **32.** Эрмитаж. **38.** Удар. **40.** Джин. **41.** Коперник. **42.** ...вахмистр. **43.** Бекас. **44.** Сводник. **46.** Равенна. **47.** Ячник. **49.** Этика. **50.** Взлом. **52.** Чушь. **53.** Омар. **54.** Горб. **55.** Нива. **57.** Рост. **58.** Ясли.

По горизонтали. 1. Гаремыка. **7.** Единотроубный брат Геракла. **10.** Обувь Ван Гога времени Боринажа, которую он всегда возил с собой и не раз писал. **11.** Традиционная «национальная живопись» Китая. **13.** Иконописный символ апостола Луки. **14.** Композитор, подбивший М. Врубеля выпить последний — запретный — бокал вина, что сыграло роковую роль в жизни художника. **15.** Одномачтовое судно, на котором поморы в старину доходили до Обской губы. **17.** Немецкий химик и врач, автор флогис-

тонной теории, позже отвергнутой А. Лавуазье. **18.** Топленое молоко, приготовленное медленным выпариванием и заправленное сметаной. **19.** В Древнем Риме были луцеры, рамны и тации (каждая из групп граждан). **24.** Часть сонат А. Вивальди, А. Корелли, Ж. Рамо. **25.** Состояние, от которого, по мнению Фигаро, «жиреют лишь дураки». **26.** Японская борьба, где главное — отбить у противника охоту нападать. **29.** Самоцвет, ножи и топоры из которого служили древним людям многие столетия.

30. Царь, запретивший слова «гражданин» и «отечество», а также фракки и лакированные туфли. **31.** Болгарский народный круговой танец, близкий к румынской сырбе. **35.** Английский философ, чья «бритва» отрезает как ненужные избыточные доказательства и постулаты. **36.** Сейчас помесь животных — гибрид, а еще при А. Чехове по-русски — ... **38.** Озеро, открытое не Д. Ливингстоном, как сказано в бездарном энциклопедическом справочнике «Африка», а португальцем Ж. Монтейру. **40.** Фамилия яблока, на самом деле упавшего на голову Ньютона. **41.** Стилистическая фигура в строке песни петровского времени: «Стопочкой по столику стук-постук». **43.** Самый большой в Европе жук. **44.** Народное название кукушкиных слезок. **45.** Длинная женская накидка без рукавов, мода на которую (в 1870-е годы) очень не нравилась Ф. Достоевскому. **46.** Хан Золотой Орды, сделавший ислам государственной религией. **47.** Часть воеводства в Польше.

По вертикали. 2. Исследователь Воронежского края, «первооткрыватель» поэта И. Никитина. **3.** Пользование чужой вещью в римском праве. **4.** Знаменитый клоун, в создании репертуара которого участвовал В. Маяковский. **5.** Стиль в искусстве, родившийся во Франции при Наполеоне. **6.** Фат, франт, а то и наглец (по В. Далю). **8.** Панов инструмент.

9. Крепость внутри города на Руси (в летописи впервые упомянута в 1331 году). **12.** Профессиональный спортсмен в Древней Греции; победителя соревнований ждали почести и привилегии, вплоть до освобождения от налогов. **13.** Семья немецких художников — больше десяти; среди них Магдалена Маргарета — «живописица цветов». **16.** Американский биохимик родом из Черновцов, чьи работы помогли Ф. Крику и Д. Уотсону построить модель ДНК. **20.** Кувшинное рыло арабских сказок. **21.** Титан греческой мифологии, которому его жена Тетида родила три тысячи сыновей и столько же дочерей. **22.** Грибник в научном смысле. **23.** Стоит за французским «бру-ха-ха». **27.** Инструмент, всегда возвращающийся на круги своя. **28.** Художник, о котором К. Брюллов говорил, что он похитил солнечный луч. **32.** Вычурный, замысловатый оборот речи. **33.** Суфий, беспрекословно подчинившийся имаму или шейху. **34.** Самоцвет, какой в России называли хруликом, а ювелиры Западной Европы — восточным аквамарином. **35.** Пахота сохой в былинные времена. **37.** Поэт и музыкант, которого Ф. Сологуб прозвал «заикающимся соловьем». **39.** Птица, лучше певшая, когда ей выкалывали глаза. **42.** «...он барщины старинной оброком легким заменил; и раб судьбу благословил» («Евгений Онегин»).

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 12

По горизонтали. 1. Шнека. **7.** Ящер. **11.** Скорбут. **12.** Иштван. **13.** Хлеб. **14.** Жиробус. **15.** Лыстец. **17.** Токо. **18.** Зенит. **19.** Кларк. **24.** Танец. **25.** Прерафаэлит. **27.** Бабничество. **28.** Отчим. **31.** Шаири. **32.** Чуче. **36.** Гран. **38.** Азалия. **39.** Берлиоз. **40.** Дюфи. **41.** Акинак. **42.** Вишнут. **43.** Йорк. **44.** Мятёж...

По вертикали. 2. Натиск. **3.** Куарез. **4.** Эквилибрист. **5.** Гриот. **6.** Нукуалофа. **8.** Щелчок. **9.** Ребров. **10.** Виола. **16.** Цех. **17.** Траэтта. **20.** Марат. **21.** Фейнман. **22.** Чревоугодие. **23.** Пиния. **26.** Очернение. **29.** Тха. **30.** Угедей. **31.** Шамфор. **33.** Езекия. **34.** Юление. **35.** Лямка. **37.** Глина.

— Василий, многие зрители вас знают как собкора НТВ. Что заставило вас заняться переводами?

— Дело в том, что я, строго говоря, не занимаюсь переводом конкретно романа Фюера. Что касается пьесы «Монологи вагины», которую я перевел пять лет назад, тогда это было вызвано необходимостью самому что-то процитировать — я работал над статьей. Перевел один монолог, потом еще один, а потом уже и всю пьесу — она не такая уж и большая. Перевел в свое время статью из «Ньюйоркера», когда толь-

В Арканов Василий

ко-только появилась информация, что Стейси Шифф написала книгу о Вере Набоковой и называлась она «Вера». В «Ньюйоркере» была опубликована глава. Мне она страшно понравилась, и я попытался ее перевести.

— Почему вы взялись за перевод Фюера?

— Побудительные мотивы всегда одни и те же — понравилась книга и захотелось с кем-нибудь поделиться.

— Как вы работали над переводом Фюера? С какими трудностями столкнулись во время работы?

— Трудности очевидны: книга написана на нестандартном английском. Она состоит из двух частей, и одна из них написана ломаным языком, английским, на котором якобы говорят русские люди. Но это не так, все ошибки, которые делает главный герой Алекс, придуманы. И в этом определенная прелесть этой книжки.

Мой перевод пережил три редакции. Я решил, что по-русски же Алекс говорит грамотно, поэтому я написал грамотный текст, но со смешными ошибками, нелепостями. Мне хотелось донести чистоту и искренность этого героя.

— *Какова основная мысль этого произведения?*

— Трудно определить. Дело в том, что сам Фоер так много об этом говорил, что мне уже трудно отделить свои ощущения от его. На мой взгляд, в книге несколько основополагающих мотивов. Но самое главное — это роман о любви и семье. И здесь не важна национальность, время или место.

— *«Полная иллюминация» — это единственный роман Фоера?*

— Фоер очень молод. Когда я с ним встретился, ему было 25 лет, и тогда на него еще не успел обрушиться огромный кусок славы. Это совершенно очаровательный, интеллектуальный человек, в очках, высоколобый, начитанный, очень спокойный, совершенно несуетливый, живущий в каком-то своем мире. Непонятно, откуда при такой молодости — такая мудрость. В «Полной иллюминации» есть мысль: у евреев существует шесть чувств. Шестое чувство — это память. Фоер — воплощенное шестое чувство евреев.

— *Вы смотрели экранизацию «Полной иллюминации»?*

— Нет, не смотрел, причем сознательно. Дело в том, что я видел ролик, анонсирующий выход этого фильма, и понял, что мне будет тяжело его смотреть. Потому что за то время, что я переводил, настолько сроднился с этим романом, что теперь очень лично все воспринимаю. Экранизация стала буффонадой. Режиссеры убрали полностью историческую линию. Там нет истории Трахимброда.

— *Кто первым увидел перевод Фоера?*

— Отрывки перевода я регулярно посылал своей знакомой Янине Костричкиной, которая живет в Москве. Она — автор текстов к зарубежным фильмам и по совместительству — «внучка Золушки» — Янины Жеймо. Мы очень давно дружим семьями. Ей очень понравился перевод. И во многом благодаря ей перевод все-таки увидел свет. Каждый раз мне казалось, что ничего не получилось ... И каждый раз, когда я отправлял ей очередную главу, она писала: «Васька, как здорово! Пошли мне еще главу!», и это толкало меня вперед.

— *Ваша любимая книга?*

— Их довольно много. Кстати, как Фоер говорил: «Очень трудно сказать: я тебя люблю, потому что «я тебя люблю» подразумевает: я тебя люблю так, как никогда никого не любил». И как сказать — любимая книга? А как же тогда все остальные? Могу назвать одного из моих любимых писателей — Набоков.

— *Отойдем немножко от литературы. Расскажите о вашей работе собкора в США. Насколько часто вы приезжаете в Россию?*

— В Россию приезжаю раз в год. С 2001 года работаю на НТВ. Вообще, самый первый репортаж был о спектакле «Чайка», после которого меня взяли на работу на НТВ.

— *Где легче работать журналистом — в США или России?*

— Я закончил журфак МГУ и работал в «Советском театре». Выходил он 4 раза в год, поэтому, конечно, нагрузка была небольшая. Я там вел какую-то рубрику, брал интервью у актеров, устраивал съемку. Сказать, что серьезно занимался журналистикой в России, нельзя. Что касается, где легче работать... В Америке больше существует журналистская традиция, там больше возможностей, и СМИ имеют большее влияние на общество. Но там свои трудности, а в России — свои.

— *Вы собираетесь когда-нибудь вернуться в Россию?*

— Не исключаю этого. Если будет какая-то работа, которая будет мне интересна, то, конечно, приеду. Или я встречу здесь свою судьбу, которая мне скажет: не поеду в Америку, буду жить в России. Тогда я тоже приеду. □

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

